

Именно такой
и должна быть фэнтези.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

Вещной мат

СЫН
СОЛДАТА
Книга 2

РОБИН ХОББ

Сын солдата

Робин Хобб

Лесной маг

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хобб Р.

Лесной маг / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус», 2006 — (Сын солдата)

ISBN 978-5-389-20994-7

Эпидемия чумы, порожденная магией спеков, опустошила Королевскую Академию каваллы. Многие кадеты умерли, а у тех, кому посчастливилось ее пережить, здоровье подорвано настолько, что они вынуждены распрощаться с военной карьерой и вернуться в свои семьи, где их ждет прозябание. Только Невар Бурвиль доволен судьбой – он на удивление быстро восстанавливает силы после болезни и мечтает поскорее встретиться со своей невестой, красавицей Карсиной. Но, вернувшись под родной кров, он с ужасом осознает, что чума не отпустила его. Ее редкий побочный эффект уродует Невара, вызывая отвращение и стыд у его близких. А по ночам его изводят странные сны, в которых он предает то, чем дорожит наяву...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20994-7

© Хобб Р., 2006
© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	53
Глава 6	70
Глава 7	87
Глава 8	101
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Робин Хобб

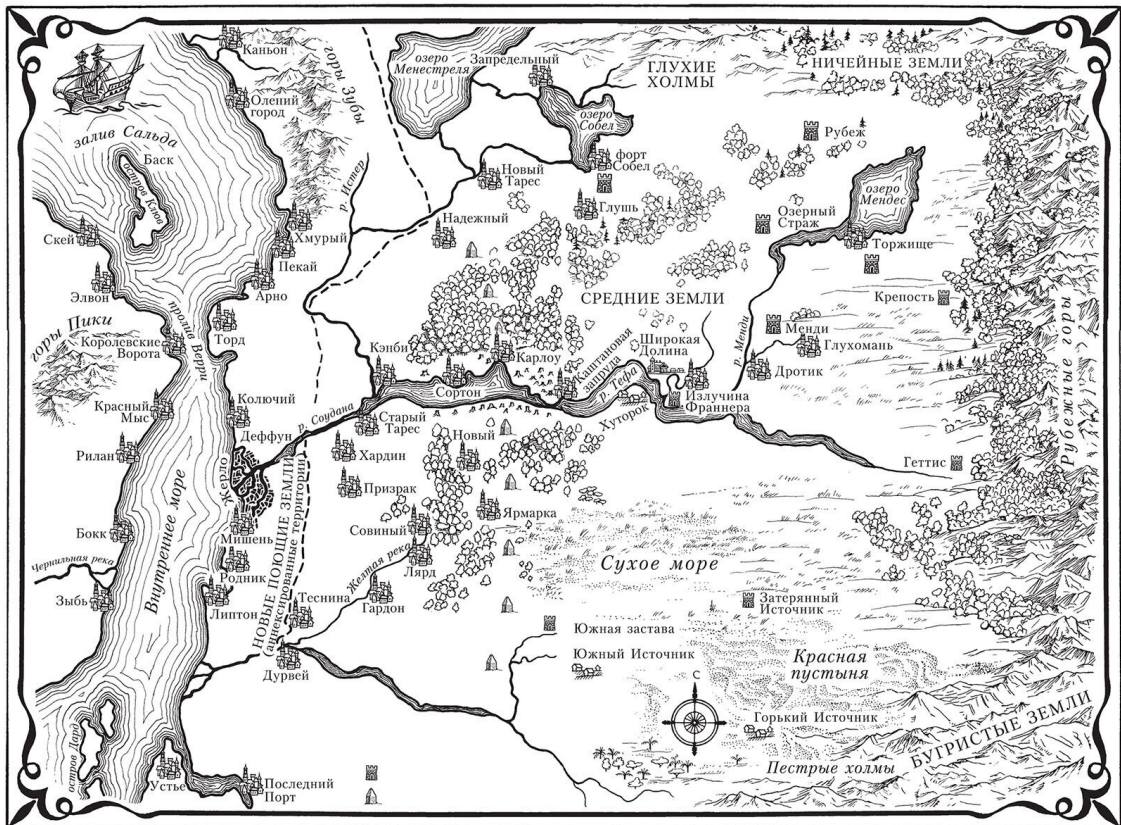
Лесной маг

© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Александр и Ядин, моим товарищам в трудные годы. Обещаю никогда не убегать.

Глава 1

Лесные сны

Лес полон благоухания. Оно исходит не от отдельного цветка или листа. Это не густой аромат темной рыхлой земли и не сочность фруктов, вызревших до приторной сладости. Запах, который я помню, соединяет в себе все это – солнечный свет, пробуждающий самую их суть, и легчайший ветерок, смешивающий их в единое целое. Она пахла именно так.

Мы лежали рядом в беседке. Над нами тихонько покачивались кроны деревьев, и в такт их движениям на наших телах танцевали солнечные лучи. Ползучие растения, свисающие с ветвей у нас над головами, зеленой стеной окружали лесное убежище. Моя нагая спина утопала в густом мху, а ее нежная рука служила мне подушкой. Лозы и лианы укрывали наше ложе за пологом листьев и крупных бледно-зеленых цветов. Чашелистики вытягивали вперед мясистые губы лепестков, тяжелых от пыльцы. Большие бабочки с оранжевыми в черных отметинах крылышками исследовали их. Одно из насекомых слетело с низко свисающего цветка, опустилось на плечо моей возлюбленной и принялось ползать по ее бархатной пятнистой коже. Я смотрел, как оно развернуло черный хоботок, чтобы попробовать на вкус капельки испарины лесной женщины, и позавидовал ему.

Я тонул в неописуемом покое и удовлетворении, превосходящем по силе страсть. Я лениво поднял руку, чтобы преградить дорогу бабочке, но она бесстрашно перебралась на мои пальцы. Тогда я поднял ее, превратив в изысканное украшение для густых спутанных волос моей возлюбленной. Почувствовав мое прикосновение, она открыла глаза, зеленые с легкой примесью карего. Она улыбнулась, и я привстал, опираясь на локоть, и поцеловал ее, а она прижалась ко мне пышной, поразительно мягкой грудью.

– Мне жаль, – тихо проговорил я, отстранившись после поцелуя. – Мне так жаль, что пришлось тебя убить.

Ее глаза были грустными, но по-прежнему любящими.

– Я знаю, – ответила она, и в ее голосе не прозвучало упрека. – Не переживай, мальчик-солдат. Все будет так, как должно. Теперь ты принадлежишь магии и будешь делать то, что ей потребуется.

– Но я убил тебя. Я любил тебя – и убил.

Она мягко улыбнулась:

– Такие, как мы, не умирают, подобно прочим.

– Значит, ты все еще жива? – спросил я, отодвинулся и, опустив глаза, посмотрел на ее живот.

Она солгала. Моя сабля оставила широкую рану, внутренности вывалились наружу и лежали между нами на мху. Они были розовыми с серым, извивались, точно жирные черви, и, теплые и скользкие, грудой лежали на моих голых ногах. Ее кровь перепачкала мои гениталии, я попытался закричать и не смог. Попытался отстраниться от нее, но мы словно срослись друг с другом.

– Невар!

Вздрагнув, я проснулся и сел на койке, беззвучно хватая воздух открытым ртом. Надо мной нависло высокое бледное привидение, и я сдавленно вскрикнул, прежде чем узнал Триста.

– Ты стонал во сне, – сказал мне Трист.

Я судорожно провел руками по бедрам, потом поднес ладони к глазам и в тусклом свете, падающем из окна, разглядел, что на них нет крови.

– Это всего лишь сон, – заверил меня Трист.

– Извини, – пристыженно пробормотал я. – Я разбудил тебя.

– Ты не единственный, кого мучают кошмары.

Тощий кадет сел в ногах моей постели. Когда-то он был стройным и проворным, сейчас же походил на скелет, а двигался как немощный старик. Он закашлялся и с трудом перевел дух.

– Знаешь, что снится мне? – спросил он, но не стал дожидаться ответа. – Мне снится, будто я умер от чумы спеков. Потому что я на самом деле умер. Я был среди тех, кто умер, а потом ожил. Но мне снится, что, вместо того чтобы оставить мое тело в лазарете, доктор Амикас позволил им вынести меня вместе с трупами. В этом сне меня бросили в глубокую яму и засыпали известью. Мне снится, что я прихожу в себя под телами, от которых несет мочой и блевотиной, а известь разъедает мою плоть. Я пытаюсь выбраться, но на меня падают все новые и новые трупы. Я рвусь наружу изо всех сил, продираюсь через гниющую плоть и кости и вдруг понимаю, что карабкаюсь на тело Нейта. Он умер и гниет, но он открывает глаза и спрашивает: «Почему я, Трист? Почему я, а не ты?»

Трист неожиданно вздрогнул и обхватил себя за плечи.

– Это всего лишь сны, Трист, – прошептал я.

Вокруг спали другие первокурсники, которым посчастливилось пережить чуму. Кто-то кашлял во сне, кто-то другой забормотал, потом принялся скулить, словно щенок, но вскоре затих. Трист был прав. Не многие из нас спали спокойно.

– Это всего лишь плохие сны. Все кончилось. Чума нас пощадила. Мы выжили.

– Тебе легко говорить. Ты поправился. Ты здоров и полон сил.

Он встал. Рубашка висела на иссохшем теле, и в тусклом свете спальни его глаза казались темными дырами на лице.

– Может, я и выжил, но чума не пощадила меня. И мне придется жить с тем, что она со мной сделала, до конца своих дней. Думаешь, я когда-нибудь смогу возглавить атаку, Невар? Мне едва удастся выдержать на ногах утреннее построение. Моя карьера военного закончилась, не успев начаться. Мне уже никогда не жить так, как я собирался.

Он встал и шаркающей походкой вернулся к своей кровати. Когда он сел на нее, он уже тяжело дышал.

Я медленно откинулся на подушку. Трист снова хрипло прокашлялся и лег. Меня несколько не утешало то, что его тоже мучают кошмары. Я вспомнил древесного стража и содрогнулся.

«Она умерла, – уверил я сам себя. – Она больше не может пробраться в мою жизнь. Я ее убил. Я убил ее и вернул себе ту часть своей души, которую она украла и соблазнила. Она больше не может мной управлять. Это всего лишь сон».

Я глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, перевернул подушку прохладной стороной вверх и опустил на нее голову. Впрочем, я не решился закрыть глаза, опасаясь провалиться обратно в кошмар, и принялся размышлять о настоящем, стараясь прогнать ночные ужасы.

Со всех сторон меня окружала темнота, мои выжившие товарищи спали. Спальня Брингем-Хауса представляла собой длинное, открытое помещение с большими окнами в каждом конце. Вдоль стен выстроились два аккуратных ряда коек, всего сорок, но только тридцать одна из них была занята. Полковник Ребин, командующий Королевской Академией каваллы, объединил сыновей старой аристократии с сыновьями боевых лордов и вернул кадетов, исключенных в этом году, но даже эта мера не смогла полностью восстановить наши сократившиеся ряды. Полковник мог сколько угодно говорить о нашем равенстве, но я полагал, что только время и близкое знакомство уничтожат пропасть, разделявшую сыновей старых аристократических семей и тех из нас, чьи отцы получили свои титулы от короля в благодарность за заслуги на поле боя.

Ребин был вынужден нас объединить. Чума спеков, пронесшаяся по Академии, истощила ее. Из нашего курса выжила только половина кадетов. Второй и третий пострадали не меньше.

Погибли не только студенты, но и преподаватели. Полковник Ребин делал все, что мог, чтобы реорганизовать Академию и вернуть ее к прежнему распорядку, но мы все еще зализывали раны. Чума спеков уничтожила целое поколение будущих офицеров, и армия Гернии остро ощутит эту утрату в ближайшие годы. Именно этого и добивались спеки, когда магией насылали на нас страшную болезнь.

Когда начался новый учебный год, наш боевой дух был подорван. Не только из-за числа смертей, свидетелями которых мы стали, хотя уже и это было ужасно. Чума пришла к нам и убивала как хотела, – враг, бороться с которым не помогала вся наша подготовка. Сильные, храбрые юноши, мечтавшие отличиться на поле боя, умирали в своих постелях, перепачканные блевотиной и мочой, жалобно призывая матерей. Солдатам не стоит напоминать о том, что они смертны. Мы полагали себя юными героями, полными энергии, отваги и желания жить. Чума показала нам, что мы тоже можем умереть, что мы так же уязвимы, как беспомощные младенцы.

В первый раз полковник Ребин собрал нас на плацу в составе прежних подразделений, скомандовал: «Вольно!» – и приказал нам оглядеться и увидеть, сколько наших товарищей погибло. Затем он произнес речь, сообщив, что чума стала первым сражением, в котором нам удалось выжить, и что как она не делала различий между сыновьями старых аристократов и боевых лордов, так не станут делать и пуля или клинок. Пока он формировал новые подразделения, я размышлял над его словами. Я сомневался, действительно ли он понимал, что чума спеков не являлась случайной заразой и на самом деле была ударом, направленным против нас, столь же явным, как военная атака. Спеки послали исполнителей танца Пыли с далеких восточных границ Гернии в столицу с вполне определенной задачей – распространить болезнь среди аристократии и будущих офицеров армии. Они успешно сократили наши ряды. И если бы не я, их успех был бы полным. Иногда я этим горжусь.

А порой вспоминаю, что, если бы не я, они вообще ничего не смогли бы нам сделать.

Я безуспешно пытался заглушить угрызения совести. Я стал невольным помощником спеков и древесного стража. Нет моей вины, говорил себе я, в том, что я оказался в ее власти. Много лет назад мой отец доверил мое обучение воину из равнинных племен. Девара едва не убил меня своим «воспитанием». И под конец решил «сделать из меня кидона», познакомив с магией своего народа.

По собственной глупости я позволил ему опоить меня и ввести в потусторонний мир его народа. Он сказал мне, что я могу завоевать славу и почет, сразившись с древним врагом кидона. Но после ряда испытаний передо мной возникла толстая старуха, сидящая в тени огромного дерева. Я был сыном-солдатом своего отца, воспитанным в рыцарском духе каваллы, и не мог поднять меч на пожилую женщину. И из-за этой неуместной галантности был побежден ею. Она «отняла» меня у Девара и сделала собственной пешкой. Часть меня осталась с ней в мире духов. Пока я вырослел и начинал свое обучение в Академии, чтобы стать офицером каваллы, эта часть работала на стража. Древесная женщина превратила ее в спека во всем, кроме пятнистой кожи, через нее шпионила за моим народом и выдумала жуткий план уничтожить нас чумой. Изображая пленных танцоров, ее посланники прибыли в Старый Тарес на карнавал Темного Вечера и спустили на нас болезнь.

Мной овладела часть моего существа, бывшая спеком, и я подал исполнителям танца Пыли знак, подтверждая, что они достигли цели. Люди, пришедшие на карнавал, думали, что смотрят на примитивную пляску, а на самом деле вдыхали болезнь вместе с летящей пылью. Когда я со своими товарищами ушел с праздника, мы уже были заражены. И вскоре болезнь охватила весь Старый Тарес.

Я крутился на постели в темной спальне, взбивал подушку и уговаривал себя: «Прекрати думать о том, как предал свой народ. Думай лучше о том, как спас его».

Так и было. В лихорадочном забытии, рожденном чумой, мне наконец удалось вернуться в мир древесного стража и бросить ей вызов. Я сумел не только вернуть украденную ею частичку души, но и убить лесную женщину. Я вспорол ей живот холодным железом сабли и отрезал ее от нашего мира. Ее владычество надо мной закончилось. Думаю, я сумел выздороветь, поскольку обрел утерянную часть себя. Ко мне вернулись здоровье и силы, и я даже начал прибавлять в весе. Иными словами, я снова стал целым.

Дни и ночи, следовавшие за моим возвращением в Академию и к военной жизни, показали, что вместе с тем, чуждым собой я поглотил и его память. Его воспоминания о древесном страже и ее мире рождали красивейшие сны о прогулках по первозданному лесу вместе с поразительной женщиной. Мне казалось, что две половинки меня разделились и пошли разными дорогами, а теперь воссоединились вновь. Уже то, что я это принимал и пытался впитать чужие чувства и мнения, явно говорило о влиянии на меня другого моего «я». Прежний Невар, которого я так хорошо знал, посчитал бы подобное слияние богохульным и невозможным.

Я убил древесного стража и не сожалел об этом. Она отнимала жизни ради «магии», которую извлекала из разрушающихся душ. Среди ее жертв должны были оказаться мой лучший друг Спинк и кузина Эпини, и я убил стража, чтобы спасти их. Я знал, что спас и самого себя, и дюжины других жизней. При свете дня я не думал о содеянном, а если и думал, то радовался тому, что одержал победу и помог друзьям.

А вот по ночам, когда я парил между сном и явью, меня переполняли печаль и чувство вины. Я скорбел об убитом мной существе, и тоска по лесной женщине опустошала меня. Спек во мне был ее любовником и горевал о том, что я убил ее. Но это был он, а не я. Во сне он на короткое время овладевал моими мыслями, но с приходом дня я снова становился Неваром Бурвилем, сыном своего отца и будущим офицером королевской каваллы. Я победил. И буду побеждать и дальше. И сделаю все возможное, чтобы исправить зло, причиненное предательством другого моего «я».

Я вздохнул, понимая, что мне уже не уснуть, и попытался успокоить свою совесть. Чума, которую мы пережили, в чем-то сделала нас и сильнее. Она объединила кадетов. Намерение полковника Ребина положить конец противопоставлению сыновей старой и новой знати почти не встретило сопротивления. За последние несколько недель я лучше узнал первокурсников из старых аристократов и понял, что по большому счету они мало чем отличаются от ребят из моего прежнего дозора. Яростное соперничество, разделявшее нас в первой половине года, осталось в прошлом. Теперь, когда Академия стала единым целым и мы начали свободно общаться друг с другом, я спрашивал себя, почему я так их ненавижу. Возможно, они были более утонченными и изысканными, чем их собратья, родившиеся на границе, но к вечеру оказались такими же первокурсниками, как и мы, стонавшими от тех же взысканий и обязанностей. Полковник Ребин позаботился о том, чтобы как следует перемешать нас в новых патрулях. И тем не менее моими самыми близкими друзьями остались четверо выживших ребят.

Рори занял место моего лучшего друга, когда пошатнувшееся здоровье Спинка заставило его покинуть Академию. Его бесшабашность и грубость жителя приграничья, как мне казалось, стали неплохим противовесом чопорности и правилам. Всякий раз, когда я погружался в уныние или задумчивость, Рори помогал мне из них выбраться. Он изменился меньше прочих моих товарищей. Трист больше не был тем же высоким красавчиком-кадетом, столкновение со смертью отняло у него уверенность в собственных силах. Теперь, когда он смеялся, в его смехе всегда слышалась горечь. Корт сильно тосковал по Нейту. Горе согнуло его, и, хотя он поправился, он постоянно бывал настолько хмур и подавлен, словно без друга мог жить лишь наполовину. Толстяк Горд ничуть не похудел, но казался довольным своей судьбой и держался с достоинством, которого прежде у него не было. Когда казалось, что чума уничтожит всех, родители Горда и его невесты позволили своим детям обвенчаться, чтобы те успели вкусить от жизни хоть малую толику. Судьба оказалась к ним благосклонна, и чума их не коснулась.

И хотя над Гордом по-прежнему потешались, а некоторые презирали его за тучность, новое положение женатого мужчины подходило ему. Казалось, он обрел внутреннее спокойствие и уважение к себе, которые не могли поколебать ребяческие нападки. Все свободные дни он проводил с женой, а она иногда приезжала навестить его на неделе. Силима была тихой миниатюрной женщиной с огромными темными глазами и копной черных кудрей. Она обожала «своего дорогого Горди», как она его называла, а он был предан ей. Женитьба отделила Горда от нас; теперь он казался старше своих товарищей-первокурсников.

Он решительно взялся за учебу. Я всегда знал, что он одарен в области математики и инженерного дела, но теперь стало ясно, что способности у него блестящие и до сих пор он просто топтался на месте. Горд больше не скрывал свой острый ум. Я слышал, что полковник Ребин вызывал его, чтобы обсудить с ним его будущее. Он освободил Горда от занятий математикой вместе с остальными первокурсниками и выдал ему книги для самостоятельного изучения. Мы по-прежнему оставались друзьями, но теперь, когда больше не нужно было помогать Спинку, проводили вместе не много времени. Подолгу мы разговаривали, только когда ему или мне приходили письма от Спинка.

Он писал нам обоим более или менее регулярно. Спинк пережил чуму, а вот его военная карьера – нет. Буквы у него получались неровными, а письма были короткими. Он не жаловался и не спорил с судьбой, но скупость строк говорила мне о разбитых надеждах. Теперь у него постоянно ныли суставы и болела голова, если он слишком долго читал или писал. По настоянию доктора Амикаса Спинка отчислили из Академии по состоянию здоровья. Он женился на моей кузине Эпини, и она ухаживала за ним, пока он болел. Они вместе уехали в поместье его брата в далеком Горьком Источнике. Тихая жизнь почтительного младшего сына не имела ничего общего с его мечтами о военной славе и быстром продвижении по службе.

Послания Эпини были наивно-откровенны и не менее многословны, чем разговоры. Я узнавал, какие цветы и деревья встретились им по пути в Горький Источник, какая погода стояла в каждый из дней и о малейшем событии, случившемся по дороге. Эпини променяла богатство моего дяди и роскошный дом в Старом Таресе на жизнь в приграничье. Ей казалось, что она будет хорошей женой для военного, но, похоже, ей пришлось стать сиделкой для мужа-инвалида. Спинку не суждено сделать собственную карьеру. Они будут жить в поместье брата, на его иждивении. Как бы он ни любил Спинка, ему будет непросто прокормить брата и его жену на те скудные доходы, что дает поместье.

Я принялся ворочаться на постели. Трист прав, решил я. Никто из нас не проживет ту жизнь, на которую рассчитывал. Я пробормотал молитву доброму богу за всех нас и закрыл глаза, стараясь хотя бы немного поспать перед утренней побудкой.

Когда я вместе с товарищами встал на следующее утро, я чувствовал себя разбитым. За завтраком Рори попытался втянуть меня в разговор, но я отвечал односложно, да и остальные его не поддержали. Первым занятием в тот день было инженерное дело и рисование. Мне нравились уроки капитана Моу, несмотря на его предубеждение к сыновьям новых аристократов – таким, как я. Но чума унесла жизнь Моу, и нашим временным преподавателем стал кадет-третьекурсник. Кадет-сержант Вредо, похоже, считал, что дисциплина важнее знаний, и часто назначал взыскания тем, кто осмеливался задавать вопросы. Неряшливый кабинет капитана Моу, заполненный картами и макетами, был выпотрошен. Ряды парт и бесконечные лекции заменили экспериментирование. Я сидел, не поднимая головы, делал все, что полагалось, и не узнавал ничего нового.

Зато кадет-лейтенант Бейли прекрасно преподавал военную историю. Он явно любил этот предмет и читал куда больше, чем требовалось в рамках курса. Его лекция в тот день невероятно увлекла меня. Он рассказывал нам о влиянии гернийской цивилизации на жителей равнин. При жизни моего отца жители Поющих земель, наши традиционные враги, нанесли Гернии сокрушительное поражение. Гернии пришлось уступить им свои территории вдоль

западного побережья. А король Тровен был вынужден обратить свой взор на неосвоенные земли на востоке.

Кочевые племена скитались по просторным степям и высоким плоскогорьям, будучи примитивным народом – без правительства, короля и с немногочисленными постоянными поселениями. Когда Герния начала расширять свои границы на восток, они вступили в бой, но их стрелы и копья оказались бессильны против современного вооружения. Мы разгромили их. Никто не сомневался, что это пойдет им на пользу.

– Когда Герния взяла на себя заботу о жителях равнин и их землях, они начали вести оседлую жизнь, строить настоящие города, заменившие временные поселения, разводить скот в загонах и выращивать для себя еду, вместо того чтобы добывать ее грабежом. На смену быстрым и невероятно выносливым лошадям, кормившим большинство жителей равнин, пришли сильные быки и лошади, приученные к плугу. Впервые за всю историю их дети узнают о пользе образования и письменности. Мы принесли им знание о добром боге взамен их ненадежной магии.

Лоферт поднял руку и заговорил прежде, чем преподаватель дал ему разрешение:

– А как насчет этих, которые называют себя защитниками, сэр? Я слышал, как мой отец говорил другу, что они хотят вернуть жителям равнин наши земли и позволить им жить как раньше, словно дикие животные.

– Прежде чем задать вопрос, дождитесь разрешения, кадет. Кроме того, ваш комментарий был сформулирован не как вопрос. Но я на него отвечу. Некоторые люди считают, что мы в корне изменили жизнь кочевников слишком быстро, чтобы они смогли приспособиться. И в чем-то они, возможно, правы. Но с другой стороны, они, на мой взгляд, не отдают себе отчета в том, что именно предлагают. Нам следует спросить себя: было бы для жителей равнин лучше, если бы мы медлили, предлагая им блага цивилизации? Или это означало бы, что мы пренебрегаем своим долгом по отношению к ним? Напомню, что жителям равнин приходилось ради выживания полагаться на свою примитивную магию и заклинания. Больше они этого не могут. Отобрав у них магию, разве не должны мы заменить ее на современные инструменты? Железо, сама основа нашего развивающегося мира, стало проклятием для их магии. Железные плуги, которые мы им дали, чтобы пахать землю, разрушили «поисковую магию», помогавшую им в набегах. Кремень и сталь теперь необходимы для них, потому что их маги больше не могут вызывать огонь из дерева. Жители равнин, осев, могут доставать воду из колодцев. Маги воды, приводившие их к источникам вдоль кочевий, больше не нужны. Немногих оставшихся чародеев ветра встречают редко, а рассказы об их летающих коврах и крошечных лодках, мчащихся по воде в безветренную погоду, уже полагают сказками. Не сомневаюсь, что при жизни следующего поколения они окончательно станут легендой.

Слова кадет-лейтенанта Бейли меня опечалили, я на мгновение вспомнил, как мельком видел чародея ветра на реке во время своего путешествия в Старый Тарес, как он расправлял маленький парус, чтобы поймать вызванный им самим ветер, и его крошечная лодочка мчалась против течения. Это зрелище показалось мне волнующим и загадочным. И с горьким сожалением я вспомнил, чем все закончилось. Пьяные болваны, плывшие на нашей барже, изрешетили его парус, а вместе с ним – и магию, и он оказался в воде. Я решил, что он утонул, став жертвой злой выходки молодых аристократов.

– Свинец может убить человека, но магию уничтожает холодное железо. – Слова преподавателя вырвали меня из потока воспоминаний. – То, что наша более развитая цивилизация вытеснила примитивный жизненный уклад кочевников, – часть естественного хода событий, – продолжал он. – А чтобы не слишком зазнаваться, помните, что мы, гернийцы, тоже стали жертвами превосходящей технологии. Когда жители Поющих земель совершили открытие, позволившее их пушкам и ружьям стрелять дальше и точнее наших, они смогли разгромить нас и забрать у нас прибрежные провинции. Но как бы нас это ни возмущало, вполне

естественно, что, достигнув более совершенной военной технологии, они отняли у нас все, что хотели. Не забывайте об этом, кадеты. Мы вступаем в век техники. Те же принципы применимы к завоеванию равнин. Обстреливая их воинов свинцовыми пулями, мы могли сохранить наши границы силой оружия, но не расширить их. И только когда кто-то понял, что холодное железо в состоянии причинить вред не только им самим, но и их магии, нам удалось сдвинуть границы и навязать им свою волю. Недостаток железных пуль в том, что их, в отличие от свинцовых, не так легко вернуть и переработать в полевых условиях, но он меркнет в сравнении с огромным преимуществом, которое дало нам их использование. Дикари полагались на свою магию, рассчитывая при помощи заклинаний отклонять наши выстрелы, пугать лошадей и вносить замешательство в наши ряды. Наше продвижение вглубь их земель, господа, так же неминуемо, как прилив и как наше поражение от Поющих земель. И, как и мы, жители равнин либо будут уничтожены новыми технологиями, либо научатся жить с ними.

– То есть вы считаете, что мы имеем полное право переступить через них? – напрямик спросил Лоферт.

– Поднимите руку и ждите разрешения задать вопрос, прежде чем говорить, кадет. Я вас уже предупреждал. Три наряда. Да. Я считаю, что мы вправе. Добрый бог дал нам способ одержать победу над жителями равнин и прийти туда, где прежде обитали лишь стада коз и дикие животные. Мы принесем в Средние земли цивилизацию к всеобщей выгоде.

Я поймал себя на раздумьях о том, что выиграли погибшие обеих сторон, сердито потряс головой и решительно отбросил циничные мысли. Я – кадет Королевской Академии каваллы. Как и положено второму сыну аристократа, я – сын-солдат своего отца и твердо последую по его стопам. Я рожден не для того, чтобы оспаривать устройство нашего мира. Если бы добрый бог хотел, чтобы я задумывался о правомерности нашего продвижения на восток, он сделал бы меня третьим сыном, рожденным стать священником.

В конце лекции я подул на свои записи, чтобы подсушить чернила, закрыл книги и вместе со своим патрулем отправился в казарму. Весна пыталась завладеть территорией Академии, но пока безуспешно. Ветер покусывал холодком, но оказаться на свежем воздухе было приятно. Я пытался прогнать мрачные мысли о судьбах жителей равнин. Как и сказал наш преподаватель, таков естественный порядок вещей. Кто я такой, чтобы с этим спорить? Я поднялся вслед за остальными по лестнице в нашу казарму и поставил на полку книги, которые требовались на утренних занятиях. На моей койке ждало меня толстое письмо от Эпини. Мои товарищи оставили меня сидеть на кровати, а сами поспешили на дневную трапезу. Я открыл конверт.

В начале письма Эпини, как обычно, спрашивала меня о здоровье и успехах. Я быстро пробежал глазами эту часть. Она благополучно прибыла в Горький Источник. Первое письмо Эпини о том, как она приехала в свой новый дом, было нарочито оптимистичным, но я почувствовал пропасть между ее ожиданиями и реальностью, с которой она столкнулась. Я сидел на койке и читал ее письмо одновременно с сочувствием и удивлением.

Женщины в поместье работают так же много, как и мужчины, вместе со слугами. Поговорка «Мужчине трудиться с зари до зари, а женской работе конца и не жди» явно описывает хозяйство леди Кестер. После обеда, когда свет становится совсем тусклым и кажется, что пора бы и отдохнуть, один из нас читает вслух или играет для всех на каком-нибудь музыкальном инструменте, позволяя слегка отвлечься мыслями, но руки все равно заняты земными заботами: мы лючим сушеный горох, прядем шерсть (я горжусь тем, что уже неплохо с этим справляюсь) или распускаем старые свитера и одеяла, чтобы затем использовать нитки для новых полезных вещей. Леди Кестер ничего не тратит зря – ни клочка ткани, ни минуты времени.

У нас со Спинком свой славный маленький домик, построенный из камня, которого здесь хватает в избытке. Когда-то в нем был хлев, но он пришел в

запустение после того, как умерли две последние коровы. Когда леди Кестер узнала о нашем приезде, она решила, что нам будет приятнее жить отдельно, и ее дочери привели его для нас в порядок. Внутри все побелено заново, а сестра Спинка Гера подарила нам лоскутное одеяло, которое сшила для своего приданого. Разумеется, в домике всего одна комната, но этого вполне достаточно для той мебели, что у нас есть. В углу стоит кровать, а стол и наши два стула – прямо около окна, выходящего на склон холма. Спинк говорит, что, когда закончатся поздние заморозки, мы сможем любоваться ковром из полевых цветов. Хотя, конечно, домик наш совсем простой и слегка старомодный, Спинк сказал, что, как только ему станет лучше, он настелет новый пол и починит трубу, чтобы она лучше вытягивала дым, а еще поправит дверь, и тогда она будет закрываться плотнее. Близится лето и с ним теплая погода, которой я жду с нетерпением. Надеюсь, что к тому времени, когда снова пойдут дожди и вернуться морозы, наш домик станет таким же уютным, как птичье гнездышко в древесном дупле. А пока, когда холодный ветер пробирается в щели в дверях или по ночам над ухом звенят комары, я спрашиваю себя: «Разве я не так же здорова и полна сил, как маленькие земляные белочки, которые скачут целый день, а на ночь укрываются в какой-нибудь норке? Конечно же, я могу брать с них пример и так же радоваться своей простой жизни». И так я себя и успокаиваю.

– Твоя кузина хотела бы быть земляной белочкой? – спросил меня Рори.

Повернувшись, я увидел, что он читает письмо, заглядывая через мое плечо. Я сердито уставился на него, а он, ничуть не смутившись, ухмыльнулся.

– Ты ведешь себя невоспитанно, Рори, и прекрасно об этом знаешь.

– Извини! – Он заухмылялся еще шире. – Я бы не стал читать, но подумал, что письмо от твоей подружки и там может оказаться что-нибудь любопытное.

Он ловко увернулся от моего удара.

– Не советую меня бить, кадет! – заявил он с напускной важностью. – Не забывай, что я старше тебя по званию. Кроме того, я с поручением. Доктор Амикас говорит, что ты должен явиться к нему. А еще он добавил, что, если ты не считаешь его просьбу посещать лазарет еженедельно важной, он может и приказать.

Меня пробрало холодком. Я не хотел снова встречаться с врачом Академии, но и раздражать вспыльчивого старика не собирался. Я все еще помнил, что я перед ним в долгу. Сложив письмо Эпини, я вздохнул и встал. Доктор Амикас был мне другом, хотя и в своеобразной бесцеремонной манере. Во время эпидемии он вел себя героически и, часто забывая об отдыхе, ухаживал за заболевшими кадетами. Я бы не выжил, если бы не он. Я знал, что чума его завораживала и что он мечтал выяснить, как она передается, а также составить описание процедур, спасавших жизни и оказавшихся совершенно бесполезными. Сейчас он работал над научным трудом, где подводил итог своим наблюдениям во время последней вспышки болезни. Он утверждал, что описание моего чудесного выздоровления после такой сильной формы болезни – часть его исследований, но я ужасно от всего этого устал. Каждую неделю он ощупывал, колот и измерял меня. Его манера речи заставляла меня чувствовать себя так, как будто я вовсе не поправился, а лишь переживаю затянувшийся период выздоровления. Мне отчаянно хотелось, чтобы он не напоминал мне о пережитом, хотелось оставить чуму в прошлом и перестать думать о себе как о калеке.

– Прямо сейчас? – спросил я Рори.

– Прямо сейчас, кадет, – подтвердил он.

Тон его был дружеским, но новая нашивка на рукаве подразумевала, что мне стоит отправляться немедленно.

– Я пропущу обед, – возразил я.

– Пара пропущенных обедов тебе не повредит, – многозначительно заметил он.

Я нахмурился, задетый его подколкой, но в ответ он только осклабился. Я кивнул и направился в лазарет.

В последние дни стояла теплая погода, парочка сбитых с толку деревьев начала цвести. Они отважно облачились в белые и розовые цветы, несмотря на то что уже начало холодать. Садовникам пришлось изрядно поработать, они убрали сломанные зимними бурями ветви деревьев и коротко подстригли траву.

По дороге в лазарет я прошел мимо огромной клумбы, где на ровном расстоянии друг от друга луковичы цветов выталкивали вверх зеленые острия листьев, – скоро здесь распустится много тюльпанов. Я отвернулся, зная, что лежит под этими стройными рядами. Они скрывали огромную братскую могилу, приютившую столь многих моих друзей. В самом центре стоял простой серый камень с надписью: «Наши погибшие товарищи». Когда началась эпидемия, в Академии объявили карантин. Даже когда она распространилась во всем городе, доктор Амикас продолжал настаивать на нашей изоляции. Покойников выносили из лазарета и казарм и складывали сначала рядами, а затем, когда их стало больше, грудями. Я был болен и не видел всего этого, как не видел и шнырявших здесь крыс и птиц-падальщиков, слетавшихся на пир стаями, несмотря на пронизывающий холод. Доктору Амикасу пришлось отдать приказ выкопать большую яму и сбрасывать тела туда, а затем засыпать слоями извести и земли.

Там лежал и Нейт. Я пытался не думать о том, как гниет его плоть, и о телах, сваленных в кучу с непристойным равнодушием подобных могил. Нейт заслуживал лучшей участи. Они все ее заслуживали. Я слышал, как один из новичков назвал это место «памятником битве дерьма с блевотиной». Мне хотелось ударить его. Я поднял воротник, защищаясь от холодного ветра, который впивался в меня своими ледяными зубами, и поспешил пройти мимо ухоженного сада, окутанного наступающими сумерками.

У двери в лазарет я замешкался, затем стиснул зубы и вошел. В пустом, голом коридоре пахло щелоком и нашатырем, но мне казалось, что запах болезни вьелся в его стены. Всего лишь пару месяцев назад в этом здании умирали многие из моих друзей и знакомых. И меня удивляло, что доктор Амикас продолжает работать здесь. Что до меня – я бы сжег здание лазарета дотла и построил заново где-нибудь еще.

Когда я постучал в дверь его кабинета, доктор поторопил меня. Облака дыма от его трубки клубились в помещении.

– Кадет Бурвиль прибыл по вашему приказанию, сэр, – доложил я.

Доктор отодвинул стул от загроможденного бумагами стола и встал, снимая очки. Затем оглядел меня с ног до головы оценивающим взглядом.

– Тебе никто не приказывал, кадет, и ты это знаешь. Но мои исследования настолько важны, что, если ты не предпочтешь содействовать мне, я отдам приказ. Вместо того чтобы приходить тогда, когда это удобно тебе, тебе придется являться, когда будет удобно мне, а затем наслаждаться наверстыванием пропущенных занятий. Мы друг друга поняли?

Смысл его слов был резче, чем голос. Он говорил совершенно серьезно, но так, словно я был ему ровней.

– Я буду содействовать, сэр, – сказал я, расстегивая пуговицы мундира.

Одна из пуговиц повисла на нитке, оторвалась и улетела через все помещение. Доктор Амикас приподнял бровь:

– Вижу, ты продолжаешь прибавлять в весе.

– Я всегда прибавляю в весе, перед тем как начать прибавлять в росте, – ответил я, слегка оправдываясь: он уже в третий раз заговаривал о том, что я прибавляю в весе, и я считал, что с его стороны это несправедливо. – Думаю, это все-таки лучше, чем быть тощим как жердь – вроде Триста.

– У кадета Уиссома последствия чумы обычны. Твои – нет. Насколько это «лучше», еще предстоит увидеть, – задумчиво ответил он. – Ты заметил еще какие-нибудь изменения? Как дыхание?

– В порядке. Вчера мне пришлось маршировать, отрабатывая шесть взысканий, и я закончил тогда же, когда и все остальные.

– Хм.

Пока я говорил, доктор Амикас подошел ближе. Так, словно я был вещью, а не человеком, он осмотрел мое тело, заглянул в уши, глаза и нос, а затем выслушал сердце и дыхание. Он заставил меня бежать на месте добрых пять минут, затем снова проверил сердце и дыхание. Он подробно все записал, взвесил меня, измерил рост и подробно расспросил, что я ел со вчерашнего дня. Но поскольку я ел только то, что нам выдавали, мне не составило труда ответить на его вопрос.

– Но ты все равно прибавил в весе, хотя и не стал есть больше? – спросил он меня, как будто сомневался в моей честности.

– Я не трачу денег, – сказал я ему, – и ем столько же, сколько ел, когда сюда приехал. А лишний вес – потому, что я скоро снова начну расти.

– Понятно. Ты в этом уверен, не так ли?

Я не стал ему отвечать, понимая, что вопрос риторический. Доктор Амикас наклонился за моей пуговицей и протянул ее мне:

– Пришей ее покрепче, кадет.

Он убрал записи в папку и со вздохом сел за стол.

– Через пару недель ты едешь домой, так? На свадьбу сестры?

– На свадьбу брата, сэр. Да, еду. Как только прибудут мои билеты. Отец написал полковнику Ребину с просьбой отпустить меня ради такого случая. Полковник сказал мне, что в обычной ситуации он строжайшим образом возражал бы против того, чтобы кадет пропустил месяц занятий ради присутствия на свадьбе, но, учитывая нынешнее качество наших занятий, он уверен, что я смогу наверстать пропущенное.

Доктор кивал, слушая меня. Он поджал губы, словно собираясь что-то сказать, замешкался и наконец проговорил:

– Мне кажется, это к лучшему, что ты поедешь на время домой. На барже?

– Часть пути. Остаток верхом. По дороге получится быстрее, чем по реке во время весеннего разлива. В конюшне Академии у меня есть своя лошадь. За зиму Гордецу не часто доводилось потрудиться. Это путешествие нас обоих приведет в форму.

Он устало улыбнулся и откинулся на спинку стула.

– Ну, будем на это надеяться. Можешь идти, Невар. Но зайди на следующей неделе, если еще не уедешь. Не заставляй меня напоминать тебе.

– Да, сэр, – подтвердил я и решился задать вопрос: – А как продвигаются ваши исследования?

– Медленно. – Доктор Амикас нахмурился. – У меня возникли разногласия с коллегами. Большинство из них настаивают, что нужно искать лекарство. А я считаю, мы должны узнать, что вызывает болезнь, чтобы препятствовать ей. Как только разражается эпидемия, люди начинают быстро умирать. Если мы сможем задержать ее распространение, мы спасем больше жизней, чем если будем пытаться ее лечить, когда она уже обосновалась.

Он вздохнул, и я понял, что его тоже преследуют воспоминания. Доктор прочистил горло и продолжил:

– Я рассмотрел твое предположение насчет пыли. Я не понимаю, почему причиной болезни следует считать именно ее.

Казалось, он забыл, что я всего лишь кадет, и, откинувшись на спинку стула, говорил со мной так, словно я был его коллегой.

– Ты знаешь, что, по моему мнению, вспышки и быстрота распространения чумы означают, что половой контакт – не единственный способ ее передачи. Но я все еще считаю, что самые опасные случаи связаны именно с такими контактами...

Он замолчал, давая мне возможность признать, что я знаю нечто о плотских утехах спеков. Я промолчал, потому что ничего такого не знал, по крайней мере наяву. Если бы солдаты каваллы могли заражаться венерическими болезнями в сношениях, никто из нас не дожил бы до окончания Академии.

– Твоя версия о том, что в пыли, которую спеки разбрасывали во время танца, имелось нечто, вызвавшее чуму, увлекла меня, – наконец продолжил он. – К сожалению, хотя я сделал все возможное, чтобы опросить заболевших кадетов, пока они еще были в состоянии отвечать, смерть унесла многих из них, прежде чем я смог с ними поговорить. Поэтому мы никогда не узнаем, сколько из них видели танец Пыли и вдохнули ее частички. Однако в твоей теории есть несколько изъянов. По меньшей мере один кадет, капрал Рори Харт, видел танец, но не заболел. Он очень необычный человек. Он также признался и в... э-э... более чем случайном контакте с самими спеками – но без каких-либо последствий. Но даже если мы оставим в стороне Рори как особь с исключительно крепким здоровьем, останутся другие вопросы. Прежде всего, в таком случае спеки рискуют заболеть всякий раз, когда исполняют свой танец Пыли. Ты предположил, что спеки сознательно заразили нас чумой. Но стали бы они это делать с риском для себя? Думаю, нет. И прежде чем ты меня перебеешь... – он предупреждающе поднял руку, когда я сделал вдох, чтобы ему возразить, – вспомни, что это не первая вспышка чумы спеков, которую я наблюдал. Как тебе, возможно, будет приятно узнать, первая произошла около Рубежных гор, и да, перед ней спеки исполняли танец. Однако среди заболевших тем летом было много их собственных детей. Мне трудно поверить, что даже примитивный народ станет намеренно заражать смертельной болезнью своих детей, чтобы отомстить нам. Разумеется, я полагаю возможным, что пыль разносит болезнь, но спекам про это ничего не известно. Простые, близкие к природе народы вроде спеков зачастую не понимают, что всякая болезнь имеет причину и, следовательно, ее можно предотвратить.

– Может быть, они добровольно заражают себя. Может быть, они думают, что она... скажем, является чем-то вроде волшебного отбора. Что детям, перенесшим ее, предназначено жить дальше, а те, кто умер, отправляются в какой-то иной мир.

Доктор Амикас тяжело вздохнул:

– Невар, Невар... Я врач. Мы не можем фантазировать, пытаюсь придать смысл собственной теории. Мы должны подстраивать теорию под факты, а не изобретать факты, чтобы поддерживать теорию.

Я собрался ему возразить, но в очередной раз решил промолчать. Мне лишь приснилось, что причиной болезни была пыль. Мне приснилось – и «спек во мне» поверил в такое объяснение. Но возможно, это был предрассудок, а не правда. Я покачал головой. Собственные мысли, блуждающие по кругу, напоминали мне пса, гонящегося за своим хвостом.

– Могу я идти, сэр?

– Конечно. И спасибо, что пришел.

Я направился к двери, а он принялся набивать свою трубку.

– Невар! – Его оклик остановил меня у двери.

– Да, сэр?

Доктор Амикас ткнул трубкой в мою сторону:

– Тебя все еще беспокоят ночные кошмары?

Я отчаянно пожалел, что рассказал ему об этом.

– Только иногда, сэр, – уклончиво ответил я. – В остальное время я прекрасно сплю.

– Хорошо. Это хорошо. В таком случае увидимся на следующей неделе.

– Да, сэр.

Я поспешил уйти, прежде чем он смог снова меня задержать.

Близился весенний вечер, птицы устраивались на деревьях на ночлег, в казармах зажегся свет. Ветер стал заметно прохладнее, и я ускорил шаг. Мой путь пересекла тень одного из величественных дубов, растущих на территории Академии. Я ступил в нее, и тут же моя спина покрылась мурашками. Я заморгал, и в это мгновение остатки моего другого «я» взглянули моими глазами на ухоженный пейзаж и нашли его очень странным. Прямые дорожки и аккуратная зелень предстали вдруг нагими и лишенными жизни, а несколько старых деревьев – печальным напоминанием о лесе, который когда-то здесь рос. Все здесь было лишено беспорядочности дикой природы. Жизнь может распространяться лишь свободно. А открывшаяся моим глазам картина казалась безжизненной и уродливой, словно чучело животного со стеклянными глазами. И я вдруг остро затосковал по дому – по лесу.

После выздоровления мне снилась древесная женщина, в этих снах я был другим собой, а она казалась невероятно красивой. Мы прогуливались в пятнистом свете, просачивающемся сквозь кроны огромных деревьев, перебирались через упавшие стволы, сражались с густыми зарослями ползучих растений. Палая листва мягко пружинила под нашими босыми ногами. В случайных лучах солнца было видно, что у нас обоих пятнистая кожа. Она двигалась с тяжелой грацией полной женщины, давно привыкшей управляться с собственным телом, но не казалась мне неуклюжей – скорее, величественной. Как олень с ветвистыми рогами поворачивает голову, чтобы пройти по узкой тропе, так и она огибала препятствия, встречавшиеся на ее пути, не задевая даже тончайшей сети паутины. Неряшливый, дикий, прекрасный лес служил ей обрамлением. Здесь она была большой, пышной и красивой, словно великолепная жизнь, окружавшая нас.

В первую встречу, когда кочевник Девара назвал ее моим врагом, я увидел ее очень старой и отталкивающе жирной. Но в снах, последовавших за выздоровлением от чумы спеков, она казалась мне лишенной возраста, а роскошная округлость ее плоти манила.

Я рассказал доктору Амикасу о моих ярких кошмарах, но не упомянул, что эротических снов о лесной богине снится мне значительно больше, чем страшных. Каждый раз я просыпался, чувствуя возбуждение, вскоре переходящее в стыд. И дело не только в том, что я вождь женщины из племени спеков да еще со столь пышными формами, – я знал, что какая-то часть меня жила с ней в страсти и даже любви. Я чувствовал свою вину за животное спаривание, несмотря на то что все происходило во сне и без моего согласия. Я считал, что совокупляться с кем-то не моей расы противоестественно и является предательством. Она сделала меня своим любовником и попыталась направить против моего народа. Она прибегла к темной, извращенной магии, чтобы использовать меня в своих целях. Остатки этой магии продолжали цепляться за мои мысли, и именно они увлекали мою душу во тьму, где я по-прежнему мечтал о близости с ней.

В моих снах о ней она часто предостерегала меня, что теперь мной владеет магия. «Она будет использовать тебя, как сочтет нужным. Не противься. Не ставь между собой и ее зовом то, что важно для тебя, потому что магия, как наводнение, сметает все на своем пути. Отдайся ей, любовь моя, или она тебя уничтожит. Ты научишься ею пользоваться, но не для себя. Когда ты прибегнешь к магии, чтобы добиться того, чего она хочет, тогда ее могущество будет в твоём распоряжении. Но в любом другом случае мы – инструменты в руках этой силы». Она улыбнулась и ласково провела рукой по моей щеке. В том сне я схватил ее за руку и поцеловал ладонь, потом кивнул, принимая ее мудрость и свою судьбу. Я хотел отдаться магии, наполнившей меня. Это казалось естественным. Чего еще я могу желать от своей жизни? По моим венам текла магия, такая же важная для меня, как кровь. Разве станет человек противиться биению собственного сердца? Разумеется, я сделаю все, что она пожелает.

Потом я просыпался и, словно в холодную реку, нырял в окружающую реальность, и она принимала меня и заставляла осознать свою истинную сущность. Время от времени, как

и в тот раз, когда я проходил в тени дуба, живущий во мне чужак мог подчинить себе мое сознание и показать свое извращенное понимание моего мира. Но уже в следующее мгновение все возвращалось на свои места и иллюзия таяла.

Временами мне казалось, что, возможно, оба представления о мире равно правдивы и равно фальшивы. И тогда я разрывался, пытаюсь понять, кто же я на самом деле. Я пытался убедить себя, что мои противоречивые чувства ничем не отличаются от испытанных моим отцом из-за некоторых его побежденных врагов-варваров. Он сражался с ними, убивал их или покорял, но в то же время уважал их и в каком-то смысле сожалел, что сам приложил руку к тому, чтобы их свободная жизнь закончилась. В конце концов я признал существование магии и перестал отрицать, что со мной произошло нечто странное и таинственное.

Добравшись до своей казармы, я взбежал вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. В Брингем-Хаусе имелись собственная маленькая библиотека и учебный зал на втором этаже. Там и собралось большинство моих товарищей, они сидели, склонившись над учебниками. Преодолев последний лестничный пролет, я остановился отдышаться. Из нашей спальни вышел Рори. Он ухмыльнулся, глядя, как тяжело я дышу.

– Рад видеть, как ты потеешь, Невар. Тебе стоит сбросить пару фунтов, иначе придется одалживать у Горда его старые рубашки.

– Смешно, – выдохнул я и выпрямился.

Я действительно тяжело дышал, и его насмешки ничуть не улучшили моего настроения.

Рори показал пальцем на мой живот:

– Эй, приятель, у тебя уже пуговица отлетела.

– В кабинете доктора, когда он тыкал в меня пальцами.

– Ну конечно! – подтвердил он с наигранной пылкостью. – Только все равно не забудь пришить ее сегодня вечером, а то получишь завтра лишнее взыскание.

– Знаю, знаю.

– Можно мне одолжить твои записи по черчению?

– Сейчас принесу.

Рори ухмыльнулся, растянув рот до ушей:

– Сказать по правде, я их уже взял. Я за ними и поднялся. Увидимся в учебной комнате. О, кстати, в пачку моих писем попало одно твое. Я оставил его на твоей койке.

– Не испачкай мои записи! – предостерег я его, но он уже мчался вниз по лестнице.

Покачивая головой, я направился в нашу спальню.

Я снял куртку и швырнул на койку, а затем взял конверт. Почерк был незнакомым, но довольно скоро загадка разъяснилась, и я улыбнулся. В обратном адресе значились лавка писаря в Приюте Бурвиля и имя сержанта Эриба Дюрила. Я торопливо разорвал конверт, недоумевая, о чем он мог мне написать. Точнее, попросил написать за него. Умением читать – для большинства – и тем более писать редко могли похвастаться те, кто служил в прежней кавалле. Сержант Дюрил пришел к моему отцу, когда его военная служба подошла к концу, в поисках дома, где он мог бы провести остаток жизни. Он стал моим воспитателем, наставником, а потом и другом. От него я научился всем основным навыкам, необходимым всаднику, служащему в кавалле, и узнал многое о том, что значит быть человеком и мужчиной.

Я дважды прочитал на удивление официальное письмо. Очевидно, писарь решил придать словам старого солдата более изящный вид, чем предпочел бы он сам. Его сожаления по поводу моей болезни и пожелания быстрого выздоровления звучали совсем не похоже на него. Только в самом конце, несмотря на правильность фраз, я прочел наставления, которые мог бы дать мне старый друг:

Даже полностью восстановившись после этой ужасной болезни, ты, я боюсь, заметишь, что изменился. Я видел собственными глазами, и нередко, что может сотворить чума со здоровьем юноши. Тело, которое ты

так старательно годами совершенствовал под моим руководством, может ослабнуть и служить тебе куда хуже, чем в прошлом. Однако я должен напомнить тебе, что именно душа военного человека делает его тем, кто он есть, и я верю, что твоя душа останется верна призванию, уготованному тебе добрым богом.

Я глянул на дату, стоящую на конверте, и увидел, что письмо добиралось до меня довольно долго. Возможно, Дюрил держал его у себя несколько дней, пытаясь решить, посылать или нет. Или писарь отложил его в сторону и забыл вовремя отправить. В любом случае скоро я увижу сержанта Дюрила. Я улыбнулся, тронутый тем, что он потратил время и деньги, чтобы сообщить мне это. Я аккуратно сложил письмо и убрал на полку с книгами.

Затем я снова взял куртку и достал из сундучка, стоящего возле кровати, все необходимое для шитья, решив сперва заняться пуговицей, а уж потом уроками. Пока я искал место, от которого она отскочила, я обнаружил, что все пуговицы болтаются, а две так и вовсе вот-вот оторвутся.

Я, хмурясь, срезал пуговицы с рубашки и куртки. Я был уверен, что набранный мной лишний вес уйдет через пару месяцев, когда я вырасту. Но пока мне следовало позаботиться о том, чтобы пройти утреннюю поверку. Пришивая пуговицы, я чуть сдвинул их, чтобы потом дышать посвободнее. Когда я снова надел рубашку и куртку, я решил, что стало значительно удобнее, хотя в плечах все равно немного тянуло. Ну, тут я ничего поделать не мог, на такую сложную переделку моего мастерства явно не хватило бы. Я нахмурился: мне совсем не хотелось быть на свадьбе брата в одежде не по размеру. Карсина, моя невеста, тоже там будет, и она очень просила меня надеть форму. Ее платье будет такого же зеленого цвета. Я улыбнулся: сколько внимания уделяют девушки подобным глупостям. Ну, без сомнения, моя мать сможет переделать форму как надо, если, конечно, я не похудею по дороге домой, на что я очень рассчитывал.

Поколебавшись немного, я срезал пуговицы на брюках и тоже перешил их так, чтобы стало свободнее. Чувствуя себя значительно лучше, я взял учебники и отправился вниз, чтобы присоединиться к товарищам.

Учебная комната в Брингем-Хаусе отличалась от той, в которой мы занимались в Карне-стон-Хаусе. Вместо длинных столов на козлах и жестких скамеек здесь стояли круглые столы со стульями и горел яркий свет. Около камина были расставлены мягкие кресла для тихой беседы. Я нашел место рядом с Гордом, положил книги и сел. Он поднял голову и улыбнулся:

– Приходил посыльный, когда тебя не было. И передал тебе вот это.

«Это» оказалось толстым коричневым конвертом, на котором стоял адрес моего дяди. Я быстро его вскрыл. Как я и предполагал, в нем лежал билет на пароход до Сортонна, а также поручительство в банк моего отца в Старом Таресе, чтобы мне выдали деньги, необходимые для путешествия. В записке мой дядя написал, что отец просил его все устроить и что он надеется увидеть меня, перед тем как я отправлюсь домой на свадьбу.

Странное дело. Пока я не взял в руки этот конверт, я был всем доволен и даже рад оставаться в Академии. Теперь же мне вдруг отчаянно захотелось домой, и я понял, что очень соскучился по родным. У меня сжалось сердце, когда я подумал о своей младшей сестренке Ярил и ее бесконечных вопросах, о матери и особых сливовых пирогах, которые она пекла для меня каждую весну. Я скучал по всем – по отцу, старшему брату Россу, даже по старшей сестре Элиси и ее непрерывным советам.

Но главное место в моих мыслях занимала Карсина. Ее короткие письма ко мне становились все более нежными и кокетливыми. Я страстно желал ее увидеть и уже придумал несколько способов, чтобы ненадолго остаться с ней наедине. После свадьбы Эпини и Спинка мной ненадолго овладели сомнения насчет себя и Карсины. Невесту мне выбрали родители. Изредка мне доводилось сомневаться в том, что мой отец знает, как будет для меня лучше.

Сумели ли мои родители найти женщину, с которой я смогу жить мирно, если не счастливо, до конца своей жизни? Или ее выбрали ради заключения политического союза с соседом из новых аристократов, рассчитывая, что ее тихий нрав не доставит мне затруднений?

Я решил, что до возвращения в Академию должен узнать ее сам. Мы поговорим, и не о природе или о том, понравился ли ей обед. Я узнаю, как она относится к тому, чтобы стать женой солдата, и не мечтает ли она совсем о другом. С мрачной усмешкой я подумал, что Эпини разрушила мои представления о женщинах. До того как я встретился со своей эксцентричной и крайне современной кузиной, я не задумывался, о чем размышляют мои сестры, когда рядом нет отца, чтобы присматривать за ними. Познакомившись с острым умом и ядовитым язычком Эпини, я уже никогда не смогу отводить женщине покорную, подчиненную роль. Не то чтобы я надеялся, что Карсина втайне так же умна, как Эпини. Честно говоря, я этого совсем не хотел, но предполагал, что мой скромный маленький цветок скрывает в себе гораздо больше, чем мне казалось. А если так, я должен узнать все, прежде чем мы обвенчаемся и будем отданы друг другу до конца наших дней.

– Что-то ты надолго замолчал. Плохие новости? – серьезно спросил меня Горд.

– Напротив, братец, – ухмыльнувшись, ответил я. – Хорошие новости, просто великолепные! Завтра я отправляюсь домой, чтобы присутствовать на свадьбе брата.

Глава 2

Дорога домой

Мой отъезд из Академии оказался не таким быстрым и легким, как я надеялся. Когда я отправился в кабинет командующего доложить, что я получил билет и готов к отъезду, он приказал мне предупредить всех преподавателей и взять у них задания, которые я должен выполнить до возвращения в Академию. Я этого не ожидал, надеясь, что на некоторое время освобожусь от учебников. Большая часть дня ушла на то, чтобы выполнить приказ, поскольку я не решался прерывать занятия. Потом выяснилось, что собрать вещи гораздо труднее, чем я думал, потому что мне пришлось взять с собой книги, но все равно путешествовать налегке, чтобы вещи уместились в седельные сумки Гордеца.

Прошли месяцы с тех пор, как моему мерину приходилось нести на себе что-нибудь, кроме меня, и он, казалось, надулся, когда я закреплял на нем седельные сумки. По правде говоря, я был этому рад не больше его. Я гордился своей заметной формой и отличным конем; и мне было стыдно ехать на нем через Старый Тарес, нагрузив его, точно он мул, а я грубый крестьянин, везущий картошку на рынок. Я попытался унять раздражение, поскольку понимал, что виной ему тщеславие. Я затянул ремни, сотворил знак древнего заклинания «Держись крепко» над пряжками и вскочил в седло.

В билете говорилось, что отплытие назначено на завтрашний вечер. Спешить было некуда, но я хотел как следует устроиться в своей каюте, прежде чем отдадут швартовы. Я заехал к дяде, чтобы попрощаться, а также узнать, не хочет ли он передать что-нибудь моему отцу. Он тут же спустился, чтобы встретить меня, и пригласил в свой кабинет. Дядя изо всех сил старался быть радушным, но между нами все равно оставалась некоторая напряженность. Он казался старше, чем когда я увидел его впервые, и я подозревал, что его жена Даралин так его и не простила после дерзкой выходки Эпини. Та убежала из дома в разгар эпидемии, чтобы оставаться рядом со Спинком и ухаживать за ним. Для девушки ее возраста и положения это было немислимо и отрезало ей возможность выйти замуж за сына какого-нибудь старого аристократа.

Разумеется, сама Эпини все это прекрасно понимала. Она сознательно уничтожила свое блестящее будущее, чтобы ее матери не осталось ничего, кроме как принять предложение семьи Спинка. Брачный союз с семьей нового аристократа, без солидного состояния, владеющей всего лишь жалким имением на границе, огорчал и ужасал Даралин. Тактика Эпини была жестокой, она позволила ей взять собственную судьбу в свои руки, но и разорвала дочерние узы. Я слышал, как бесхитростная сестра Эпини, Пурисса, сказала, что теперь она стала любимой дочерью матери и драгоценностью будущего. Я не сомневался, что она лишь повторяла слова, которые слышала от Даралин.

Поэтому, когда дядя предложил мне сесть и послал слугу за легкими закусками, я остался стоять и сказал, что должен спешить, чтобы не опоздать к отплытию. Горькая улыбка тронула губы моего дяди.

– Невар, ты забыл, что билет для тебя по просьбе твоего отца покупал я? У тебя полно времени. Единственное, что тебе осталось сделать, – это зайти в банк и взять там деньги на дорожные расходы. Пожалуйста, садись.

– Спасибо, сэр, – сказал я и повиновался.

Он коротко переговорил со слугой и, вздохнув, сел сам. Затем посмотрел на меня и покачал головой.

– Ты держишься так, как будто мы с тобой в ссоре. Или как будто я на тебя сержусь. Я опустил глаза под его взглядом.

– Вы вправе сердиться, сэр. Именно я привел сюда Спинка. Если бы я не познакомил его с Эпини, ничего бы не случилось.

Он фыркнул:

– Нет. Без сомнения, случилось бы что-нибудь еще, столь же неприятное. Невар, ты забываешь, что Эпини моя дочь, я знаю ее с рождения, и, даже если я не до конца понимал, на что она способна, я тем не менее видел, что у нее пылливый ум, неукротимый дух и сила воли, позволяющая осуществить любой задуманный план. Ее мать может считать тебя виновным, но она любит возлагать на людей ответственность за вещи, которыми те не могут управлять. Я стараюсь не совершать таких ошибок.

Его голос звучал печально и устало, и, несмотря на чувство вины или, возможно, из-за него, мне стало его жаль. Он прекрасно ко мне относился, почти как если бы я был его собственным сыном. Несмотря на то что мой отец получил титул, они остались близки. Я знал, что в большинстве благородных семей, где наследники старой аристократии считали своих младших братьев, боевых лордов, соперниками, дело обстоит иначе. Родственники Спинка не общались с ним и отказались помогать его овдовевшей матери. Разумеется, неприязнь моей тети ко мне во многом объяснялась тем, что она относилась к моему отцу как к выскочке, которому следовало бы оставаться простым военным. Многие представители старой знати считали, что король Тровен возвысил боевых лордов из политических соображений, чтобы разбавить Совет лордов новыми аристократами, преданными и с пониманием относящимися к его намерению расширить территории Гернии за счет завоеваний на востоке. Возможно, они были правы. Я откинулся на спинку стула и вымученно улыбнулся дяде.

– Мне все равно кажется, что я ответствен за случившееся, – тихо проговорил я.

– Да, ты так устроен. Забудь, Невар. Если я правильно помню, не ты пригласил Спинка в наш дом. Эпини увидела его рядом с тобой, когда мы приехали в Академию, чтобы забрать тебя к нам. Кто знает? Возможно, именно в то мгновение она решила, что выйдет за него замуж. Очень в ее духе. Кстати, раз уж мы обсуждаем ее и Спинрека, расскажи мне, есть ли какие-нибудь новости от твоего друга. Мне не терпится узнать, как поживает моя заблудшая дочь.

– Она вам не пишет? – спросил я, не в силах скрыть изумление.

– Ни слова, – печально ответил он. – Мне казалось, что мы расстались... ну, если не в самых лучших отношениях, то по крайней мере с пониманием, что я ее по-прежнему люблю, даже если не всегда одобряю ее решения. Но с тех самых пор, как она покинула мой дом, я не получил ни строчки ни от нее, ни от Спинрека.

Его голос звучал ровно и спокойно, но боль, которую он испытывал, все равно прорывалась наружу. Я тут же рассердился на Эпини. Почему она так жестоко обращается с отцом?

– Я получал письма не только от Спинка, но и от Эпини и буду рад показать их вам, сэр. Они у меня с собой, вместе с книгами и другими бумагами в седельных сумках.

В его глазах вспыхнула надежда, но он возразил:

– Невар, я не могу просить тебя предать доверие Эпини. Если ты просто скажешь, что у нее все в порядке...

– Чушь! – возмутился я, но тут же вспомнил, с кем разговариваю. – Дядя Сеферт, с тех пор как Эпини уехала, она написала мне множество длинных писем, настоящий дневник. В них нет ничего, о чем я не мог бы вам рассказать, так почему бы вам самому не прочитать их? Позвольте мне принести их. Это быстро.

Он колебался, но не справился с искушением, кивнул, и я бросился вниз по лестнице. Схватив пачку писем Эпини, я быстро вернулся назад. В кабинете уже ждали крайне соблазнительные закуски. Я съел почти все в наступившей в кабинете тишине – дядя не смог сдержаться и сразу принялся за письма Эпини. Это было похоже на то, как под струями дождя оживает засохшее растение. Сначала он улыбнулся, потом рассмеялся, когда дошел до описания ее приключений. Аккуратно сложив последнюю страницу последнего письма, он взглянул на меня:

– Кажется, жизнь на границе оказалась не совсем такой, как она ожидала.

– Не могу представить больших перемен в жизни, чем переезд из вашего особняка в Старом Таресе в бедное поместье в Горьком Источнике.

– Но все же она не жалуется, – ответил он с мрачным удовлетворением в голосе. – Не грозит сбежать назад, ко мне, и не скулит, что заслуживает лучшей участи. Она принимает то будущее, которое сама предпочла. Я горжусь своей дочерью. Конечно, я бы выбрал для нее совсем другую судьбу. И никогда не поверил бы, что моей легкомысленной, ребячливой дочери хватит сил встретиться лицом к лицу с подобными трудностями. И тем не менее она справляется и даже преуспевает.

Лично я считал, что слово «преуспевает» несколько чрезмерно и не совсем точно описывает то, что делает Эпини, но придержал язык. Дядя Сеферт любит свою неуправляемую дочь. И если он гордится ее способностью жить в таких трудных условиях, мне не стоит его разочаровывать.

Я хотел оставить ему письма Эпини, но он настоял на том, чтобы я их забрал. Про себя я решил сделать ей выговор за то, что она заставила отца страдать; чем он заслужил подобное отношение? Он давал ей куда больше свободы, чем доставалось большинству девушек ее возраста, и она воспользовалась этим, чтобы выйти замуж за человека, которого выбрала сама. Даже после того, как она обесчестила себя, сбежав из дома и отправившись к больному Спинку, дядя не отказался от нее и устроил скромную свадьбу и проводы. Чего еще могла она от него ждать?

Когда я попрощался с дядей, он дал мне письмо для моего отца и небольшие подарки для матери и сестер, и мне удалось найти для них место в седельных сумках. Я заглянул в банк, чтобы обменять чек на деньги, а затем отправился в доки. Мой корабль уже грузился, и я обрадовался, что приехал заранее, потому что Гордецу досталось последнее приличное стойло на борту судна. Моя каюта, хотя и маленькая, оказалась очень удобной, и я с радостью принялся в ней устраиваться.

Мое возвращение вверх по реке оказалось не таким волнующим, как наше путешествие в Старый Тарес. Мы шли против течения, и, хотя настоящий весенний разлив еще не начался, выглядела река все равно внушительно. Судно двигалось не только с помощью гребцов, но и так называемым веревочным способом. Сквозь блок был пропущен канат, закрепленный на мачте, с другим его концом вверх по течению поднималась маленькая лодка. Как только человек на лодке привязывал его к какому-нибудь неподвижному предмету, например большому дереву, кабестан на судне начинал вращаться, наматывая его и подтаскивая корабль вперед. Тем временем закреплялся второй канат, и таким образом мы продвигались по реке, делая от шести до пятнадцати миль в день. Путешествие вверх по реке на одном из крупных пассажирских судов в большей степени величаво, чем быстро, и напоминает отдых на курорте, а не плавание.

Возможно, отец рассчитывал, что эта часть пути станет для меня подарком и даст возможность завести новые знакомства. Но я нервничал и постоянно спрашивал себя, не оказался бы я дома быстрее, если бы ехал верхом на Гордеце. Хотя на судне имелись разнообразнейшие развлечения, от азартных игр до поэтических чтений, я не получал такого же удовольствия от путешествия, как когда мы плыли вместе с отцом. Пассажиры оказались менее доброжелательными, чем встретились нам тогда. Молодые дамы поражали меня своим высокомерием, их надменность граничила с грубостью. Однажды, просто из вежливости, я нагнулся поднять ручку, упавшую со столика у кресла молодой дамы. Когда я наклонился, от моей куртки оторвалась плохо пришитая пуговица и покатила по палубе. Дама и ее подруга разразились громким хохотом, одна невоспитанно показала на пуговицу пальцем, а другая только что не засунула в рот платок, чтобы скрыть свое веселье. Она даже не поблагодарила меня за протянутую ей ручку, а продолжала хихикать и даже фыркать, пока я преследовал беглую пуговицу. Схватив

ее, я снова повернулся к дамам, подумав, что они могут вспомнить о хороших манерах, но они поспешно вскочили, собрали вещи и умчались, шурша юбками и веерами.

Чуть позже в тот же день я услышал у себя за спиной смешок.

– В жизни не видела такого толстого кадета! – произнес женский голос.

– Тише! – ответил мужской. – Разве не видишь, что у него будет ребенок! Не смейся над будущей матерью.

Я обернулся и увидел тех же двух дам и пару молодых людей, которые стояли на верхней палубе и смотрели на меня. Они тут же отвернулись, но один из юношей не смог сдержать прорывающийся хохот. Кровь прилила к моему лицу, я был одновременно и смущен, и разъярен тем, что мой вес вызвал столько веселья.

Я тут же отправился в каюту и попытался осмотреть себя в крошечное зеркало, впрочем без особого результата, потому что я видел в нем примерно восьмую часть своего тела. Я решил, что их развеселило то, как плотно сидит на мне форма. Она действительно стала мне тесновата, и с тех пор, натягивая ее, я начинал опасаться, что выгляжу в ней смешно. Это отравило мне остаток путешествия, и всякий раз, когда я посещал музыкальные концерты или лекции, мне казалось, что где-то рядом сидят те самые дамы и разглядывают меня. Время от времени я видел их, часто вместе с теми же юнцами. Они беззастенчиво рассматривали меня, но избегали моего общества. Раздражение мое нарастало, а вместе с ним и смущение.

Нарыв прорвался, когда однажды вечером я спускался по лестнице с одной палубы на другую. Лестница была спиральной и довольно узкой. Мой рост и образовавшаяся полнота делали задачу довольно сложной. Я уже выяснил, что могу с ней справиться, если буду прижимать к себе локти и позволю ногам самим нащупывать ступени, не пытаюсь смотреть вниз. Даже худощавые пассажиры не могли разойтись на лестнице вдвоем. Поэтому, пока я спускался, внизу собралась маленькая группа людей, ждавших, когда я освобожу проход.

Они даже не озаботились тем, чтобы понизить голос.

– Осторожнее там, внизу! – громко объявил один из молодых людей, когда я был примерно на середине.

Я узнал голос – именно он обозвал меня беременным. Моя кровь вскипела от ярости.

Затем я услышал визгливый и нервный женский смешок, потом другой мужской голос добавил:

– Боже мой, что это? Оно загораживает солнце! Оно протиснется? Нет, сэр, не сможет. Освободите дорогу, освободите дорогу.

Я сообразил, что он подражает зычному голосу матроса, который измерял глубину реки и сообщал ее капитану.

– Барри, прекрати! – прошипела одна из девушек, но с трудом сдерживаемое веселье в ее голосе лишь воодушевило его.

– Какая интрига! Он справится или скатится вниз? – воскликнул юноша.

Я как раз заканчивал спускаться, щеки у меня пылали, но отнюдь не от приложенных усилий. Внизу я встретил знакомую мне четверку в вечерних туалетах. Одна из девушек, продолжающая хихикать, промчалась мимо меня вверх по лестнице, быстро перебирая ножками в изящных туфельках и задевая желтым платьем перила. Ее высокий спутник собрался следовать за ней, но я загородил ему дорогу.

– Вы высмеивали меня? – спросил я его ровным, любезным тоном.

Ума не приложу, откуда взялась моя сдержанность, в то время как внутри у меня все кипело, а кровь бурлила от ярости.

– Позвольте пройти! – сказал он сердито, не потрудившись ответить на вопрос.

Я промолчал и не двинулся с места. Он попытался протиснуться мимо меня, но я набычился и уперся, а мой немалый вес помогал стоять на своем.

– Мы всего лишь шутили, приятель. Не будь таким серьезным. Освободи проход, будь любезен, – проговорил его спутник, худощавый молодой человек со щегольски завитыми волосами.

Девушка, которая была с ним, спряталась за его спину и положила маленькую ручку в перчатке ему на плечо, словно я был непредсказуемым зверем, могущим на них наброситься.

– С дороги! – сквозь сжатые зубы прошипел первый, уже в ярости.

Усилием воли я заставил себя говорить спокойно:

– Сэр, мне неприятны ваши насмешки. В следующий раз, когда я замечу, что вы на меня глазеее или позволяете себе потешаться надо мной, я потребую от вас извинений.

– Угроза! От вас! – пренебрежительно фыркнул он и смерил меня оскорбительным взглядом.

В ушах у меня стучала кровь, однако, как ни странно, я внезапно почувствовал, что полностью владею ситуацией. Не могу выразить, каким приятным оказалось это чувство; все равно что держать на руках превосходные карты, когда все остальные за столом считают, будто ты блефуешь.

– Вам стоило бы быть благодарным за предупреждение, – улыбнувшись, заметил я. – Такой возможности вам больше не представится.

Еще никогда в жизни я не чувствовал себя настолько опасным.

Казалось, он ощутил, насколько мне безразличен его гнев, поскольку его лицо стало отвратительно красным.

– Освободи дорогу! – потребовал он сквозь сжатые зубы.

– Разумеется, – согласился я и не только отступил назад, но и предложил ему руку, словно собираясь помочь. – Будьте осторожны, – предупредил я его. – Ступеньки круче, чем они кажутся. Смотрите под ноги. Будет очень неприятно, если вы споткнетесь.

– Не смей со мной так разговаривать! – крикнул он и попытался оттолкнуть мою руку.

Но я поймал его за локоть, твердо сжал и помог подняться на первую ступеньку. Моя хватка показалась мне железной; думаю, ему тоже.

– Пусти! – зарычал он.

– Рад был вам помочь, – слащавым голосом ответил я и выпустил его.

Сделав два шага назад, я махнул рукой его спутниками, чтобы они следовали за ним. Девушка поспешила вверх по лестнице, молодой человек отставал лишь на шаг. Проходя мимо, он наградил меня опасливым взглядом, словно я мог неожиданно на него наброситься.

Я уже уходил, когда услышал наверху крик, а потом болезненный стон. Один из молодых людей, видимо, так испугался, что поскользнулся на лестнице. Затем послышались сочувственные женские причитания в адрес упавшего. Его слов я разобрать не мог, – видимо, от боли они получались невнятными. Я фыркнул и пошел прочь. Этим вечером мне предстоял обед за капитанским столом, и я вдруг понял, что предвкушаю его с необычайным аппетитом.

На следующее утро, наслаждаясь превосходным завтраком, я услышал за столом сплетню о том, как молодой человек поскользнулся и упал с лестницы.

– Ужасный перелом, – сообщила пожилая женщина с ярким веером своей соседке. – Кость прямо-таки торчала из него! Представляете? А бедолага всего лишь оступился на лестнице.

Меня охватило беспричинное чувство вины, когда я услышал, как сильно пострадал молодой человек, но почти сразу же я решил, что он сам виноват. Вне всякого сомнения, он поставил ногу мимо ступеньки; если бы он надо мной не насмешничал, ему бы не пришлось так поспешно от меня бежать.

Когда в следующий раз, к вечеру, я увидел их небольшую компанию, я заметил, что среди них нет того самого молодого человека, которому я «помог». Когда одна из девушек меня заметила, она испуганно вскрикнула, отвернулась и пошла в противоположную сторону. Ее подруга

и молодой человек столь же поспешно последовали за ней. Весь остаток пути они старательно меня избегали, и я больше не слышал хихиканья и обидных замечаний. Однако, вопреки ожиданиям, я не чувствовал облегчения. Вместо этого я продолжал терзаться виной, словно это мои дурные пожелания заставили молодого человека упасть. Женский страх неприятен мне не меньше их насмешек. И то и другое словно делает меня не тем, кто я есть на самом деле.

Я почувствовал едва ли не облегчение, когда наш корабль добрался до Сортон и я сошел на берег. Гордец нервничал после стольких дней, проведенных на нижней палубе, и снова выразил мне свое неудовольствие по поводу седельных сумок. Когда я вел его по сходням на берег, я радовался тому, что снова нахожусь на земле и не должен зависеть ни от кого, кроме самого себя. Я быстро оставил за спиной судно и смешался с толпой на улицах города.

Вместе с билетом и деньгами на дорогу отец прислал мне подробное письмо о том, как должно пройти мое путешествие. Он составил маршрут по своим военным картам и рассчитал, где мне следует останавливаться на ночь и какое расстояние преодолевать за день, чтобы успеть на свадьбу Росса. Его детальная схема указывала мне провести ночь в Сортоне, но я решил двинуться в путь сразу и, возможно, выиграть таким образом время. Опрометчиво – когда спустилась ночь, я все еще был в дороге, в нескольких часах пути от маленького городка, который мой отец отметил на карте как место следующей остановки. В густонаселенной местности вроде этой, где полно ферм и маленьких хуторов, я не мог просто встать лагерем у обочины, как сделал бы в Средних землях. Когда стало слишком темно, чтобы двигаться дальше, я попросился на ночлег в один из крестьянских домов. Хозяин оказался добрым человеком, даже слышать не хотел о том, чтобы позволить мне лечь в конюшне около Гордеца, и предложил место на полу у очага в кухне.

Я сказал, что готов заплатить за ужин, и хозяин разбудил служанку. Я ожидал, что мне подадут холодные остатки их ужина, но девушка, весело болтая, принялась разогревать в бульоне добрый кусок баранины. Она подогрела еще несколько картофелин и поставила передо мной с куском хлеба, маслом и большой кружкой пахты. Когда я ее поблагодарил, она ответила:

– Одно удовольствие готовить для мужчины, который явно любит поесть. Значит, и к остальным радостям жизни он неравнодушен.

Ее слова не показались мне обидными, поскольку сама она была полной широкобедрой девушкой.

– Хороший ужин и приятная компания возбуждают любой аппетит, – сказал я.

Она улыбнулась мне, показав милые ямочки на щеках и, по-видимому, решив, что я с ней заигрываю. Она, не смущаясь, села за стол, пока я ел, и сказала, что я поступил очень мудро, остановившись у них на ночь, поскольку в последнее время ходят слухи о разбойниках. Было ясно, что она сделала для меня куда больше, чем приказал ей хозяин, и потому, когда она принялась убирать тарелки, я дал ей серебряную монетку и поблагодарил за доброту. Она с улыбкой принесла мне два одеяла и подмела место перед очагом, прежде чем устроить там мою постель.

Примерно через час я внезапно проснулся оттого, что кто-то приподнял край моего одеяла и тихонько лег рядом. Стыдно вспомнить, но сначала я подумал о своем кошельке с деньгами и нашарил его под рубашкой. Но она не обратила на это внимания и прижалась ко мне, точно котенок, который хочет согреться. Я тут же понял, что на ней только тонкая ночная сорочка.

– Что такое? – довольно глупо спросил я.

Она тихонько хихикнула:

– Ну, сэр, я даже не знаю. Дайте-ка я пощупаю и, может, тогда смогу ответить.

С этими словами она просунула между нами руку и, обнаружив, что ей уже удалось меня возбудить, уверенно продолжила.

Я был ничуть не сдержаннее любого юноши моих лет, и если и был до этого целомудрен, то от недостатка возможностей, а не из-за попыток остаться добродетельным. Должен признаться, на мгновение я задумался, не заражусь ли я дурной болезнью, поскольку в Академии нам множество раз повторяли, чем чревато общение с дешевыми уличными шлюхами. Но я довольно легко и быстро убедил себя, что эта девушка, живущая так далеко от города, вряд ли знала многих мужчин и не могла ничем заболеть.

Об этой ночи я редко сожалел и никогда ее не забуду. Сначала я был неловок, но вскоре проснулось мое другое «я», оказавшееся не только опытным, но и весьма искусным в постельных играх. Я знал, когда нужно подразнить легким прикосновением, а когда мои губы должны стать жесткими и требовательными. Она дрожала подо мной, а ее тихие стоны звучали для меня сладкой музыкой. Впрочем, я испытал некоторое неудобство, ведь, несмотря на то что округлые очертания ее тела казались мне знакомыми, я не привык управляться с собственным увеличившимся животом. С неохотой я признал, что мой лишний вес становится не просто пустым поводом для шуток, но я не позволил ему нам помешать. Перед рассветом мы поцеловались на прощание, и я заснул обессиленным. Мне показалось, что утро наступило слишком быстро.

Если бы я смог придумать себе оправдание, я бы остался еще на одну ночь. Утром та же девушка подала мне роскошный завтрак и нежно со мной попрощалась. Я не хотел обижать ее, отнесшись к ней как к обычной шлюхе, но оставил немного денег под тарелкой, где она должна была их найти, убирая со стола. Затем я попрощался с фермером и его женой и искренне поблагодарил их за гостеприимство. Фермер повторил предупреждение служанки о разбойниках, я обещал, что буду осторожен, вскочил в седло Гордеца и тронулся в путь, относясь к себе совершенно иначе, чем днем раньше. Когда я творил заклинание «Держись крепко» над подпругой, я вдруг почувствовал себя путешественником, который впервые узнает жизнь на собственном опыте. Это было восхитительно и приятно радовало после неуверенности в себе, которую я испытал на корабле.

День прошел быстро. Я не обращал внимания на дорогу и окружающий пейзаж, вспоминая каждое мгновение минувшей ночи. Надо сказать, мне было почти так же приятно вообразить мой рассказ для Рори и остальных приятелей о ночи, проведенной с крестьянской девушкой, как вспоминать о ней. Днем я добрался до городка, отмеченного на карте. Несмотря на то что до темноты было еще далеко, я решил переночевать здесь не только потому, что получил два предупреждения о разбойниках, но и из-за предыдущей бессонной ночи. Я нашел приличный постоялый двор, поужинал и отправился в маленькую комнатку, где проспал до вечера. Еще некоторое время я делал записи в дневнике, но, закончив, никак не мог успокоиться. Мне хотелось повторить вчерашнее приключение.

Я спустился вниз в надежде послушать музыку, познакомиться с новыми людьми и о чем-нибудь поболтать, но обнаружил там нескольких парней, хлещущих дешевое пиво, и сварливого хозяина, который явно желал, чтобы его посетители либо тратили деньги, либо выметались. Я смутно рассчитывал, что какая-нибудь сговорчивая служанка будет вытирать столы, как это всегда случалось в сомнительных книжках бедняги Калеба, но вокруг не оказалось ни одной женщины. Выйдя прогуляться по маленькому городку, я обнаружил лишь пустые улицы. Я сказал себе, что это к лучшему, и вернулся на постоялый двор. Выпив три кружки пива, я отправился к себе в комнату, лег и уснул.

Следующие несколько дней путешествия прошли без происшествий. Мой отец очень точно оценил расстояние, которое Гордец мог преодолеть за день. Однажды вечером я остановился в гостинице, где в баре сразу заметил нескольких шлюх. Я собрался с духом и подошел к самой молодой из них, стройной женщине с копной светлых кудрей, обрамлявших лицо. Она была в розовом платье, украшенном перьями вокруг глубокого выреза. Пытаясь проявить остроумие, я начал разговор с вопроса, не щекочется ли ее оперение.

Она окинула меня взглядом и прямо сообщила:

– Две серебряные монеты, комната с тебя.

Я был потрясен. В историях, услышанных мной от Триста и вычитанных в журнальчиках Калеба, шлюхи заигрывали с клиентами и лестили им, и я рассчитывал хотя бы на краткую беседу.

– Прямо сейчас? – туповато спросил я, и она тут же встала.

Мне ничего не оставалось, кроме как отвести ее в свою комнату. Она потребовала деньги вперед и спрятала их за вырезом платья. Я расстегивал брюки, когда она твердо взяла меня за руку и толкнула к кровати, где и опрокинула на спину. Впрочем, меня не рассердило, даже когда она сказала:

– Не думай, что я собираюсь оказаться под тобой. Такая колода может переломать девушке все ребра.

С этими словами она задрала юбки, под которыми не оказалось ничего, уселась на меня, словно я был лошадьей, и довольно быстро покончила с делом. Затем поднялась и, стоя около кровати, начала приводить в порядок платье. Я сел; мои брюки собрались у щиколоток. Она направилась к двери.

– Ты куда? – удивленно спросил я.

Она озадаченно взглянула на меня:

– Работать. Если только ты не собираешься истратить еще две монеты.

Я замешкался, что она расценила как «нет».

– Так я и думала. Толстяки обычно скупы, – слегка насмешливо заявила она.

Не говоря больше ни слова, она вышла. Я в изумлении смотрел ей вслед, оскорбленный и ошеломленный ее словами. Откинувшись на подушку, я неожиданно подумал, что узнал разницу между легкомысленной служанкой и настоящей шлюхой. Меня охватили раскаяние и беспокойство, и я решил, что мне стоит как следует помыться. Прежде чем уснуть той ночью, я дал себе слово держаться подальше от проституток и сурово напомнил себе, что почти помолвлен и должен сохранить свое тело здоровым ради безопасности Карсины. Тем не менее я был рад, что накопил определенный опыт в этой области.

Чем дальше на восток я продвигался, тем менее обжитыми становились места вокруг. Наконец я оказался в Средних землях и выбрался на Королевский тракт, идущий более или менее вдоль реки. Качество новой дороги не везде было одинаковым. Предполагалось, что на равных расстояниях должны находиться станции, где королевские курьеры могут напиться, поесть и отдохнуть. Некоторые из них были маленькими деревушками, но большая часть представляла собой жалкие домишки, где путник мало на что мог рассчитывать. Наихудшая станция оказалась перекошенной хибарой с прохудившейся крышей, грозившей вот-вот обрушиться. Я приучился запасаться водой и едой на ужин, покидая утром место ночлега.

Как-то раз я проехал мимо длинной колонны арестантов и стражников, направлявшихся на восток. Вместо порки или утраты руки за свои преступления эти люди выбрали принудительные работы на Королевском тракте, который должен протянуться до самых Рубежных гор. Отработав свой срок, они получают участок земли и возможность начать новую жизнь. Таким образом король предлагал преступникам еще один шанс, прокладывая дорогу и заселял земли на востоке. Тем не менее мне показалось, что люди в кандалах вовсе не ожидают с нетерпением начала новой жизни, а их жены и дети, которые ехали следом за колонной в фургонах, запряженных мулами, производили еще более тягостное впечатление. Их лица и одежда были покрыты пылью, и, пока мы с Гордецом мчались мимо, мы слышали плач нескольких младенцев. Мне никогда не забыть одного маленького мальчика, сидевшего у борта фургона; его голова жалко подергивалась от тряски. Заглянув в его тусклые глаза, я понял, что этот малыш скоро умрет, и вздрогнул, спрашивая себя, откуда я мог это узнать.

К сожалению, моя кадетская форма сильно пострадала от постоянного ношения. Пуговицы едва держались, швы на плечах и бедрах грозили расползтись. Наконец я сложил ее как можно аккуратнее и убрал в седельную сумку, а взамен надел обычную одежду, куда более свободную и удобную для путешествия. Мне пришлось признать самому себе, что я поправился, причем гораздо сильнее, чем предполагал. Я постоянно испытывал голод, потому что дорога отнимает силы, но радовался, что запасы еды у меня ограничены. Я не сомневался, что к приезду домой снова стану стройным, как прежде.

Глава 3

Танцующее Веретено

Чем больше я углублялся в Средние земли, тем более знакомой становилась местность. Я узнавал степи и плоскогорья, свежий запах реки по утрам, крики тетеревов. Я знал названия каждого растения и каждой птицы. Даже вкус пыли казался мне знакомым. Гордец, видимо, почувствовал, что мы приближаемся к дому, и бежал гораздо резвее.

Однажды днем я остановился, оказавшись перед неожиданным выбором. У края дороги к груде камней была прислонена грубая доска с неровной надписью: «Танцующее Веретено». Буквы явно кто-то перерисовывал, а не писал. От наезженного тракта, идущего вдоль реки, в сторону отходило ответвление со следами больших тележных колес и вело чуть вверх, так что я не видел, где оно заканчивалось.

Я задумался. Эта дорога отклонялась от тщательно спланированного отцом маршрута, и я не знал, сколько потеряю времени, однако я помнил его обещание когда-нибудь показать мне монументы жителей равнин и среди них – Танцующее Веретено. Неожиданно я почувствовал, что должен его увидеть, натянул поводья и свернул с тракта.

Дорога была не слишком разбитой, но ездили по ней много, и я понимал, что сбиться с нее невозможно. Когда я добрался до вершины гребня, то обнаружил внизу симпатичную маленькую долину. Дорога спускалась к деревьям и исчезала за густой и сочной листвой.

Почувяв воду, Гордец ускорил шаг, и я не стал его сдерживать. Добравшись до ручья, я позволил ему вволю напиться и встал на колени, чтобы утолить собственную жажду. Освежившись, мы двинулись дальше. Дорога сначала шла вдоль ручья, затем перебиралась на другой берег. Я решительно отмел беспокойство из-за потери времени. Меня охватило необъяснимое возбуждение, я чувствовал, что должен ехать.

Мы двинулись по дороге, которая выбралась из долины, миновала скалистую гряду и вывела на довольно голое плато. Чуть дальше оно резко обрывалось глубоким ущельем, словно какой-то разгневанный бог расколол там землю громадным топором. Дорога вела на дно ущелья, расположенное далеко внизу. Я остановил Гордеца и некоторое время сидел, наслаждаясь странным, невероятным зрелищем.

Трещины на стенах ущелья открывали взгляду разноцветные полосы камня, ослепительно-белого, темно-оранжевого и красного и даже тускло-голубого. На дне раскинулся город без крыш, с обрушенными до высоты коленей стенами и горами мусора. Я задумался, что за война или разразившееся в древние времена бедствие могли уничтожить этот город. Но даже ущелье выглядело не таким глубоким, а город – и вовсе крошечным в сравнении с Танцующим Веретеном жителей равнин. Никакие рассказы не могли подготовить меня к этому зрелищу. Громадный столб наклонялся под острым, невозможным углом. От его вида меня пробрала дрожь.

Веретено и в самом деле напоминало инструмент, которым женщины пользуются для прядения, но совершенно немыслимых размеров. Его вырубили из красного с белыми прожилками камня. Один конец уходил далеко вверх над дном ущелья, а другой покоился в большом углублении в земле, словно вонзился в каменистую почву. Закрученные по спирали белые полосы и дрожащий от жары воздух создавали весьма правдоподобную иллюзию того, что Веретено вращается.

Монумент отбрасывал длинную черную тень на землю у основания. Единственным зданием, уцелевшим, когда был разрушен весь остальной город, была башня с винтовой лестницей, которая доходила почти до верхнего острия наклонного Веретена. Я никак не мог понять,

почему оно давным-давно не рухнуло. Я сидел на лошади, улыбался и наслаждался обманом зрения, почти ожидая, что Веретено в любой миг может потерять равновесие и упасть.

Но ничего такого не произошло. Я начал спускаться вниз по крутому склону, удивляясь, какая же сильная иллюзия вращения создается. Эта картина так меня захватила, что я едва заметил жалкую хижину, примостившуюся в тени Веретена. Она ютилась на границе углубления в земле, куда уходил нижний конец монумента. Руины вокруг состояли из камня и глины, но хибара была построена позже, из крупных грубых досок, выцветших от непогоды, и казалась заброшенной. Поэтому я был несколько ошеломлен, когда на пороге появился мужчина, вытирающий рот салфеткой, как если бы мое появление прервало его трапезу.

Когда я подъехал ближе, он обернулся и швырнул тряпицу женщине из равнинных племен, которая вышла посмотреть на меня следом за ним. Она ловко поймала салфетку и по знаку хозяина вернулась в сомнительную безопасность хижины. А сам мужчина направился ко мне, с чрезмерным радушием размахивая руками. Когда я был еще довольно далеко, он заорал: – Приехали посмотреть на Веретено?

Вопрос показался мне довольно глупым. Зачем еще кто-нибудь поехал бы сюда по разбитой дороге? Я ничего не ответил, потому что мне не хотелось повышать голос, и вместо этого медленно двинулся вперед. Впрочем, мое молчание его не смутило.

– Это чудо примитивного строительства. Всего за один гектор, сэр, я покажу его вам и расскажу его удивительную историю. Из дальних стран и ближних – отовсюду сюда приезжают сотни людей, чтобы полюбоваться на чудо. И сегодня вы войдете в число тех, кто может сказать: «Я видел Танцующее Веретено собственными глазами и поднялся по ступеням башни Веретена».

Он был похож на балаганного зазывалу. Гордец косился на него с подозрением. Когда я натянул поводья, мужчина остановился и, улыбаясь, уставился на меня. Его одежда, хотя и чистая, была потрепанной, свободные штаны залатаны на коленях, а на больших пыльных ногах красовались изношенные сандалии. Рубашку он носил навыпуск, подпоясав ярким кушаком. Черты лица и язык были гернийскими, но одежда, манеры и украшения выдавали жителя равнин. Значит, полукровка. Я чувствовал и жалость, и отвращение, но по большей части – сильное раздражение. Размеры и необычность этого равнинного монумента повергали меня в благоговение. Веретено было величественным и единственным в своем роде, и, должен признаться, от этого зрелища я воспарил духом. Мне хотелось созерцать его в тишине и покое, чтобы ничья пустая болтовня не мешала мне.

Я счел его глупцом, когда он потянулся к поводьям Гордеца, чтобы придержать его, пока я спешиваюсь. Неужели он не способен узнать лошадь каваллы? Гордец, приученный не подпускать к себе чужих, одним плавным движением встал на дыбы и повернулся. Опустившись на землю, он сразу же отпрыгнул на полдюжины шагов от «врага». Прежде чем он успел лягнуть мужчину, я торопливо остановил его, спешился и бросил поводья, и Гордец послушно замер на месте. Я оглянулся на полукровку, ожидая увидеть его испуг и потрясение.

Вместо этого он подобострастно улыбался. Пожав плечами, он вскинул вверх руки в жесте преувеличенного удивления:

– О, какой великолепный скакун, какой гордый конь! Я завидую вашему везению. Владеть таким конем – счастье!

– Спасибо, – холодно ответил я.

Этот человек меня смущал, и мне хотелось оказаться от него как можно дальше. Гернийские черты лица вступали в противоречие с манерами жителя равнин. Выбор слов и речь, в которой почти не слышалось гортанного варварского выговора, выдавали образованного человека, но все же он стоял передо мной в поношенных сандалиях и одежде, похожей на лохмотья, и его жена-дикарка поглядывала на нас из дверного проема их жалкой хижины. Мне было не

по себе от противоречивости этой картины. Он подошел ко мне и приступил к явно отрепетированному монологу:

– Конечно же, вы слышали о знаменитом Танцующем Веретене, самом загадочном из пяти монументов Средних земель! И наконец вы пришли сюда, чтобы собственными глазами увидеть шедевр древних каменотесов. Как – должно быть, удивляетесь вы, – как могли предки жителей равнин создать это чудо при помощи своих простых инструментов? Почему Веретено сохраняет равновесие и не падает? Каким образом создается иллюзия вращения, когда вы смотрите на него с большого расстояния? И что – несомненно, спрашиваете вы себя – означало это поразительное сооружение для тех, кто его построил? Должен вам сказать, что эти вопросы интересуют не только вас. Ученые, философы и инженеры пытались найти на них ответы. Они приезжали сюда даже из Скея и Колючего, и я, в чьих жилах течет кровь жителей равнин и гернийцев, с удовольствием помогал им и теперь рад просветить вас за скромную сумму всего в один гектор!

Его гладкая речь напомнила мне монотонный речитатив зазывал балагана уродов во время Темного Вечера в Старом Таресе. Память о том дне и всем, что за ним последовало, всколыхнулась во мне. Я оттолкнул протянутую руку и отпрянул в сторону. Он отшатнулся, хотя я не причинил ему боли.

– Я пришел посмотреть на необычное скальное образование, без сомнения возникшее естественным путем и лишь приукрашенное вашим народом. Мне нет необходимости платить за то, что и так у меня перед глазами. Пожалуйста, оставьте меня в покое.

На мгновение он прищурился, и мне показалось, что он собрался огрызнуться, но потом глаза у него широко раскрылись и, к моему удивлению, он вновь демонстративно пожал плечами. Затем показал на возвышающийся у нас над головами камень и слегка поклонился.

– Как пожелаете, сэр, – сказал он.

Затем снова поклонился и отошел от меня, а я удивленно смотрел ему вслед, поскольку не уловил в его словах грубости или насмешки.

Впрочем, когда он отвернулся, я поднял взгляд и понял, почему он столь неожиданно потерял ко мне интерес. По крутому склону холма, скрипя колесами, спускались упряжка лошадей и повозка. Открытый фургон с натянутым над головами пассажиров желтым тентом был украшен, словно для праздничной прогулки. На борту красовалась надпись: «Взгляните на чудесное Веретено!» Внутри на мягких сиденьях устроилось около дюжины человек самых разных возрастов, дамы держали в руках зонтики от солнца. Когда мой несостоявшийся экскурсовод бросился к ним, я понял свою ошибку. Я оказался случайной, ничего не подозревающей дичью, но, когда прибыла настоящая добыча, он тут же обо мне забыл. Лично меня это вполне устраивало, я отвернулся от вновь прибывших и стал смотреть на Веретено.

Оно было выше самого высокого здания, которое мне доводилось видеть, и гораздо массивнее. Я поднял взгляд к его вершине, затем медленно опустил их к основанию – казалось, оно сужалось до точки, касающейся земли, – подошел к яме и заглянул в нее. Ее края круто уходили вниз, и острие Веретена терялось в густых тенях, словно гигантское перо, опущенное в громадную чернильницу. Все сооружение клонилось к земле под острым углом, не касаясь стен ямы; очевидно, его поддерживали какие-то опоры, спрятанные в провале. Все это противоречило моим представлениям об инженерном деле. Как могли небольшие опоры удерживать такой вес? И даже со столь близкого расстояния иллюзия вращения не исчезла.

Некоторое время я стоял на месте, вытянув шею и глядя вниз, на конец Веретена, прячущийся в тени. С расстояния казалось, что гигантское веретено заостряется книзу, но на самом деле я смотрел на огромную каменную глыбу. Там, где она исчезала в глубине ямы, словно бы проделанной в земле ею самой, обхват ее был равен основанию сторожевой башни. Она должна была пребывать в неподвижности, иначе трение камня создавало бы оглушительный грохот, как если бы гигантский пест растирал что-то в ступе. Однако мои легковверные глаза

настаивали, что Веретено вращается. Я тряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения, и попытался сосредоточиться на настоящей загадке. Что удерживает Веретено на месте? Учитывая его массу и наклон, почему оно не упало века назад?

Я был уверен: стоит подойти поближе, и хитрость сразу же станет очевидна. Но теперь, стоя почти у самого основания и едва ли не рискуя свалиться в яму, я все еще недоумевал. Башня с винтовой лестницей доходила почти до верха наклонного Веретена. Я решил подняться по ступеням. Казалось, башня заканчивается так близко к верхнему острию, что я смогу дотронуться до Веретена и убедиться в его неподвижности. Я уже не думал о том, чтобы поскорее продолжить прерванное путешествие, но хотел любой ценой удовлетворить свое любопытство. Я поднял глаза, чтобы выбрать лучшую дорогу по усыпанной обломками земле, и тут же увидел едва различимую тропинку. Очевидно, я оказался не единственным зевакой с подобными намерениями. Уверенный в том, что Гордец сможет о себе позаботиться, я оставил его ждать и ступил на тропинку.

Когда дорожка привела меня в тень Веретена, я вошел в нее с некоторым трепетом. В самом сердце тени казалось, будто день потускнел, и я мог бы поклясться, что легкий ветерок, рожденный движением монумента, коснулся моей щеки. И тут же я почувствовал в груди – не услышал, а именно почувствовал – глухой рокот вечного вращения Веретена. Призрачный ветер словно погладил меня по голове, разбудив неприятные воспоминания о ласках древесного стража. Я был рад выйти из глубокой тени, отбросив неуютные фантазии, хотя день стал намного ярче, а солнце припекало слишком сильно.

Тропинка оказалась совсем не прямой, она извивалась между разрушенными стенами и загроможденными улицами мертвого города. Обломки подтверждали слова полукровки о том, что Веретено является делом человеческих рук, потому что некоторые были из такого же красноватого камня, все еще покрытые странными узорами из клеток и спиралей, одновременно и чуждых, и знакомых. Я пошел медленнее и начал различать очертания лиц, выступавшие на камнях. Распахнутые рты с затупившимися зубами, руки, превратившиеся со временем в жалкие лапки, пышные женские фигуры, истонченные ветром почти до бесполости, дразнили мое воображение.

Я взобрался на угол стены и огляделся. Я почти видел смысл в разрушенных стенах и обвалившихся крышах. Я спрыгнул вниз и пошел дальше по... чему? Храмовому городу? Деревне? Кладбищу с древними могилами? Чем бы оно ни было, оно пало, предоставив Веретену и башне властвовать над изъеденными временем останками. Как могли люди с инструментами из камня, кости и бронзы создать такое грандиозное сооружение? Я даже подумывал по возвращении дать полукровке гектор, чтобы посмотреть, есть ли у него правдоподобный ответ на этот вопрос.

Добравшись до основания башни, я обнаружил две вещи: во-первых, что она находится в гораздо худшем состоянии, чем казалось издали, и, во-вторых, что это вовсе не настоящее здание, а всего лишь винтовая лестница, поднимающаяся вокруг массивного внутреннего столба. Войти внутрь было невозможно, я мог лишь подняться к ее вершине по внешним ступеням. Условная преграда из шестов и веревок перекрывала вход на лестницу, словно в качестве предупреждения. Я не обратил на нее внимания. Края ступенек скруглялись, а в центре каждой образовалось углубление – дань прошедшим годам и ногам. Стены основы когда-то были выложены мозаикой, от которой остались лишь небольшие фрагменты: глаз и искривленные в усмешке губы, лапа с выпущенными когтями, лицо пухлощекго малыша с зажмуренными от удовольствия глазами. Я поднимался выше виток за витком. Все это казалось ошеломляюще знакомым, хотя я не мог вспомнить, когда и где мне довелось испытать нечто подобное. Вот из остатков мозаики выглядывает голова красно-черной птицы с широко распахнутым клювом. Вот дерево протягивает к солнцу руки и подставляет лицо лучам. Только через дюжину ступенек я сообразил, что у дерева не может быть ни рук, ни лица. Кое-где встречались обычные

надписи, провозглашавшие, что кто-то тут был или что такой-то будет любить такую-то вечно. Некоторые казались очень старыми, но большая часть была довольно свежей.

Я ожидал, что скоро устану от подъема, день выдался жарким, палило солнце, а мое тело никогда еще не было таким большим и неуклюжим. Однако было нечто бодрящее в том, чтобы находиться так высоко, ничем не отгороженным от края пропасти, в которую в любой миг можно свалиться. С каждым новым шагом музыка вращающегося Веретена становилась все громче; я чувствовал его вибрации всем телом, ощущал легкий ветерок, касавшийся лица, и особенный запах, рождаемый движением камня, теплый, восхитительный, похожий на подогретые специи. Подняв взгляд от ступенек, я посмотрел на монумент. Я видел его основу из полосатого камня. Она, возможно, была неподвижной, но ее окружал смутный покров воздуха или дымки, и он вращался. Не могу объяснить, почему это вызвало у меня такой восторг.

Башня заканчивалась открытой площадкой размером с небольшую комнатку. Ее окружала низкая каменная стена, но с одной стороны ее прорезала трещина, и кладка обрушилась неровной горкой, достигавшей моих коленей. Я встал посреди площадки, глядя на острие Веретена прямо над моей головой. Я довольно высок, но его каменная сердцевина оставалась вне пределов моей досягаемости. Это меня озадачило. Зачем древние люди возвели башню, позволяя так близко подойти к удивительному сооружению, но не давая коснуться его? Это казалось бессмысленным. Ветер от его вращения тепло касался моего лица и нес с собой пряный аромат.

Я огляделся по сторонам. В ущелье внизу раскинулся разрушенный город. Группа любопытствующих покинула фургон и почтительной толпой окружила полукровку. Я знал, что он им что-то рассказывает, но до меня не долетало ни звука, если не считать тихого гудения Веретена. Я снова поднял на него взгляд и вдруг понял, что у меня была причина прийти сюда. Я медленно вытянул над головой руку.

– Не трогайте, – внезапно предостерег меня голос откуда-то поблизости.

Я подпрыгнул от неожиданности и обернулся посмотреть, кто со мной заговорил. Это оказалась женщина с равнин, которую я видел около хижины экскурсовода, или кто-то очень на нее похожий. Видимо, она поднялась сюда следом за мной. Я нахмурился. Мне хотелось одиночества.

– Почему? – не опуская руки, спросил я.

Она подошла на шаг ближе, чуть склонила голову набок и посмотрела на меня так, словно раздумывала, не встречались ли мы раньше. Улыбнувшись, она шутливо ответила:

– Старики говорят, трогать Веретено опасно. Вас поймает его пряжа и утащит...

Мои пальцы коснулись вращающейся субстанции, на ощупь определив в ней туман, а в следующее мгновение я почувствовал под рукой шершавый камень, меня выдернуло из тела и подняло в воздух.

Я видел, как женщины прядут, как клочья шерсти подхватываются и вытягиваются в тонкие нити, наматываясь на вращающееся колесо. Со мной произошло то же самое. Я утратил человеческую форму, из меня что-то вытягивалось, мой дух или сущность, и превращалось в тонкую пряжу, которая накручивалась на громадное Веретено. Оно превращало меня в витки туго натянутой нити. Я стал очень тонким. Все мои чувства утонули в магии Веретена, и я ощутил, как во мне просыпается другой «я».

Он знал, зачем существует Веретено. Оно собирало разбросанные по всему миру нити магии и превращало их в пряжу. Оно сосредоточивало силу. А еще он знал, зачем была построена башня: она давала доступ к этой силе. Отсюда житель равнин, наделенный могуществом, маг камня, мог творить чудеса. Танцующее Веретено было сердцем магии равнин, и я нашел его. Из этого источника черпали силу все жители равнин, не только кидона. Мое второе «я», мой двойник вдруг вырвался на поверхность. Он окунулся в величие магии. Часть ее он вобрал в себя, но лишь столько, сколько могло удержать мое тело. Что до остального... ну, теперь,

когда ему был известен источник, ни один житель равнин не сможет больше спустить свою магию на спеков с гор. Я об этом позабочусь. Вся собранная ими магия находится у меня в руках. Я громко, ликуя, рассмеялся. Я уничтожу...

Я напрягся, стараясь удержать то, что не мог увидеть. Нить оказалась слишком прочной, меня резко отшвырнуло назад, в мое тело, и я почувствовал такой сильный удар, словно опрокинулся на спину на жесткую кладку.

– ...на грань совершенного могущества. Это путешествие не для неподготовленного, – закончила фразу женщина равнин.

Она улыбалась, делясь со мной глупым предрассудком.

Я покачнулся и опустился на колени. Мне удалось сохранить толику достоинства и осесть на пятки, вместо того чтобы повалиться ничком. Я видел, что мои руки касаются поблекшего рисунка, вырезанного в камне. Женщина нахмурилась.

– Вам плохо? – скорее с тревогой, чем с сочувствием, спросила она.

– Не думаю, – ответил я.

Я глубоко вдохнул, стараясь прийти в себя, и услышал приближающийся монотонный голос. У меня кружилась голова, и мне совсем не хотелось оборачиваться, но я заставил себя. Полукровка медленно поднимался по ступеням. Он надел соломенную шляпу, придававшую ему забавную солидность. За ним следовала группа любопытствующих, те из них, кто отважился на восхождение. Одна женщина держала над головой зонтик от солнца, две другие обмахивались веерами от жары. В группе оказалось только двое мужчин, и мне показалось, что они скорее сопровождают дам, чем отправились сюда по собственному желанию. За взрослыми поднималось около дюжины ребятишек. Девочки подражали дамам, а мальчишки, явно сучая, пихали друг друга, соревновались, кто первый доберется до площадки, и передразнивали манеры и жесты проводника.

– Я прошу вас всех соблюдать осторожность и не подходить к краю. Стена не вполне надежна. Отвечая на ваш вопрос, сударыня, скажу, что в башне четыреста тридцать две ступеньки. А теперь, пожалуйста, посмотрите на само Веретено. Отсюда его видно лучше всего. Вы уже, наверное, поняли, что иллюзия вращения создается полосами на камне. Естественно, на таком близком расстоянии она не действует, и можно увидеть, что Веретено неподвижно.

Не поднимаясь с колен, я снова посмотрел на Веретено.

– Оно вращается, – тихо проговорил я и с ужасом услышал собственный голос, словно доносящийся издалека. – По-моему, оно вращается.

Несмотря на все мои старания говорить громче, мой голос звучал словно голос Эпини, находящейся в трансе. Двойник пытался одержать надо мной верх, и я с огромным трудом его сдерживал.

– Вы нездоровы, сэр, – с нажимом произнесла женщина равнин, по-видимому пытаюсь объяснить мое состояние остальным. – Вам следует уйти отсюда.

Я удивленно посмотрел на нее. Я ожидал, что она предложит мне отдохнуть или выпить воды, но ее серые глаза лишь сузились от недоверия. Я на мгновение сомкнул веки.

– Не знаю, смогу ли я спуститься, – сказал я.

Я собирался что-то сделать, что-то очень важное, но никак не мог собраться с мыслями. Кровь стучала у меня в ушах, я с трудом поднялся на ноги и несколько раз моргнул, оглядываясь. Казалось, прошло не больше мгновения, но все успело перемениться. Проводник уже закончил лекцию и, жестом указывая на долину, отвечал на вопрос какого-то серьезного юноши. Остальные столпились поблизости, обозревая панораму, раскинувшуюся внизу. Две женщины открыли альбомы. Дама с зонтиком рисовала на мольберте, который принес ее спутник, акварель уже была наполовину закончена. Мужчина стоял за ее плечом и восхищался мастерством художницы. Женщина постарше собрала вокруг себя девочек и вкратце повторила с ними рассказ проводника. Один из мальчиков, самый послушный, придерживал листок

бумаги на камне, пока плотная дама углем переводила украшавший его барельеф. Полукровка отвернулся от группы и направился ко мне.

Женщина с равнин оставалась рядом со мной.

– Что со мной происходит? – спросил я у нее.

Она нахмурилась и пожала плечами, держась рядом с таким видом, словно охраняла меня.

Проводник подошел ко мне, сдержанно улыбаясь.

– Ну, вам удалось удовлетворить свое любопытство, сэр? Я уверен, вы должны быть впечатлены мастерством ветра, сотворившего столь чудесные картины.

Его ирония была вполне оправданной, – возможно, именно этим она меня и разозлила.

– Я ухожу, – сообщил я и с трудом поднялся на ноги.

Когда я начал отворачиваться, меня внезапно замутило и земля задрожала под ногами.

– Это что, землетрясение? – испуганно спросил я, хотя и заподозрил, что беспокойство зародилось внутри моего собственного тела.

Я поднес руки к вискам и мрачно взглянул на проводника и его жену. Они с тревогой смотрели на меня.

В ушах у меня раздался дикий вой, похожий на скрип несмазанного колеса, и с ужасом я увидел, как три мальчика встали посреди площадки, причем двое поддерживали третьего, чтобы он дотянулся до Веретена. Он достал нож и прижал его острие к камню. Прямо у меня на глазах он попытался процарапать черту на древнем монументе. Та часть меня, что прошла обучение у древесного стража, вздрогнула от страха. Было бы опасно, крайне опасно внезапно высвободить эту магию.

– Прекрати! – крикнул я.

Вопреки здравому смыслу я ожидал, что юного болвана подхватит и унесет вращением Веретена.

– Не делай этого! Прекрати немедленно!

Железо вырывало магию из Веретена, и она летела клочьями, она могла отправиться куда угодно, натворить что угодно. Меня оглушило ее ударами, голова отчаянно кружилась, но остальные, похоже, ничего не замечали.

Мальчик остановился и сердито посмотрел на меня.

– Вы мне не отец. Вот и не лезьте не в свое дело, – презрительно сообщил он.

Стоило ему убрать нож от камня, скрежет прекратился. Когда же он снова вернулся к своему занятию – зазвучал с новой силой. Мальчик с силой нажимал на нож, и вой становился все громче и пронзительнее. Я зажал уши ладонями, чтобы хоть немного приглушить этот визг. Там, где лезвие касалось камня, поднимался призрачный дым. Мальчик, казалось, ничего не замечал.

– Прекрати! – заорал я. – Идиот, ты не понимаешь, что делаешь!

Теперь уже все члены группы повернулись ко мне. А я никак не мог понять, почему они не слышат визга Веретена, в тело которого вгрызается холодное железо. Одна за другой на меня накатывали волны тошноты. Гудение Веретена, прежде такое ровное, что я его почти не замечал, стало прерывистым, поскольку нож замедлил его вращение.

– Остановите его! – крикнул я им всем. – Неужели вы не видите, что он делает? Неужели не чувствуете, что он разрушает?

Скрытая часть меня предупреждала, что вокруг бушует магия. Ее рваные нити обжигали мне кожу, растворяясь в воздухе. Они чувствовались, точно крохотные порезы бритвенно-острого ножа. Это было опасно, я мог растерять всю магию, которую собрал с таким трудом.

– Остановите его, или это сделаю я! – пригрозил я, но колебания окружавшей меня магии выбивали меня из равновесия.

Даже не воздух, сама реальность вокруг меня казалась дрожащей и изменчивой, и я понимал, что вряд ли способен сейчас навредить хотя бы мухе. Тем не менее я двинулся вперед, чтобы остановить мальчишку.

Видимо, со стороны я был похож на безумца, когда, с трудом передвигая ноги, заковылял к маленькому болвану, который разрушал своим ножом древнюю магию. Женщины вскинули к губам руки, в ужасе прикрывая рты. Мальчишки, державшие вандала, отшатнулись, и один из них выпустил ногу, которую держал. Один из молодых людей шагнул вперед, словно собираясь вступить за ребенка. Только дама, которая переносила на бумагу рисунок с камня, поддержала меня:

– А ну-ка прекрати, юный безобразник! Я привела тебя сюда, чтобы ты познакомился с примитивной культурой, а не разрушал ее. Прекрати портить древнее произведение искусства. Я расскажу твоему отцу об этой глупой выходке!

Она выронила свой рисунок и направилась к пареньку. Оставшийся за ее спиной помощник устало закатил глаза.

Угрюмо фыркнув, мальчишка с такой силой швырнул нож наземь, что тот подпрыгнул.

– Я ничего такого не делал! Просто вырезал свои инициалы, чтобы все знали, что я здесь был, вот и все! Чего так шуметь из-за дурацкого полосатого булыжника? Что бы с ним случилось, рухнул бы он из-за меня, что ли? Ну что, доволен, толстяк? – повернулся он ко мне. – Я не просил, чтобы меня брали в эту дурацкую поездку смотреть на дурацкий камень!

– Джард! Веди себя прилично! – рявкнула на него дама. – Вне зависимости от душевного здоровья этого человека он старше тебя, и ты должен разговаривать с ним вежливо. Кроме того, я уже предупреждала тебя об этом бесконечном царапанье на всем подряд. Это неуважительно. Если ты не в состоянии вести себя как полагается и если Рету и Брегу нечего больше делать, кроме как участвовать в твоих глупых выходках, думаю, нам пора отправляться обратно. Мальчишки и девочки, собирайте свои вещи и идите за мной. Поездка получилась совсем не такой, какой я ожидала. Видимо, вы предпочитаете сидеть в классе и учиться по книгам, вместо того чтобы смотреть на мир. Я вспомню об этом в следующий раз, когда соберусь ехать с вами куда-нибудь.

Ее ученики принялись стонать и испуганно возражать, но она была непреклонна. Проводник наградил меня свирепым взглядом. Я явно испортил ему день. Остальные принялись собирать альбомы и складывать мольберт. Время от времени они искоса, с беспокойством поглядывали на меня, видимо считая, что я безумен. Проводник, судя по всему, разделял их мнение. Мне было все равно. Мальчик наклонился подобрать нож, а затем сделал в мою сторону грубый жест, прежде чем присоединиться к своим товарищам у лестницы. Проводник, как и прежде, ушел вместе с ними, постоянно повторяя, чтобы они соблюдали осторожность и держались внутреннего края ступеней. Вскоре на площадке остались только я и женщина с равнин. Мне казалось, будто я застрял между сном и явью. Что случилось только что?

– Веретено вращается, – сказал я ей, желая, чтобы она со мной согласилась.

Но она досадливо скривила губы.

– Ты не в своем уме, – сообщила она мне. – Толстый и глупый безумец. Ты разогнал посетителей. Думаешь, к нам каждый день приезжают целые фургоны любопытных? Может, раз в месяц. А ты отравил им все удовольствие своими криками и угрозами. Как ты думаешь, что они расскажут своим друзьям? Больше никто не захочет сюда ехать. Из-за тебя нам будет нечего есть. Убирайся отсюда вместе со своим безумием!

– Но... неужели вы не чувствуете? Веретено вращается. Поднимите руки. Вы почувствуете ветер. Неужели не слышите? Не ощущаете запаха его магии?

Она с подозрением прищурилась, бросила короткий взгляд на Веретено и тут же повернулась ко мне.

– Я похожа на глупую дикарку? – с горечью спросила она. – Ты думаешь, раз я с равнин, значит глупа? Веретено не вращается. И никогда не вращалось. Издали оно обманывает глаза. Но оно всегда было неподвижно. Неподвижно и мертво.

– Нет, оно вращается. – Мне хотелось, чтобы кто-нибудь подтвердил то, что я пережил. – Оно вращается для меня, а когда я потянулся к нему, все произошло именно так, как вы предупреждали. Меня подхватило и...

Ее лицо вспыхнуло от гнева, и она подняла руку, словно собираясь ударить меня по лицу.

– Нет! Не вращается! Оно никогда не вращалось для меня и не может вращаться для тебя, герниец! Это легенда, и больше ничего! Те, кто говорит, что видят его вращение, – дураки, а те, кто утверждает, что оно подняло их, – лжецы! Лжецы! Уходи! Убирайся прочь! Как ты смеешь говорить, что оно вращается для тебя! Оно никогда не вращалось для меня, а я из народа равнин! Лжец! Лжец!

Я еще ни разу не видел женщину в такой истерике. Она сжала кулаки, и, пока она кричала на меня, с губ ее летела слюна.

– Я уйду, – сказал я ей. – Прямо сейчас.

Спуск вниз показался мне бесконечным. Икры сводило судорогой, дважды я чудом удержался на ногах и во второй раз ободрал в кровь ладони, ухватившись за стену. У меня кружилась голова, и я чувствовал себя отвратительно. А еще был в ярости. Я не сумасшедший, и меня возмущало их отношение. Я не знал, что тому виной, слепота других людей или чуждая магия, осквернившая и захватившая меня в плен. Что реально, а что иллюзия?

На мгновение сражение с моей другой сущностью стихло, но это не слишком утешало. Когда я в прошлый раз боролся с ним, я мог отделить его от себя, воспринимать его как «другого». Сейчас такого разделения не было. Он пронизывал самое мое существо, и мне пришлось признать, что в нем заключались сильнейшие стороны моей солдатской души. Сознательно ли выбрала их древесный страж, когда схватила клочок моих волос и вырвала часть моей сущности? Я украдкой взглянул на эту часть себя, словно на паука в коробке. Увиденное завораживало и вызывало отвращение. Там находились те кусочки меня, которых мне не хватало в мой первый год в Академии. Именно двойник побудил меня мелочно мстить сыновьям старых аристократов. Он был яростно горд, безрассуден и нагл. Кроме того, он был безжалостен и готов на все ради своего народа. Самое пугающее заключалось в том, что он был верен не Гернии, а спекам. Я воображал, что поглотил его, но теперь спрашивал себя, не обстоит ли дело в точности наоборот. Может быть, он сам зачем-то впитывает мои знания и воспоминания? Там, у Веретена, у него была какая-то цель, только я все еще не мог понять какая.

Неожиданно я решил, что пора отсюда уезжать.

Проводник, похоже, сумел успокоить посетителей по дороге вниз, и, возвращаясь назад через древний город, я увидел среди руин учительницу и ее подопечных. Дама с мольбертом снова увлеченно работала. Одна из женщин рисовала в альбоме другую, в живописной позе сидящую у обвалившейся стены. Я прошел мимо них, не обращая внимания на косые взгляды. Что-то меня терзало, словно я не довел до конца какое-то дело, но я знал, что это чувство принадлежит моему другому «я». Невар же хотел лишь убраться отсюда подальше.

Когда я подошел к основанию Веретена, я снова увидел проводника. Он прислонился в тени к стене своей жалкой развалюхи и наблюдал за мной. Он явно пытался решить, стоит ли что-нибудь мне сказать или позволить спокойно уйти. Его хитрый взгляд говорил о том, что он меня презирает и опасается, как сумасшедшего.

Я услышал голоса и, проходя мимо углубления, в котором стояло или же вращалось Веретено, заглянул за его край. Мальчишки были там. На сей раз товарищи держали Джарда за ноги, а тот лежал животом на склоне углубления и снова орудовал ножом. Крупные буквы извещали, что Джард был здесь, и он уже дописывал имя Рета. Все трое были так заняты, что не

заметили меня. Я взглянул на проводника, и наши глаза встретились. Он побледнел от страха, а я улыбнулся.

– Если бы мои выдающиеся предки вырезали Веретено, я бы защищал его от юных вандалов, – язвительно посоветовал я полукровке.

Он прищурился и открыл рот, чтобы мне ответить, но не успел.

– Опять этот сумасшедший толстяк! – закричал один из мальчишек. – Вылезай оттуда, Джард!

Одновременно он очень кстати выпустил ногу Джарда и бросился бежать, спасаясь от предполагаемого безумца. Джард, которого теперь удерживал только Брег, дико завопил, внезапно соскользнув дальше в глубь ямы, и принялся размахивать руками, безрезультатно пытаясь ухватиться за гладкую поверхность. Брег, удивленный бегством Рета, упал на колени на краю углубления.

– Я не смогу его удержать! – взвыл он, и я услышал, как рвется ткань штанов Джарда.

В два прыжка я добрался до края, рухнул на колени и схватил Джарда за ноги. Он завизжал и принялся лягаться, очевидно решив, что я собираюсь вырвать его из рук Брега и позволить упасть вниз головой в провал. Вместо этого я потащил его на край ямы. Он ткнул мою сторону ножом, все еще не понимая, что я его спасаю. Кровь вскипела в моих жилах от такой наглости, я схватил его за запястье и сильно ударил о камень. Он выронил нож, и я наконец смог вытащить его наружу, в безопасность. Там я отпустил его и попытался встать на ноги. Магия ликующе пела в моей крови. Что-то происходило, что-то огромное, неподвластное моим желаниям, но тем не менее дело моих рук. Лесной маг, живущий во мне, дико, победно хохотал, а затем вновь ускользнул в укрытые листвою тени моего подсознания. Я не сразу, но понял, в чем заключалась одержанная им победа.

Ко мне бежали остальные члены группы, Джард, всхлипывая, бросился к учительнице, а я смотрел, как нож летит вниз, в невидимые глубины громадной ямы. Он скользил все быстрее, едва касаясь гладко отполированного камня. Когда он скрылся в темноте, у меня замерло сердце.

Полукровка схватил меня за руку и принялся ее трясти, бормоча благодарности и извинения за то, что дурно обо мне думал. Болван. Я слышал, как Рет кричит быстро собирающейся толпе:

– Нет, все в порядке, он не пытался обидеть Джарда, он его спас! Джард чуть не свалился в яму. А этот человек его вытащил.

Джард всхлипывал, как маленький ребенок, цепляясь за учительницу. Судя по всему, только я слышал жуткий скрежет. Лезвие ножа вклинилось под острие Веретена. Я знал, что это острие существует – глубоко в колодце, проточенном магией за все минувшие годы. Ее могучее вращение встретилось с холодным железом ножа. Веретено остановилось. Я почувствовал, как магические нити переплелись и запутались, когда их коснулся крошечный кусочек железа. Я осел на землю и прижался лбом к краю каменной чаши. Словно вновь погибал чародей ветра, только на сей раз в случившемся был виноват я сам. Что я наделал? Что моими руками сотворила магия леса?

– Лучше оставьте его! – услышал я проводника. – Думаю, он хочет, чтобы его оставили одного.

И все звуки вокруг меня стихли. Словно грубый поцелуй песчаной бури, магия жителей равнин, столько веков находившаяся в плену, вырвалась на свободу и разлетелась в разные стороны. Я готов был поклясться, что на одно краткое мгновение мир вокруг меня замер и поблек. Могучая, первозданная сила обожгла все мои чувства и поглотила меня. Я попытался встать на ноги и поднять руки, чтобы защититься от нее.

Когда время возобновило свой бег, я словно снова отстал от всего остального мира. Проводник собрал посетителей и вел их к фургону. Кое-кто оглядывался на меня, они качали

головами и обменивались друг с другом торопливыми фразами. Мальчик с ножом уже сидел на скамье фургона. Рет что-то сказал Брегу, и они громко расхохотались. Встреча Джарда со смертью уже стала для них поводом позубоскалить. Они не имели ни малейшего представления о том, что произошло на их глазах.

Вспышка гнева угасла, не успев разгореться. Действительно ли солнце успело сдвинуться в небе? Я покачал головой и опустил сжатые в кулаки руки. Они отчаянно болели. Ногти оставили глубокие красные отпечатки на моих ладонях. Я не знал, как долго простоял на одном месте, не имел понятия, чем занимался спек, затаившийся внутри меня. Танцующее Веретено перестало танцевать. Магия жителей равнин была разрушена. Я нашел Гордеца; все, на что я был способен, – это вскарабкаться ему на спину. Крепко держась за луку седла, я послал его рысью и двинулся прочь. Возница фургона что-то сердито мне крикнул, когда я промчался мимо него по крутому склону. Я не обратил на него ни малейшего внимания.

К тому времени, как я снова выехал на дорогу, я почти пришел в себя. Чем дальше я оказывался от Веретена, тем яснее становились мои мысли. Лесной маг, живущий во мне, прекратил посмеиваться и затих.

Наступил вечер, но я продолжал ехать, пытаюсь наверстать время, потерянное на дурацкую выходку. Я жалел, что съехал с дороги, и пытался забыть то, что мне удалось понять, но это знание меня не покидало. Я поерзал в седле и вдруг почувствовал, как оно сдвинулось подо мной. Я мягко остановил Гордеца и спешил так осторожно, словно вдруг оказался не прочнее яичной скорлупы. С невыразимой грустью я подтянул подпругу.

Мне пришлось сделать это впервые в жизни.

В город я въехал глубокой ночью и не без труда нашел постоянный двор, куда меня согласились впустить. Прежде чем уснуть, я по заведенной привычке занес в дневник все, что произошло со мной днем. Затем хмуро посмотрел на записанные слова. Действительно ли я хочу, чтобы эта дикая история осталась в первом томе моего дневника сына-солдата? Меня утешало лишь сознание того, что записывать все свои наблюдения за прошедший день – это мой долг.

Больше я не отклонялся от намеченного отцом маршрута, сосредоточив все свои мысли на тщательно спланированном будущем, на свадьбе брата, встрече с Карсиной, обучении в Академии, службе и собственном браке. Мой отец спланировал всю мою жизнь так же четко, как дорогу домой. У меня не было времени на иллюзии и на размышления, где заканчивается моя реальность и начинается чужая. Я запрещал себе думать о магии равнин и заклинании «Держись крепко», которое, похоже, больше не действовало. Все знали, что магия жителей равнин угасает. И мне не следовало винить в ее смерти себя. С уничтожением Веретена другой «я», казалось, притих, и я осмеливался надеяться, что больше его не почувствую. Я буду верить в это, пока мне не придется убедиться в обратном.

Хотя про Средние земли часто говорят, что они плоские, в них есть свои чуть заметные подъемы и спуски. Поэтому я не видел деревьев и стен родного дома, пока дорога не поднялась, слегка вильнув, на невысокий холм. Особняк отца выстроен на небольшой возвышенности. Я смотрел на него и думал, что он сделался меньше и как-то проще с тех пор, как я его покинул. Теперь, когда я знал, как выглядят особняки и поместья на западе, я понимал, что дом моего отца является бледным подобием их великолепия. А еще я заметил, как явно он подражает дому моего дяди. Впрочем, за время моего отсутствия здесь кое-что изменилось. Дорожку, ведущую к дому, засыпали гравием, а вдоль нее высадили молодые дубы, пока что не выше ручки лопаты. Пройдет время, и они вырастут высокими и величественными, отбрасывающими густую тень на подъездную дорогу. Но сейчас они показались мне тощими и несчастными, страдающими от степной пыли и ветров. Основание каждого из них окружала влажная почва. Мне вдруг стало интересно, сколько лет их придется ежедневно поливать, чтобы они достаточно крепко укоренились здесь. Это подражание дому наших предков неожиданно показалось мне одновременно сентиментальным и несколько глупым.

И все же это был дом. Я вернулся. На мгновение меня посетила безумная мысль проехать мимо, дальше и дальше на восток, до самых гор. Я представил себе высокие деревья с манящей тенью и поющих в кустах птиц. Но Гордец уже сам свернул с тракта и перешел на галоп. Мы вернулись домой! Мы подняли клубы пыли, от самого Королевского тракта до дверей особняка. Там я, слегка рисуясь, осадил Гордеца, нас тут же окружили псы, которые лаяли и виляли хвостами, а через мгновение появился конюх – посмотреть, из-за чего они так расшумелись. Я его не знал и потому не оскорбился, когда он спросил:

– Вы заблудились, господин?

– Нет, я Невар Бурвиль, сын хозяина дома, вернулся из Академии каваллы. Пожалуйста, возьми Гордеца и проследи, чтобы о нем как следует позаботились. Мы с ним проделали долгий путь.

Конюх вытаращил на меня глаза, но я не стал обращать внимания и лишь протянул ему поводья.

– Да, и, будь любезен, отошли мои вещи из седельных сумок ко мне в комнату, – добавил я, поднимаясь по лестнице. – Мама! – крикнул я, переступив порог. – Отец! Это Невар, я вернулся. Росс, Элиси, Ярил? Есть кто-нибудь дома?

Мама первой выбежала из комнаты для шитья. Она изумленно посмотрела на меня, так что глаза ее округлились, затем с вышивкой в руках промчалась по коридору и обняла меня:

– О Невар, как же я рада тебя видеть! Но какой ты грязный! Я немедленно распоряжусь приготовить тебе ванну. О сынок, я так счастлива, что ты снова дома и в безопасности!

– А уж как я рад снова вернуться сюда, мама!

И тут появились все остальные. Отец и Росс показались мне удивленными, когда я повернулся и, улыбаясь, направился к ним. Росс пожал мне руку, но отец лишь отстранился.

– Что ты с собой сделал? – сурово спросил он. – Ты выглядишь словно бродячий корабейник! Почему ты не в форме?

– Боюсь, ее нужно немного привести в порядок. Надеюсь, мама успеет починить ее к свадьбе Росса. Элиси, Ярил? Я что, стал для вас чужим? Вы не собираетесь даже сказать «привет»?

– Привет, Невар. Добро пожаловать домой, – ровным тоном произнесла Элиси и уставилась мимо меня, как будто я допустил какую-то грубость и она теперь не знала, как к этому отнестись.

– Какой ты жирный! – заявила Ярил, бестактная, как обычно. – Что ты там такое ел? Твое лицо круглое, как полная луна! И ты такой грязный! Я думала, что ты приедешь в форме, такой блестящий. Я тебя даже не сразу узнала.

Я слабо рассмеялся, ожидая, что отец сделает ей выговор.

– Устами младенца... – вместо этого пробормотал он и, уже громче, добавил: – Уверен, ты проделал долгий путь, Невар. Ты приехал на несколько часов раньше, чем я ожидал, но, полагаю, твоя комната готова, и в ней – вода для умывания. После того как помоешься и переоденешься, будь добр, зайди ко мне в кабинет.

– Я так рад тебя видеть, отец, – предпринял я последнюю попытку. – Как же хорошо вернуться домой!

– Не сомневаюсь в этом, Невар. Ну, увидимся через несколько минут.

В его голосе слышались напряжение и приказные нотки, он явно хотел, чтобы я повиновался немедленно. Что я и сделал. Моя привычка не оспаривать его авторитет и распоряжения все еще оставалась сильна, но, смывая пыль с рук и лица, я впервые в жизни почувствовал, что обижен на него. Не только из-за того, как он мной командовал, но и из-за его явного недовольства мной. Я вернулся домой. Разве он не мог сдержать свое раздражение – чем бы оно ни было вызвано, – чтобы пожать мне руку и сказать, что он рад меня видеть? Неужели я сразу же должен снова полностью покориться его власти? Я вспомнил о жестко распланированном

маршруте своей поездки домой и вдруг увидел в нем не желание мне помочь, а давление на меня. Так позволит ли он мне найти собственную дорогу в жизни?

Гнев уступил место раздражению, когда я не смог найти одежду, которая подошла бы мне. Уезжая в Академию, я практически опустошил свою комнату. Моя мама, всегда уделявшая внимание подобным вещам, повесила в мой платяной шкаф две старые рубашки Росса и пару его брюк, чтобы я походил в них, пока не приведут в порядок мою дорожную одежду. Но выглядел я во всем этом просто смешно. Брюки оказались слишком короткими и тесными, мой живот нависал над ремнем, а обе рубашки едва застегивались. Я снял их, в ярости швырнул на пол и снова надел то, в чем приехал. Однако, взглянув на себя в зеркало, я понял, что моя дорожная одежда сидит на мне столь же нелепо; к тому же она ужасно грязная. Швы на брюках выглядели так, словно собирались вот-вот треснуть, рубашка порвалась на обоих плечах и с трудом сходилась на животе.

Тогда я решил: даже если я и выгляжу смешно, это не причина ходить грязным. Я снова поднял одежду Росса, натянул ее, почистил, как мог, сапоги и спустился вниз. В доме царила тишина. Мать и сестры словно куда-то испарились. Я даже не слышал их голосов в другой комнате. Я постучал в закрытую дверь отцовского кабинета и вошел. Он стоял спиной ко мне и смотрел в окно. В кабинете был и мой брат Росс. Он взглянул на меня и тут же отвернулся, явно смущенный. Отец молчал.

Наконец я сам нарушил тишину.

– Отец, ты меня звал?

Он не повернулся и ответил не сразу. Когда же заговорил, казалось, он обращался к деревьям за окном.

– До свадьбы твоего брата осталось четыре дня, – сурово проговорил он. – Как ты собираешься исправить результат, которого добился за шесть месяцев праздности и обжорства? Ты думал о ком-нибудь, кроме себя самого, когда позволял своему животу вырасти размером с таз для стирки белья? Ты хочешь унижить всю свою семью, появившись на торжественном и праздничном событии в таком виде? Мне стыдно подумать о том, что тебя видели таким в Академии, мой брат и все, кто знал твое имя, по дороге домой. Невар, о чем ты думал, когда позволил себе так опуститься? Я отправил тебя в Академию здоровым, крепким юношей, физически годным, чтобы стать военным. И посмотрите, что вернулось ко мне меньше чем через год!

Его слова ударили в меня, точно камни. Он так и не дал мне возможности ответить. Когда он наконец повернулся ко мне, я понял, что его спокойная поза была обманчивой. Его лицо покраснело, на висках выступили вены. Я осмелился взглянуть на брата. Он побелел как полотно и замер неподвижно, словно маленький зверек, который надеется, что таким образом сможет избежать внимания хищника.

Я стоял перед разгневанным отцом, не представляя, как защититься. Я чувствовал себя виноватым, стыдился своего тела, но искренне не мог вспомнить, чтобы переел с тех пор, как выехал в дорогу, да и обвинить себя в лени не мог тоже.

– У меня нет этому объяснений, сэр, – искренне ответил я. – Я не знаю, почему набрал такой большой вес.

Ярость в его глазах стала еще пронзительнее.

– Не знаешь? Что ж, возможно, трехдневное голодание объяснит тебе простую истину. Если есть слишком много, становишься жирным, Невар. Если валяться и бездельничать, становишься жирным. Если же ты не переедаешь и упражняешь свое тело, тогда ты остаешься в форме – как настоящий солдат.

Он сделал глубокий вдох, очевидно, чтобы взять себя в руки. Когда он заговорил снова, его голос звучал спокойнее:

– Невар, ты меня разочаровал. И дело не только в том, что ты запустил себя; хуже, что ты пытаешься отрицать свою вину. Я вынужден напомнить тебе о твоей юности. Возможно, это

моя вина; может быть, мне следовало отложить твое поступление в Академию до тех пор, пока ты не станешь более зрелым и способным сдерживать себя. Ладно. – Он вздохнул, на мгновение стиснул зубы и продолжил: – Теперь уже ничего не изменить. Но то, что ты сотворил с собой, я исправить в состоянии. Мы не успеем решить эту задачу за четыре дня, но начать мы можем. Смотри на меня, сын, когда я с тобой разговариваю.

Я избегал его взгляда. Сейчас же я поднял глаза и постарался спрятать свой гнев. Если отец его и заметил, он не обратил на него внимания.

– Это будет неприятно, Невар. Займись этим добровольно и докажи мне, что ты по-прежнему тот сын, которого я воспитал и отправил в Академию, возлагая столь огромные надежды. Я прошу тебя лишь о двух вещах: ограничь себя в еде и заставь работать свое тело. – Он помолчал, словно сравнивая различные возможности, затем кивнул своим мыслям. – Сержант Дюрил сейчас командует отрядом, который расчищает от камней новое пастбище. Присоединись к ним прямо сейчас, причем не для того, чтобы руководить работами. Сгоняй свой жир. До конца сегодняшнего дня только пей воду. Завтра поешь, но так мало, как только сможешь. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы хоть немного привести тебя в порядок перед свадьбой твоего брата.

Он повернулся к Россу и сказал:

– Пойди вместе с ним в конюшню и выбери ему мула. Я не хочу, чтобы хорошая лошадь сломала хребет, таща его по кочкам и ухабам. Затем отвезешь его на новое люцерновое поле.

– Думаю, я сам могу подобрать себе мула, – решил вставить я.

– Просто делай, что тебе сказано, Невар. Верь мне. Я знаю, как будет для тебя лучше. – Он тяжело вздохнул, и впервые с тех пор, как я появился дома, в его голосе прозвучал намек на доброту. – Отдайся в мои руки, сын. Я знаю, что делаю.

Вот так меня приветствовали дома.

Глава 4

Пост

Мы с Россом молча ехали к полю. Несколько раз я косился в сторону брата, но он смотрел вперед, а его лицо ничего не выражало. Я предположил, что разочаровал его, как и отца. Мы торопливо попрощались, и он уехал, забрав с собой моего мула, а я присоединился к отряду рабочих. Я не узнал никого из четверых мужчин, а представляться друг другу мы не стали. Я просто принялся за работу вместе с ними.

Будущее пастбище располагалось на солнечном склоне холма у ручья. Сейчас на нем росли лишь жесткая степная трава и густые кусты. И повсюду было множество камней, одни просто валялись на поверхности, другие выглядывали из земли. Самые крупные нужно было убрать, прежде чем вспахать скудную почву. Я видел, как наши люди делали подобную работу, но самому мне еще не приходилось этим заниматься. Задача была вполне мне по силам, но жизнь в Академии позволила мне отвыкнуть от такого. За первый же час, что я провел, выкорчевывая камни из земли, а затем оттаскивая их в телегу, мои ладони покрылись мозолями, которые вскоре прорвались. Работа оказалась нудной и тяжелой.

Чтобы поддевать из жесткой земли самые большие глыбы, мы использовали железные прутья. Затем камень нужно было поднять, иногда вдвоем, и погрузить в телегу. Когда та заполнялась, мы оттаскивали ее к краю поля, где и разгружали, складывая глыбы ровными рядами, так что получалось что-то вроде грубой стены, обозначающей границу. Другие работники смеялись и разговаривали друг с другом. Никакой грубости, они просто не обращали на меня внимания. Очевидно, они решили, что я долго не продержусь и нет никакого смысла со мной знакомиться.

За работами надзирал сержант Дюрил. В первый раз, когда он подъехал проверить, как у нас идут дела, думаю, он меня не узнал, чему я только обрадовался. Во второй раз он заглянул спросить, сколько телег мы успели заполнить с тех пор, как он в последний раз говорил с нами. Он взглянул на меня и вдруг вздрогнул.

– Ты! Подойди-ка, – грубовато приказал он мне.

Он не спешил, но отъехал чуть в сторону, и я последовал за ним. Когда нас никто уже не мог услышать, он натянул поводья и посмотрел на меня.

– Невар? – спросил он, словно не мог поверить своим глазам.

– Да, это я. – Мой голос звучал ровно.

– Что, во имя доброго бога, ты с собой сотворил?

– Стал толстым, – резко ответил я.

Я уже устал объяснять всем, что со мной произошло. Точнее, устал оттого, что не мог этого объяснить. Похоже, никто не хотел верить, что это просто случилось, а не я сам навлек это на себя праздностью и обжорством. Я и сам пытался понять, в чем же все-таки дело. Почему так вышло?

– Это я вижу. Но ведь не так, как обычно набирают вес молодые парни! Небольшой животик от лишнего пива, это я у солдат видал. Но ты толстый весь! Лицо, руки, даже икры!

Я об этом как-то не задумывался. Мне захотелось осмотреть свое тело, чтобы убедиться, что он прав, но мне вдруг стало слишком стыдно. Я отвернулся и посмотрел на плоскую равнину, которая скоро превратится в пастбище. Я пытался придумать, что же ему сказать.

– Отец послал меня работать здесь, – только и смог выдавить я. – Он говорит, что тяжелый труд и скудная пища хоть немного приведут меня в порядок перед свадьбой Росса.

Мне показалось, что его молчание слишком затянулось.

– Ну, за несколько дней многого не добьешься, но здесь важно намерение. Ты упрям, Невар. Я и представить себе не мог, что ты так запустишь себя, но я знаю, что, если ты решишь вернуться к прежней форме, ты справишься.

Я не смог придумать ничего подходящего в ответ, и после короткой паузы он продолжил:

– Ладно, мне нужно закончить объезд рабочих. Твой отец говорит, что через год здесь все будет в люцерне и клевере. Посмотрим.

Затем он легонько хлопнул свою лошадь по крупу и уехал, а я вернулся на поле. Остальные прервали работу, наблюдая за нами. Я снова принялся корчевать из земли камни и грузить их в телегу. Никто не задал мне ни единого вопроса, а я не стал ничего объяснять.

Мы трудились до вечера, пока снова не приехал сержант Дюрил, подавший знак заканчивать. Нам оставалось только выгрузить большой камень и уложить его в стену. Затем мы все вместе вернулись на той же телеге в дом моего отца. Остальные отправились на половину для прислуги, а я вошел в дом через заднюю дверь и поднялся в свою комнату.

Оказавшись там, я благословил свою мать за заботу. Она приготовила мне воду и полотенца, а также мою старую одежду и пару поношенных сандалий. Я заметил, что она постаралась распустить швы на штанах и рубашке, насколько это вообще было возможно. Я вымылся. А когда оделся, обнаружил, что моя старая одежда сидит на мне слишком тесно, но все же куда лучше, чем обноски Росса.

Я вернулся поздно, когда моя семья уже ужинала, но я не спешил к ним присоединиться. Вместо этого я прокрался в комнату моей сестренки Ярил.

Отец любил повторять, что тщеславие слишком дорогостоящий порок, чтобы солдат мог его себе позволить. В моей комнате имелось зеркало, подходящее для бритья, и все. Но мои сестры, как предполагалось, постоянно следили за своей внешностью, и у каждой в спальне было зеркало в полный рост. Увиденное меня потрясло.

Дюрил был прав. Вес, который я набрал, растекался по моему телу, точно глазурь по кексу. Неудивительно, что все так странно меня воспринимают. Ничто во мне не осталось прежним. Оглядев себя, я убедился, что не только не согнал вес по дороге домой, но и стал еще толще. Совсем другое лицо смотрело на меня из зеркала для бритья в Академии. Щеки распухли и свисали складками, подбородок сделался двойным. Глаза казались меньше и ближе посаженными, шея – короче.

Остальное тело производило еще худшее впечатление. Плечи и спина округлились от жира, не говоря уже о груди и животе, нависающем над ремнем брюк. Даже икры и лодыжки выглядели раздутыми. Я поднял пухлую ладонь, чтобы прикрыть рот, и ощутил на глазах предательские слезы. Что я с собой сделал и как? Мне никак не удавалось осознать произошедшие изменения. Покинув Старый Тарес, я каждый день ехал верхом и ел не больше обычного. Как такое могло случиться?

До того как посмотреть на себя в зеркало, я намеревался спуститься вниз и присоединиться к семье за обеденным столом, хотя бы просто для беседы. Теперь я передумал. Я возненавидел то, чем стал, и всем сердцем согласился с планом отца. Я отправился на кухню за кружкой воды, посудомойка и повар удивленно глянули на меня и быстро отвернулись. Они не заговорили со мной, и я не стал обращать на них внимание. Вид бадьи со свежим молоком превозмог мою решимость, и я налил себе кружку. Я жадно осушил ее, и мне отчаянно захотелось еще, но я заставил себя ограничиться водой. Я пил одну кружку за другой, пытаюсь заполнить пустоту в желудке. Казалось, жидкость льется в бездну. В конце концов я понял, что больше пить не могу, но голод так и не утих. Я поднялся обратно в свою комнату.

Там я сел на край кровати. Делать было почти что нечего. Перед тем как уехать в Академию, я убрал все из своей комнаты. В седельных сумках лежали учебники и дневник, но мало что еще. Я упрямо сел за стол и написал подробный отчет о прошедшем дне. А после сидел, не находя спасения от голода и гнетущих размышлений о себе.

Я не мог вспомнить никаких изменений в своих привычках, которые могли бы привести к подобному итогу. Я ел не больше, чем получали остальные кадеты в Академии, и выполнял все положенные физические упражнения. Как же я раздулся до такого жабообразного вида? Запоздало я осознал, что Горд тоже ел не больше, чем нам давали в столовой, однако оставался толстым. Неужели и со мной будет так же? Испугавшись, я решил, что нет. У меня было три дня до свадьбы Росса, три дня до приезда Карсины и ее родных. Три дня, чтобы что-нибудь с собой сделать и не опозориться перед нашими друзьями. Я твердо решил, что в эти дни не съем ни крошки, хотя я и ужасно страдал от голода. Я резко встал, намереваясь прогуляться, чтобы отвлечься от неприятных мыслей, и сразу же почувствовал резкую боль в спине и ногах. Я сжал зубы и вышел из комнаты.

Мне не хотелось ни с кем встречаться, и я несколько мгновений молча стоял в коридоре, убеждаясь, что Росс и отец находятся в кабинете. Отец что-то говорил, слов я не различал, но по тону слышал, что он недоволен. Очевидно, Росс выслушивал лекцию о том, как именно я опозорил семью. Я быстро прошел мимо двери музыкальной комнаты, из которой доносились звуки лютни, и вспомнил, что мама и сестры часто собираются там после обеда, чтобы почитать стихи или что-нибудь сыграть. Тихо открыв переднюю дверь, я вышел в ночь, царившую над Широкой Долиной.

Отец создал вокруг нашего дома зеленый оазис. Это был островок иллюзии, попытка сделать вид, что мы живем не вдали от цивилизации в бесконечной и голой степи. Более ста бережно взлелеянных деревьев защищали дом от ветра, разгуливающего по равнине. Отец даже провел воду из реки, чтобы соорудить, к радости моих сестер, маленький прудик и фонтан в их садике. Тихое журчание манило меня туда.

Я вошел в него через арку по усыпанной гравием дорожке. Решетка, которую я помогал устанавливать несколько лет назад, полностью заросла вьюнком, с веток золотой ивы свисали маленькие фонарики, проливая на поверхность пруда серебристый свет. Я сел на облицованный камнем край и вгляделся в воду, пытаюсь понять, живы ли еще в нем декоративные рыбки.

– Собираешься съесть парочку?

Я ошеломленно повернулся. Мне никогда прежде не приходилось слышать, чтобы моя сестра Ярил разговаривала так язвительно и жестоко. В детстве мы с ней были очень близки. Когда я учился в Академии, Ярил не только радовала меня своими письмами, но еще и пересылала мне записки от Карсины так, чтобы об этом не узнали наши родители. Она сидела на кованной скамье под великолепным кустом жимолости. Я не заметил ее, подходя к пруду, потому что на ней было серое платье, сливающееся с тенями. Сейчас же она наклонилась к свету, и гнев ожесточил ее милое лицо.

– Как ты мог так с нами поступить? Я буду чувствовать себя униженной на свадьбе Росса. И бедная Карсина! Разве это она предвкушала? В последние две недели она была так счастлива и взволнована. Она даже выбрала ткань на платье, чтобы оно сочеталось с твоей формой. А ты явился в таком виде!

– Это не моя вина! – возразил я.

– Правда? И кто же засовывал тебе в глотку еду, хотелось бы мне знать?

– Это... мне кажется, это как-то связано с чумой спеков.

Слова слетели с моего языка сразу же, стоило этой мысли прийти мне в голову. Сперва она показалась мне довольно глупой. Все знали, что чума спеков истощает человека. Но когда я произнес это вслух, странные кусочки воспоминаний вдруг сложились во все объясняющую картину. Давнишний разговор между отцом и Россом, подслушанный мной, и слова толстяка из балагана уродов в Старом Таресе. Он утверждал, что некогда был солдатом каваллы, пока его жизнь не разрушила чума. Даже интерес доктора Амикаса к моему весу приобрел новое, мрачное значение.

Но все это казалось ничтожным по сравнению со словами, которые я слышал во сне. Древесный страж побуждала меня-спека поглощать магическую сущность умирающих людей. Неожиданно я вспомнил, каким видел себя в том сне – с громадным животом и толстыми ногами. И сама она была огромной – мне не хватало длины рук, чтобы обхватить ее пышное тело.

Вспомнив, я почувствовал отвратительную вспышку возбуждения и постарался отрезвиться от него, но прежде в памяти всплыл ее шепот: «Ешь и толстей от их магии». Я замер на месте, все мои чувства обострились, но я слышал лишь мягкое журчание воды и шорох листьев, трепещущих под порывами ночного ветра.

– Не считай меня душой, Невар, – презрительно фыркнула моя сестра. – Может, я и живу здесь и меня воспитывает глупая старуха из Старого Тареса, а тебя отослали в большой город проходить подготовку в замечательной школе, но с головой у меня пока все в порядке. Я видела людей, болевших чумой спеков! И все они тощие как жерди. Вот что чума делает с людьми. А не превращает их в боровов, которых откармливают на сало.

– Что я знаю – то знаю, – холодно проговорил я.

Я произнес эти слова тоном старшего брата, к которому прибегал, чтобы положить конец нашим детским спорам. Но Ярил больше не была маленькой золотоволосой девочкой, какой я ее оставил почти год назад. Ее больше не пугает простой намек на большие познания.

– А я знаю то, что знаю я! – фыркнув, ответила она. – То, что ты жирный, как боров, и опозоришь всю семью на свадьбе Росса. Что подумают обо мне родные Ремвара, если у меня такой брат? А если они решат, что я тоже раздуюсь, как пузырь? Я надеялась, что на этой свадьбе смогу произвести на его родителей хорошее впечатление, чтобы он мог просить моей руки. Но они меня даже не увидят, ты заслонишь меня своей тушей.

– Я этого не хотел, Ярил. Остановись на мгновение и подумай о моих чувствах. – Обида, которую я испытал, встретив у отца столь холодный прием, расцвела яростью из-за ребяческого беспокойства Ярил о том, как будет выглядеть она. – Ты эгоистична, как ребенок. В каждом письме ко мне ты клянчила подарки, и я, дурак, их тебе посылал. А теперь, когда я вернулся домой, чудом выжив в чумном городе, ты презираешь меня за мой внешний вид. Отличный прием я у вас встретил! Только у мамы я нашел каплю сочувствия к моему положению!

– Неудивительно! – резко бросила Ярил. – Ты всегда был ее любимчиком! А теперь, когда ты больше не годишься в солдаты, она сможет вечно держать тебя при себе. Карсина откажется от тебя, жирного борова, и тогда она и ее родные отберут у меня Ремвара. Ведь именно его ее отец сперва для нее выбрал. Ты все испортил, Невар, ты эгоистичная свинья.

Прежде чем я смог ей ответить, она прибегла к козырной карте всех женщин – разрыдалась и, закрыв лицо руками, умчалась в темноту.

– Ярил! – окликнул я ее. – Вернись, Ярил!

Но она не послушалась, и я остался в одиночестве у дурацкого пруда с рыбками, который когда-то помогал строить. Тогда идея отца казалась мне чудесной. Теперь же я видел, насколько это глупо. Пруд с рыбками и фонтан выглядели чуждо на этой земле. Создавать нечто, что нельзя сохранить без ежедневных тяжких усилий, – тщеславие, пустая трата сил и оскорбление, нанесенное красоте окружавшей нас природы. То, что прежде я считал уютным убежищем посреди суровой равнины, теперь представилось мне бессмысленным капризом.

Я опустил на скамью, на которой сидела Ярил, и задумался над ее словами. Она была в ярости и воспользовалась своим сильнейшим оружием, чтобы ранить меня. Но что из этого правда? Попросит ли Карсина своего отца разорвать договоренность с моим? Я знал, что это должно меня беспокоить, но на меня накатил такая волна голода, что я почувствовал лишь тошноту и опустошенность. Я наклонился вперед и обнял свой живот, словно он был моим союзником, а не врагом.

Именно в такой жалкой позе я услышал на дорожке легкие шаги. Я выпрямился и приготовился к новому сражению, но вместо вернувшейся Ярил увидел свою мать, освещающую себе путь фонарем.

– Вот ты где, – мягко сказала она, увидев меня. – Почему ты не пришел на обед?

– Я решил, что мне лучше держаться от него подальше. – Я постарался, чтобы мой голос прозвучал весело. – Как видишь, возможно, я в последнее время слишком много обедал.

– Не стану отрицать, что твой вид меня удивил. Но я скучала по тебе. А нам с тобой даже не удалось поговорить. И... – Она замешкалась, а потом осторожно продолжила: – И мне нужно, чтобы ты вернулся в дом и зашел со мной в комнату для шитья.

Я встал, благодарный за то, что у меня появился союзник.

– Ты распустишь швы на форме, чтобы она лучше на мне сидела?

Она улыбнулась, но покачала головой:

– Невар, это просто невозможно. Там недостаточно ткани, и, даже если бы я смогла что-нибудь сделать, это бы ужасно смотрелось. Нет, сынок. Но у меня есть в запасе отличная синяя материя, и, если портнихи примутся за работу сегодня же, мы успеем сшить что-нибудь приличное к свадьбе Росса.

Сердце сжалось у меня в груди при мысли, что я безнадежно растолстел, чтобы надеть свою форму, но я лишь расправил плечи, принимая тяжкую правду. «Приличное». Мама мне поможет, и я не буду выглядеть посмешищем на свадьбе брата.

– Портнихи? – спросил я, по-прежнему стараясь, чтобы голос звучал весело. – Когда это мы так разбогатели, что стали нанимать портних?

– С тех пор, как твой брат решил жениться. Впрочем, это связано не столько с богатством, сколько с простой необходимостью. Два месяца назад я выписала двух портних с запада. И правильно сделала – нужны новые занавески и шторы, и постельное белье для комнат твоего брата, и праздничная одежда для всей семьи, и бальные платья для твоих сестер. Мы сами ни за что не справились бы со всем так быстро и чтобы хватило времени на прочие приготовления.

Она шла впереди, подняв маленький фонарик так, чтобы он освещал нам путь. Я смотрел на изящную фигуру матери, легко ступающей по тропинке, и вдруг почувствовал себя чудовищным и бесформенным, похожим на огромного зверя, ковыляющего вслед за ней. В доме царил тишина, пока мы шли по коридору в комнату для шитья. Я представил, что отец с Россом сидят в его кабинете за тихой беседой, а Элиси отправилась спать. Я хотел было упомянуть, что говорил с Ярил и что она убежала в слезах, но старая привычка защищать маленькую сестричку возобладала. Хоть и обиженный на нее, я все же не хотел, чтобы у нее были неприятности. Я промолчал.

Я вытерпел все то неприятное время, пока мать измеряла меня и записывала результаты. Она хмурилась, и я понимал, что она изо всех сил старается скрыть свое потрясение. Когда она обмеривала талию, в животе у меня громко заурчало, и она едва ли не отпрыгнула от меня. Потом нервно рассмеялась и вернулась к прерванному занятию.

– Надеюсь, синего материала хватит, – закончив, с беспокойством проговорила она.

Мои внутренности скрутило болью от нового приступа голода. Когда все прошло, я сказал:

– Карсина рассчитывала, что я буду на свадьбе в форме.

– Откуда бы тебе знать? – с лукавой улыбкой спросила мать, а потом тихонько добавила: – И не надейся, Невар. Честно сказать, я думаю, нам придется заказать для тебя новую форму, когда придет пора возвращаться. Не знаю, как тебе удавалось носить ту, которую ты привез домой.

– Она мне годилась, когда я уезжал из Академии. Да, немного узковатая, но я мог ее надеть. Мама, я правда не понимаю, что со мной происходит. Я не задерживался в пути и ел не больше, чем обычно, но с тех пор, как я уехал из Академии, я еще сильнее поправился.

– Все дело в еде, содержащей крахмал, которой вас кормят в Академии. Я слышала, что кое-где пытаются экономить деньги и дают учащимся дешевую еду. Например, картошку, и хлеб, и...

– Дело не в еде, мама! – едва ли не резко перебил ее я. – Я начал набирать вес, поправившись после чумы. Я думаю, это каким-то образом связано.

Она молчала, и мне стало стыдно, что я нагрубил ей, пусть и ненамеренно.

– Невар, все молодые люди, перенесшие чуму, превратились в мешки с костями, – принялась она мягко отчитывать меня за ложь. – Не думаю, что мы имеем право обвинять в этом твою болезнь. Но полагаю, долгое выздоровление, много часов, проведенных в постели, когда только и остается, что есть и читать, могут изменить человека. Я сказала то же самое твоему отцу и попросила его не быть с тобой слишком суровым. Не обещаю, что он учтет мое мнение, но я его попросила.

Мне хотелось закричать, что она меня не слушает, но я с трудом взял себя в руки.

– Спасибо за то, что выступила в мою защиту, – только и сказал я.

– Как и всегда, ты же знаешь, – тихо проговорила она. – Когда завтра закончишь работать, вымойся как следует, а потом приходи на примерку. Дамы будут здесь, чтобы мне помочь.

Я глубоко вздохнул. Гнев отступил, поглощенный мрачным потоком уныния.

– Я позабочусь о том, чтобы быть чистым и сдержанным, – пообещал я. – Доброй ночи, мама.

Она потянулась поцеловать меня в щеку:

– Не отчаивайся, сын. Ты столкнулся со своей ошибкой, принял ее и теперь сможешь исправить. Отныне все будет только лучше.

– Да, мама! – послушно ответил я и вышел.

Желудок так отчаянно сводило от голодных болей, что меня почти тошнило. Я не стал подниматься к себе в комнату, а вместо этого отправился на кухню. Слил воду в раковине, пока не пошла холодная, и выпил столько, сколько в меня поместилось. Но почувствовал себя лишь еще более жалким.

Я вернулся к себе в комнату и до рассвета пытался спать. Когда приехала телега, я стоял вместе с остальными работниками. Я страдал от мозолей и голода, у меня болели мышцы, меня подташнивало, а в самой глубине таились ярость и недоумение, почему жизнь так несправедлива ко мне.

Ко второй половине дня я начал спотыкаться. Когда все достали свертки с хлебом и мясом, чтобы перекусить, мне пришлось отойти подальше. Обоняние у меня обострилось, а желудок жалобно урчал, постоянно напоминая о себе. Мне отчаянно хотелось отобрать у них еду и сожрать ее всю. Даже когда они закончили есть и я вернулся за порцией воды, мне было трудно вести себя вежливо. Я чувствовал запах еды в их дыхании, когда мы, пытаясь, поднимали тяжелые камни, и мучительно страдал.

Когда наконец настала пора заканчивать работу, мои ноги тряслись, как студень, и в последней разгрузке я почти не участвовал. Я увидел, как переглядываются остальные работники, и мне стало стыдно. С трудом передвигая ноги, я добрался до телеги и залез в нее.

Когда мы приехали, все работники отправились в город, а я заковылял по дорожке к черному ходу. Мне пришлось пройти мимо кухни, воздух был напоен восхитительными ароматами еды. Повар начал печь к свадьбе пироги и хлеб. Я поторопился пройти мимо, спасаясь от этой пытки. Отец не приказывал мне голодать, и я знал, что могу поесть немного, но эта мысль казалась мне проявлением слабости и отступлением от моего решения измениться. Голод меня не убьет, и я гораздо быстрее вернусь в прежнюю форму.

Лестница, ведущая в мою комнату, показалась мне бесконечной и очень крутой. Добравшись до верха, я понял, что хочу только свернуться клубком вокруг своего многострадального живота. Я залез в низкую ванну, приготовленную для меня, и стоя вымылся. От меня отвари-

тельно воняло. Теперь, став тяжелее, я куда больше потел, и пот скапливался в складках кожи. А если я не мылся слишком долго, на теле оставались пятна, похожие на ожоги, к которым было больно прикасаться.

Старая одежда Росса, выстиранная и приготовленная для меня, ждала меня на кровати. Она показалась мне слишком тесной и неудобной, особенно на влажной коже. Короткие волосы начали отрастать. Я тщательно их вытер, а затем, чтобы не смущать мать, побрился, прежде чем спуститься в комнату для шитья.

Она уже ждала меня вместе с двумя портнихами. В прошлый раз, когда с меня снимали мерки, этим занимался портной, а я был строен и подтянут. Было нечто крайне унижительное в том, чтобы раздеваться до нижнего белья перед тремя женщинами, которые принялись прикладывать ко мне куски ткани и закалывать их булавками. Одна из портних взглянула на мой живот и презрительно закатила глаза. Я отчаянно покраснел. Они закололи на мне будущий костюм, отошли и принялись совещаться, точно курицы, кудахчущие во дворе, затем снова меня окружили, начали перекалывать булавки, заставляя поднимать руки и ноги и вертеться в разные стороны. Ткань была темно-синей и не имела ничего общего с бравой зеленью кадетской формы. К тому времени, как я скрылся за ширмой и оделся, мне уже казалось, что ничего худшего со мной еще не случалось.

Я медленно поднялся по бесконечным ступеням в свою комнату и с мрачной решимостью сказал себе, что не стану выходить сегодня к столу. Я сомневался, что сумею устоять перед восхитительными ароматами еды. Вместо этого я отправился спать.

Во сне я превратился в себя другого и испытывал страшный голод. С грустью я вспоминал пропавшую втуне магию Танцующего Веретена. Я гордился тем, что остановил его танец и положил конец магии равнин, но сожалел, что не смог поглотить больше. Это был странный сон, наполненный ликованием победы и голодным негодованием – ведь еда должна была вскормить и мою магию. Я проснулся на рассвете, все еще чувствуя одновременно голод и смутный восторг. Первое я мог понять. Второго стыдился. Я потряс головой, чтобы прогнать ключья сна, и вступил в новый день.

Он стал повторением предыдущего, только еще несчастнее. Я чувствовал себя тупым и слабым, я опоздал к телеге и с большим трудом сумел в нее забраться. Меня изводили страшные голодные боли. В голове гудели молоты. Я обнял руками живот и скорчился.

Когда мы добрались до поля и телега остановилась, я спрыгнул вслед за остальными, но мои ноги подогнулись. Рабочие разразились хохотом, и я заставил себя смеяться вместе со всеми. Я с трудом выпрямился и взял железный прут из телеги. Мне показалось, что со вчерашнего дня он сделался вдвое тяжелее, но я все равно приступил к работе. Я пытался воткнуть его в жесткую землю под вкопанный камень, но он упорно соскальзывал. Мне хотелось кричать от разочарования. Руки словно лишились силы, и я начал пользоваться собственным весом. Утро было ужасным. Некоторое время спустя у меня открылось второе дыхание и голод слегка приутих. Мышцы согрелись, и я старательно выполнял свою часть работы. Как и вчера, я отошел в сторону, когда мои товарищи достали свертки с едой. Обоняние стало для меня особенной пыткой. Нос рассказывал мне обо всем, что было запретно для рта, и слюна текла так обильно, что я вполне мог бы ею захлебнуться.

Я попытался напомнить себе, что я голодаю не впервые и даже не дольше прежнего. В те дни, что я провел с Девара, я ел очень мало, но мое тело сохраняло свою силу, оставаясь жилистым и стройным. Я не мог объяснить, почему я так ужасно страдаю сейчас, хотя прежде мог вытерпеть подобное. Неохотно я пришел к выводу: в Академии я растерял всю самодисциплину. Из этого следовало, что я сам во всем виноват. Глупо было с моей стороны настаивать, что, если я ел только пищу, поставленную передо мной на стол, я не могу быть ответственным за то, каким я стал. Не имеет значения, что мои товарищи, в отличие от меня, совсем не прибавляли в весе. Очевидно, того, что для них достаточно, для меня слишком много. Почему

я упрямо отказывался это понимать? Разве доктор не пытался указать мне на это, столь тщательно расспрашивая, что я ем и сколько? Почему я не встревожился тогда и не урезал собственный рацион?

Мой отец прав.

Я могу винить в этом только самого себя.

Как ни странно, с чувством вины пришло и неожиданное облегчение. Я наконец отыскал причину того, что со мной случилось, в себе самом. И я снова почувствовал, что могу управлять собственной жизнью. Прежде, пока я не признавал, что делаю что-то не так, мой вес казался мне чем-то вроде проклятия, поразившего меня без всяких на то оснований. Я вспомнил, как перекладывал вину на чуму, и покачал головой. Будь это так, все кадеты, оправившиеся после болезни, выглядели бы как я. Я глубоко вздохнул и почувствовал, как во мне крепнет решимость. Я не стану нарушать свой пост сегодня.

А завтра встану и отправлюсь на свадьбу брата. Я вытерплю унижение, виновником которого являюсь сам, я буду помнить об ограничениях в еде, и не только на празднестве, но и в последующие дни. И вернусь в Академию, снова став стройным и сильным. А еще я пообещал себе, что к середине лета перешью пуговицы своей формы на прежние места.

Я решительно вернулся к работе и не щадил себя, у меня появились и прорвались новые мозоли, но я не обращал на них внимания. Я радовался тому, как у меня болят плечи и спина, наказывая свое непокорное тело тяжелой работой и голодом. Я заставил себя выбросить из головы боли в желудке и продолжал трудиться. К концу рабочего дня мои ноги тряслись от усталости, но я был горд собой. Я все решил и теперь изменял себя.

С таким настроением я вернулся домой, помылся и отправился на последнюю примерку. Портнихи выглядели усталыми и поспешно втиснули меня в новый костюм. В комнату принесли зеркало, поскольку у моих сестер тоже была последняя примерка. Но то, что я в нем увидел, привело меня в замешательство. Я ничуть не похудел с тех пор, как приехал сюда. Из-за лишнего веса я казался старше, а строгий синий цвет превращал меня в степенного человека средних лет. Я взглянул на мать, но та была поглощена вытаскиванием ниток, которыми было сметано что-то розовое. Тут мне поддержки не достанется. И конечно, я не мог рассчитывать на сочувствие портних, которые дергали и разглаживали ткань, втыкали в нее булавки и рисовали линии кусочками мела. Я смотрел на свое круглое, как луна, лицо и тучное тело и не узнавал несчастного, глядевшего на меня в ответ.

Затем с меня едва ли не сдернули костюм и выгнали из комнаты, приказав прийти через два часа, потому что Элиси уже ждет своей очереди. Из их разговора я понял, что ворот получился неровным и теперь придется его поправлять множеством крохотных стежков. Едва я вышел из комнаты, в нее тут же влетела Элиси.

А я медленно поднялся к себе. Всего час назад мне казалось, что я владею собственной жизнью. Теперь же пришлось признать, что свадьба состоится завтра и Карсине не доведется увидеть блистательного юного кадета, готового сопровождать ее на праздник. Нет, она встретит меня. Жирного меня. Я вспомнил жену Горда и то, как она его обожала, несмотря на его вес. А потом подумал о Карсине, не посмев даже надеяться на подобное отношение с ее стороны. Я подозревал, что Горд всегда был толстым. Силима, скорее всего, и не видела его другим. В отличие от Карсины, которая знала меня, когда я был стройным и гибким. Я ненавидел себя нынешнего. Так неужели же она меня не возненавидит?

От голода у меня кружилась голова. Я постился и тяжело трудился три дня, но ничего не изменилось. Как же это несправедливо! Я попытался не думать о всевозможных вкусностях, готовящихся на кухне или спрятанных в кладовой. Бракосочетание состоится в доме невесты. Мы встанем рано и в экипажах поедem на церемонию. А потом праздник с танцами, едой и пением переберется к нам, в Широкую Долину, пища и напитки для торжественного случая уже

ждали гостей. При мысли об этом мой желудок громко заурчал, и я был вынужден сглотнуть слюну.

Я скорчился на кровати и уставился в стену. В назначенный час я встал и отправился на примерку. И тут же пожалел об этом. В коридоре я столкнулся с Элиси, которая промчалась мимо меня в слезах.

– Я буду выглядеть как корова! – крикнула она, оглянувшись через плечо. – Что тут можно сказать, как настоящая корова! – и, пробегая мимо меня, добавила: – Надеюсь, ты доволен, Невар! Если бы не ты и твой дурацкий живот, им бы хватило времени поправить ворот моего платья!

Смущенный и встревоженный, я вошел в комнату для шитья. Мать стояла в углу у окна и всхлипывала, прикрывая лицо платком. Портнихи, щеки которых пылали, делали вид, что ничего не замечают. Они склонили головы над работой, и их иглы сверкали в свете ламп, когда они прилежно делали стежок за стежком. Я почувствовал, что в комнате только что разразилась буря.

– Мама, с тобой все хорошо? – мягко спросил я.

Она поспешно промокнула глаза.

– Ох уж эти свадьбы! Моя собственная была таким же кошмаром, пока все наконец не закончилось. Я уверена, что у нас все будет хорошо, Невар. Примерь костюм.

– Элиси кажется очень расстроенной. И она винит меня.

– Ну, понимаешь, мы полагали, что ты будешь в форме. – Она всхлипнула, затем высморкалась и снова вытерла глаза. – Мы не рассчитывали шить для тебя новый костюм. Так что на платье Элиси осталось меньше времени, а мы задумали для него довольно сложный ворот. С этим новым фасоном с оборками все пошло не так. Но даже без оборок платье выглядит очень мило. Она просто немного расстроена. На свадьбе будет юноша, Дервит Толлер. Он гость со стороны Поронтов. Мы не слишком хорошо знакомы с Толлерами, но его семья попросила у нас руки Элиси, и, естественно, она хочет хорошо выглядеть при первой встрече.

Я кивал, пока она рассказывала длинную и сложную историю о молодом человеке, который будет подходящей партией для Элиси, и трудностях, возникающих с оборками, когда кружева прислали шире заказанных да еще и недостаточно жесткие для задуманного. Мне все это показалось невероятно глупым и скучным, но я промолчал. Мне, правда, казалось, что если намерение этого молодого человека жениться зависит от того, как лежат кружевные оборки на платье Элиси, значит за него не стоит и цепляться, но я удержался от того, чтобы высказать это вслух.

Наконец мама замолчала. Как ни странно, но ей как будто полегчало, когда она поделилась со мной своими тревогами. Ее слова взволновали даже портних, потому что одна из них встала и сказала:

– Давайте я еще раз попробую что-нибудь сделать с этим кружевом. Если мы подложим под него кусочки ткани от платья, а потом хорошенько накрахмалим, оно, может быть, примет эту проклятую форму.

Я попытался сбежать в свою комнату вместе с новым костюмом, но у меня ничего не вышло. Мне пришлось снова его примерить, и, хотя мне казалось, что я выгляжу в нем мрачно и скучно, все три женщины сошлись на том, что это «достойный результат для такой спешной работы», и только тогда отпустили меня восвояси вместе с ним.

Глава 5

Свадьба Росса

Нас всех разбудили, когда небо еще только начало сереть. Девочки поели в своих комнатах, чтобы случайно не запачкать дорожные платья, я же присоединился за столом к отцу и братьям. С тех пор как я вернулся, я впервые увидел Ванзи. Мой брат-священник прибыл лишь вчера вечером. Когда я вошел, они с отцом накладывали себе еду, стоя около буфета. Ванзи сильно вытянулся за время учебы в семинарии и, несмотря на то что был младшим из нас, теперь оказался самым высоким.

– Как ты вырос! – удивленно сообщил я.

Когда он повернулся поздороваться, он не смог скрыть своего потрясения.

– Ты тоже, да только не вверх! – выпалил он, а мой отец и старший брат дружно рассмеялись.

Его слова причинили мне боль, но все же я присоединился к ним.

– Это ненадолго, – пообещал я ему. – Последние три дня я голодал. Я решил сбросить вес так же быстро, как набрал его.

Отец печально покачал головой:

– Сомневаюсь, Невар. Мне неприятно тебе это говорить, но ты едва ли хоть сколько-нибудь похудел. Боюсь, тебе придется голодать больше чем три дня. Перекуси немного, чтобы выдержать церемонию. Будет неловко, если ты упадешь в обморок на свадьбе брата.

И все трое снова рассмеялись.

Его слова ужалили меня, хотя и были правдивы. И тем не менее они прозвучали мягче, – видимо, предстоящее событие несколько улучшило настроение отца. Я проглотил обиду, твердо решив не говорить и не делать ничего такого, что могло бы снова его рассердить.

Я нашел на буфете яйца, мясо, фрукты и молоко. Запах и вид еды вызывали головокружение. Моя решимость не устояла бы, если бы отец не хмурился все больше с каждым кусочком, который я клал в свою тарелку. Я чувствовал себя диким животным, воруящим еду. Я положил себе кусочек тоста, посмотрел на отца и добавил к нему две маленькие колбаски. Затем достал ложечку для яиц. Он едва заметно нахмурился. Я решил, что рискну навлечь на себя его гнев, но добавлю еще что-нибудь.

Это было тяжелое решение. Наконец я остановился на яблочном компоте. Аромат теплых, сладких фруктов чуть не заставил меня лишиться чувств. Затем я налил в кружку горячего крепкого кофе и отправился за стол. Мне отчаянно хотелось набить рот огромными кусками еды, испытать сладостное удовольствие от жевания и глотания, от вкуса яиц и острых колбасок на хрустящем хлебе с маслом. Вместо этого я заставил себя разделить все на маленькие кусочки и медленно съесть. Я дважды наполнял кружку горячим кофе, надеясь, что он поможет утолить голод. Однако, когда моя тарелка была выскоблена до последней крошки, желудок все еще требовал добавки. С тяжелым вздохом я отодвинул стул. Я не умру от голода, сурово напомнил я себе, а скудные трапезы продлятся не вечно. Мне нужно только вернуться в прежнее состояние. Кроме того, после бракосочетания состоится пир, и я должен буду принять участие в нем, чтобы не оскорбить семью невесты. Эти мысли послужили мне некоторым утешением.

Я поднял глаза и обнаружил, что Росс и Ванзи старательно не смотрят в мою сторону. Отец же не скрывал своего отвращения.

– Если ты закончил, Невар, возможно, мы можем отправиться на бракосочетание твоего брата?

Они ждали меня, пока я растягивал свой завтрак. Я покраснел от стыда.

– Да, я закончил.

Я вышел из комнаты следом за ними, переполненный ненавистью к себе и гневом на них.

Нас ждал экипаж, украшенный свадебными лентами. Мать и сестры уже сидели в нем, тщательно укрытые одеялами, чтобы не запачкать дорожные платья. Нас в семье семеро, и в экипаже в любом случае оказалось бы довольно тесно. Сегодня же, из-за пышных платьев женщин и моего огромного тела, разместиться всем оказалось и вовсе невозможно. Прежде чем я успел вызваться сам, отец распорядился:

– Невар, ты поедешь с кучером.

Я почувствовал себя униженным, когда карабкался на место рядом с кучером под взглядами всей моей семьи. Швы на моих новых брюках натянулись, и мне оставалось лишь надеяться, что нитки выдержат. Кучер, который ради такого случая оделся в ярко-синее, смотрел прямо перед собой, словно боялся, что, взглянув на меня, разделит мой позор. Отец с братьями с трудом втиснулись в экипаж, дверь закрылась, и мы наконец тронулись в путь.

Дорога до поместья Поронтов заняла все утро. По большей части мы ехали вдоль реки, но последние полтора часа наш экипаж подпрыгивал и вилял на узкой дороге, ведущей в самое сердце их владений. Лорд Поронт выстроил свой особняк на огромном каменистом уступе, нависшем над равниной, и тот скорее напоминал крепость, чем дом аристократа. Ходили слухи, что он все еще не расплатился с каменщиками, приехавшими из Картема, чтобы возвести толстые стены его особняка. Лорд Поронт взял себе девиз «Камень выдержит» и высек его на арке, украшавшей въезд на его земли.

Когда я вспоминаю свадьбу брата, моя память шарахается от меня, точно дурно воспитанная лошадь. Каждый из тех, кто нас приветствовал, не мог сдержать изумления и потрясения при виде меня. А лорд Поронт сжал губы, словно пытался удержать во рту живую золотую рыбку. Его жена прикрылась рукой, пряча улыбку, потом быстро извинилась, сообщив, что должна помочь невесте с приготовлениями. Я и видел, и чувствовал, какую неловкость испытывает моя семья.

Один слуга повел нас вверх по лестнице, другие последовали за нами с багажом дам. Для нашей семьи отвели апартаменты из нескольких комнат, где мы могли отдохнуть и освежиться после дороги, а девочки и моя мать переодеться из дорожных платьев в праздничные. Мы, мужчины, привели себя в порядок гораздо быстрее. Отцу и братьям не терпелось спуститься вниз и присоединиться к гостям. Я с трепетом последовал за ними.

Бальная зала в доме Поронтов оказалась меньше нашей, но все равно очень красивой, и сейчас она была полна гостей. В этом году в моде были пышные юбки с бесконечными оборками всех оттенков выбранного цвета. С верхней площадки лестницы зала напоминала сад, а женщины – прекрасные цветы. Несколько месяцев назад я бы поторопился сбежать вниз и найти свою Карсину среди этого букета. Теперь же с ужасом ждал мгновения, когда она меня увидит. Я начал неохотно спускаться по ступеням. Отец и братья уже смешались с гостями. Я не пытался их догнать или держаться рядом, когда они приветствовали старых друзей или представлялись новым знакомым. Я не винил их за то, что они старались оказаться как можно дальше от меня.

Все, с кем я здоровался, явно испытывали неловкость: одни напряженно улыбались и старались смотреть мне только в лицо, другие откровенно таращили глаза и, казалось, не могли сказать ничего умного. Кейз Ремвар весело фыркнул и поинтересовался, кормит ли кавалла мою лошадь так же хорошо, как меня. Большинство мужчин моего круга позволяли себе подобные насмешки, представляя их как шутки. Сперва я заставлял себя улыбаться и даже смеялся вместе со всеми, но в конце концов решил где-нибудь скрыться от посторонних глаз.

Я нашел тихий уголок в комнате. Несколько больших красивых решеток для вьющихся растений, украшенных гирляндами из цветов, окружали семейный алтарь, где супруги произносят свои клятвы. Позади стояло несколько стульев, и я быстро занял один из них. Никто

ко мне не подходил, никто не пытался завести разговор. Да, это не имело ничего общего с триумфальным возвращением домой, которое я себе воображал. В моих мечтах Карсина стояла рядом со мной, когда я весело рассказывал друзьям о занятиях и жизни в Старом Таресе. С выбранного места я прекрасно видел весь зал. Отец был, очевидно, доволен, он держался любезно и благодушно. Под руку с лордом Поронтом он прохаживался среди гостей, приветствуя их. Они и так были могущественны, а союз, укрепленный браком детей, делает их еще более значимой силой в Средних землях. Они прогуливались по залу так, словно это они, а не их дети были счастливой парой.

Росс нервничал, как всякий жених, и терпеливо сносил шутки и насмешки приятелей. Они окружили его у выхода в сад, и по то и дело раздающимся взрывам смеха можно было представить, о чем они там разговаривают. Ванзи, мой брат-священник, чувствовал себя не в своей тарелке. За время, проведенное в семинарии, он привык к более утонченной компании, чем та, что собралась в этом приграничном поместье. Он держал в руках Священное Писание, поскольку ему предстояло участвовать в церемонии, и сжимал его, словно утопающий, хватаящийся за кусок дерева. Он мало говорил и много улыбался. Я предположил, что он уже считает дни до возвращения в свою тихую школу. Он жил там довольно долго, и я подозревал, семинария стала для него домом в большей степени, чем отцовский особняк.

Я его не винил. Я и сам отчаянно хотел снова оказаться в Академии.

Неожиданно я поймал себя на том, что рассматриваю тела людей, чего никогда не делал прежде. Я всегда считал, что с возрастом мужчины и женщины становятся полнее, чем были в молодости. Я никогда не относился хуже к женщинам, чьи тяжелые грудь и живот говорили о годах и рожденных ими детях. Мужчины в определенном возрасте становились дородными и солидными. Теперь же я вдруг обнаружил, что пытаюсь оценить, кто из них толще меня, а кто – нет. Я решил, что мой живот никого бы не удивил, будь я старше тридцати. А вот лишний жир на теле юноши вызывал отвращение. Несколько молодых людей обладали внушительными животами, но руки и ноги у них оставались нормальными. В отличие от меня, кажущегося из-за этого ленивым и вялым. Ложное впечатление, потому что под слоем жира я был мускулистым, как прежде.

Я со страхом наблюдал за лестницей, ведущей на верхние этажи дома, мне отчаянно хотелось увидеть Карсину, но я боялся того, что прочту на ее лице, когда она увидит мое новое тело. Несмотря на эти опасения, когда она появилась на верхней площадке, я вскочил на ноги, словно собачонка, которую позвали на прогулку. Она была прекрасна. Как она и обещала, на ней было нежно-зеленое платье с верхней юбкой более густого оттенка и темной отделкой, которая точно повторяла цвет моей формы. Оно было одновременно скромным и чуть вызывающим, с высоким воротником из белого кружева, подчеркивающим изящную шею. Поднятые вверх волосы украшала желтая роза. Рядом с ней держалась моя сестра Ярил. Она переделалась и из девочки вдруг превратилась в женщину. На ней было бирюзовое платье, волосы убраны в изысканное переплетение золотых нитей и голубых лент. Платье подчеркивало тонкую талию и мягкие изгибы небольшой груди и бедер. Несмотря на свое раздражение, я почувствовал гордость за ее красоту. Запястья обеих девушек украшали браслеты с серебряными колокольчиками, надетые по случаю свадебной церемонии.

Кейз Ремвар, словно по волшебству, оказался у подножия лестницы. Он смотрел на мою сестру и Карсину, как собака на оставленное без присмотра мясо. Ярил отдала ему свое сердце, но пока еще никто из моих родителей не упоминал о помолвке. Меня возмутило, как он смеет так смотреть на мою сестру. Я сделал два шага вперед и замешкался, испугавшись. Год назад одно мое присутствие напомнило бы ему об уважении к нашей семье без произнесенных угроз. Теперь же я боялся, что, подкатившись к ней, точно огромный шар, я буду выглядеть глупо и напыщенно и вовсе не защитником сестринской чести. Я замер, укрытый за решеткой.

Моя сестра, должно быть, предупредила Карсину, что я уже не тот великолепный военный, которого она осенью провожала в Академию. Девушки остановились на полпути вниз. Вне всякого сомнения, Ярил прекрасно видела, что Ремвар пожирает ее глазами. Я решил, что она самым бессовестным образом позволяет ему себя рассматривать. Что же до Карсины, она оглядывала собравшихся в поисках меня. Моя сестра наклонилась к ней и что-то сказала, и ее хорошенький рот искривила усмешка. Я был уверен, что именно она произнесла: что меня совсем не трудно заметить в толпе гостей. Карсина неуверенно улыбнулась. Она надеялась, что Ярил ее поддразнивает, и боялась, что та говорит совершенно серьезно.

Надежда угасла во мне, сменившись твердой решимостью. Я встречаюсь с Карсиной и покончу с этим. Я вышел из своего укрытия и пробрался сквозь толпу гостей к подножию лестницы. Карсина увидела меня, глаза ее широко распахнулись от ужаса и удивления. Она вцепилась в руку моей сестры и что-то сказала. Ярил покачала головой с отвращением и сочувствием. Карсина отступила на шаг, но взяла себя в руки. Когда они с Ярил снова продолжили спускаться по лестнице, на ее лице застыла упрямо-вежливая маска, но в глазах ее я увидел отчаяние.

Подойдя ближе, я почти почувствовал кипящую в ней ярость. Я церемонно поклонился:

– Карсина. Ярил. Вы обе выглядите просто великолепно.

– Спасибо, Невар. – Голос Карсины звучал холодно и исключительно вежливо.

– По-моему, более чем просто великолепно. – Кейз обогнул меня и встал рядом с Ярил. – Прекрасны, словно цветы. Выбрать, кто из вас очаровательнее, просто невозможно. – Он улыбнулся обеим девушкам сразу. – Могу я проводить вас? Церемония скоро начнется.

Карсина, улыбаясь, повернулась к нему, и я увидел, как на лице Ярил мелькнула тень неудовольствия. Она бросила в мою сторону яростный взгляд, а затем поспешно взяла Кейза под правую руку. Карсина тут же обогнула меня и схватила его левую руку. Кейз удовлетворенно рассмеялся, и Карсина повернулась к нему с ответной улыбкой. Улыбка Ярил казалась мрачной.

– Теперь мне будут завидовать все мужчины в этой комнате, – объявил Кейз.

– Несомненно, – тихо проговорил я, но мои надежды, что Карсина что-нибудь ответит, не оправдались.

Они повернулись к алтарю. Большинство гостей двигались в ту же сторону, и я печально последовал за ними. Когда я осознал, что хмурюсь, я постарался выпрямить спину и изобразил на лице приятное выражение. Я напомнил себе, что сегодня свадьба моего брата, и я не позволю своему разочарованию испортить праздник. Я не стал догонять троицу и пытаться присоединиться к ним. Вместо этого я занял место неподалеку от Элиси – как ее брат, но не настолько близко, чтобы смутить ее. Она на меня не смотрела. Молодой человек и пожилая пара, судя по всему его родители, стояли поблизости от нее. Я задумался, не тот ли это претендент на руку Элиси, о котором упоминала моя мать.

Вскоре мы все собрались у алтаря нашего доброго бога, и в комнате воцарилась тишина. Ванзи и незнакомый мне священник вошли в комнату. Священник нес в руках лампу, свет бога, а Ванзи – большую пустую чашу, символ окончания кровавых жертв. Я знал, что в прежние времена церемония требовала, чтобы Росс принес в жертву быка, козла и кошку. Затем им с невестой предстояло подвергнуться ритуальному бичеванию тремя ударами кнута, символизирующему готовность страдать друг за друга. Просвещение доброго бога положило конец древним обычаям. Старые боги требовали, чтобы любая клятва оплачивалась кровью и болью. Я был благодарен, что эти дни миновали.

Росс и мои родители подошли к алтарю, чтобы принять клятву Сесиль. Ее появление было обставлено великолепно – она спустилась по лестнице под звон серебряных колокольчиков. На ней было сине-зеленое платье с узорчатыми рукавами, спадающими почти до самого пола, и расшитым голубым шлейфом, который скользил вслед за ней по ступеням. Запястья

каждой женщины в комнате украшал браслет с крошечными колокольчиками, все они подняли руки в воздух, и веселый звон сопровождал невесту, пока она шла вниз. За ней следовали ее родители с большой корзиной в руках. Когда они проходили сквозь толпу гостей, те бросали в корзину пригоршни монет, желая молодым богатства и процветания. Среди нашего класса это всего лишь очаровательная традиция. У людей победнее она могла положить начало будущему благополучию, позволив завести козу или пару цыплят.

Росс и Сесиль выбрали для своей свадьбы простой ритуал. Становилось все теплее, и я, без сомнения, был не единственным, кто радовался, что нам не придется долго стоять в помещении.

Отцы новобрачных первыми обменялись клятвами в дружбе и верности, затем матери – обещаниями утешать и помогать друг другу и воздерживаться от сплетен. Я терпеливо это выдержал, но, когда Росс и Сесиль произнесли свои клятвы верности, доверия и взаимной искренности, на глаза мне навернулись слезы. Не знаю, что я оплакивал – то, что Карсина предала нашу неокрепшую любовь, или же свою пострадавшую гордость. Сейчас я должен был стоять рядом с ней, горько думал я, а потом мы бы с нежностью вспоминали эти мгновения. Но я буду вечно помнить, что она отказалась от меня. Я сжал зубы и заставил свои губы улыбаться, а потом вытер глаза, решив, что, если кто-нибудь и обратит на это внимание, он сочтет это слезами радости за брата.

Росс и Сесиль разделили крошечный пирожок из горьких трав, за ним последовал куда больший медовый пряник – символы плохих и хороших времен, которые им предстоит пережить вместе. Затем они отвернулись от алтаря и подняли вверх соединенные руки. Все собравшиеся разразились криками радости и поздравлениями, музыканты на помосте заиграли. Веселая праздничная музыка наполнила бальную залу, и гости расступились, освобождая место Сесиль и Россу. Мой брат никогда не умел хорошо танцевать и, верно, потратил немало времени и сил, чтобы сейчас выглядеть великолепно. Он ни разу не наступил на длинный шлейф Сесиль, а в конце танца подхватил ее на руки и закружил, к огромной радости и восторгу зрителей. Один неверный шаг – и они оба оказались бы на полу, но он справился и ловко поставил невесту на ноги. Смеющиеся и покрасневшие, они поклонились гостям.

Затем наступила самая важная часть церемонии не только для Росса и Сесиль, но и для обеих наших семей. Мой отец и лорд Поронт сломали печати на поздравительных свитках, доставленных от короля Тровена. Как и ожидали собравшиеся, король подарил обеим семьям немалые участки земли, дабы «ознаменовать счастливый союз двух вернейших аристократических семей и пожелать им дальнейшего процветания». Земли, подаренные Бурвилям, увеличивали наши владения на треть. Лицо моего отца сияло. Мне казалось, я вижу, как он подсчитывает, сколько еще земли пожалуют ему, когда остальные четверо его детей заключат браки. Неожиданно я понял, что таким образом король поощряет союзы между семьями новых аристократов, обеспечивая себе их преданность.

– Пожалуйста, присоединяйтесь к нам в танцах и на пиру, – позвала Сесиль гостей, и под громкие аплодисменты ее приглашение было принято.

Двери в примыкающую столовую распахнулись, открывая нашим взорам длинные столы. Я находился далеко от двери, но сразу же ощутил восхитительные ароматы свежего хлеба, жареного мяса и сладких фруктовых пирогов. Свадьба в наших краях растягивается на целый день. Когда гостям приходится долго ехать ради торжественного события, хозяева стараются сделать его незабываемым. Беседы, танцы и пиршество весь день продлятся в доме Поронтов, слуги будут сбиваться ног, поднося все новые и новые блюда. Многие гости проведут здесь ночь, а назавтра отправятся к нам и продолжат празднование. Еще совсем недавно я с нетерпением ждал этого события, рассчитывая урвать несколько мгновений наедине с Карсиной. Я даже представлял себе, как осмеливаюсь ее поцеловать. Теперь же я с ужасом предвидел несколько мучительных дней.

Мой несчастный живот настойчиво урчал, и я прислушивался к нему со страхом, словно внутри меня поселилось чудовище, требующее пищи. Я пытался убедить себя, что голод меркнет в сравнении с моим горем, но желудок со мной не соглашался. А когда я увидел, как Ремвар приглашает Карсину на танец, пустота внутри меня сделалась еще невыносимее. Я вдруг понял, что страшно хочу есть, что меня едва ли не трясет от голода. Еще никогда мое обоняние не было таким острым. С того места, где я стоял, я улавливал запахи жаренной с шалфеем и луком дичи и барашка, приготовленного по рецепту жителей равнин, с диким сельдереем в горшке с плотной крышкой. Я с трудом сдерживался, пока шел по краю танцевальной площадки, не позволяя себе броситься расталкивая людей, чтобы добраться до еды.

На полпути я встретил отца, разговаривающего с отцом Карсины. Лорд Гренолтер смеялся какой-то отцовской шутке. Оба показались мне веселыми и довольными. Я собирался незаметно проскользнуть мимо них, но, пока лорд Гренолтер пытался отдышаться после хохота, наши глаза встретились. Воспитание заставило меня поздороваться с ним. Я остановился и поклонился ему.

– О, добрый бог, Бурвиль! – довольно громко воскликнул он, когда я приблизился. – Это кто, Невар?

– Боюсь, что так, – ровным голосом ответил отец.

Его взгляд сказал мне, что я сделал ошибку, когда привлек к своей персоне внимание, но уже в следующее мгновение он заставил себя улыбнуться.

– Боюсь, доктор в Академии перестарался, пытаюсь откормить его после чумы. Но думаю, скоро он избавится от лишнего веса.

Мне ничего не оставалось, как стыдливо улыбнуться и согласиться с ним.

– Очень скоро, сэр, – уверил его я, а затем, стиснув зубы, солгал: – Доктор сказал мне, что временная прибавка в весе случается среди тех, кто выжил после чумы. А еще он сказал, что я должен радоваться: лучше это, чем превратиться в иссушенное подобие себя и лишиться всех сил.

– Ну... уверен, доктор знает, о чем говорит. Но тем не менее перемена в тебе поражает, Невар. Впрочем, полагаю, ты и сам это знаешь.

Казалось, лорд Гренолтер намерен добиться от меня признания, что мое преображение ужасно.

– Да, сэр, разумеется. К счастью, как я сказал, это временное явление.

– Ну, думаю, нам стоит возблагодарить доброго бога за то, что ты остался в живых, а на остальное пока что закрыть глаза.

– Да, сэр. Просыпаясь утром, я всякий раз благодарю бога за то, что он сохранил мне жизнь. Тот, кто пережил чуму, уже не считает это само собой разумеющимся.

– Там, в городе, было ужасно, не так ли?

И я с преувеличенным воодушевлением принялся запугивать его зловещим рассказом о том, как чума свирепствовала в Старом Таресе. Когда я говорил о трупах, сложенных штабелями, точно поленья, на засыпанной снегом земле, я заметил, что даже отец слушает меня. Поэтому я охотно и с искренней печалью рассказал о своих товарищах, чье здоровье пошатнулось настолько, что им уже никогда не стать солдатами, не говоря уже об обучении в Академии.

– И потому, хотя сейчас я, конечно, выгляжу ужасно, я, как вы понимаете, благодарен доброму богу за то, что мне повезло пережить этот кошмар и меня по-прежнему ждет карьера военного, – закончил я. – А теперь, когда Академию снова возглавил полковник Ребин, я с еще бóльшим нетерпением жду возможности продолжить занятия.

– Поразительная история! А удалось ли узнать, какой мерзавец принес в Старый Тарес чуму? – Отца Карсины совершенно покорила мой рассказ.

– Есть подозрение, что она попала в город вместе со спеками, которых показывали на карнавале Темного Вечера, – покачивая головой, ответил я.

– Что? – Лорд Гренолтер в ужасе повернулся к моему отцу. – Вы слышали о том, что спекам позволили путешествовать на запад?

– То, что кто-то попытается протащить их в город, было неизбежно, – смиренно проговорил мой отец. – А самым неосмотрительным было то, что среди них оказалась женщина. Из переписки с должностными лицами Академии я понял, что, вероятнее всего, именно она и стала причиной болезни.

– Нет! – в ужасе воскликнул отец Карсины.

Он повернулся ко мне, и неожиданно в его глазах вспыхнул новый огонь, словно он решил трудную задачу и был возмущен ответом. Его глаза осторожно изучали меня. Как же я заразился чумой? Вопрос читался в его взгляде, и, хотя он так и не сорвался с его губ, я на него ответил.

– Кроме плотской связи есть и другие пути, которыми передается болезнь, – поспешно проговорил я. – Я помогал доктору Амикасу в Академии, из-за некоторых необычных особенностей моего случая. Должен признать, кое-кто из моих товарищей заразился чумой, вступив в связь со шлюхой из племени спеков. Я, сэр, к их числу не отношусь. Как, кстати, и юный сын бывшего командира Академии. И разумеется, моя кузина Эпини, тоже ставшая жертвой чумы.

– Она умерла?

Неожиданно я сообразил, что вокруг меня собралось довольно много слушателей. Вопрос задала женщина средних лет, не по возрасту облаченная в ярко-розовое платье.

– Нет, мадам. К счастью, она осталась жива. Ее болезнь проходила легко, и она поправилась без осложнений. К сожалению, этого нельзя сказать про кадета из семьи новых аристократов, за которого она вышла замуж. Кадет Кестер был вынужден покинуть Академию. Он надеется, что ему удастся восстановить свое здоровье и возобновить обучение, но многие считают его военную карьеру законченной.

Сразу несколько слушателей заговорили одновременно.

– Я служил с Кестером! Должно быть, это его сын. Какой ужас! А кто еще из новых аристократов погиб от чумы?

– А что спасло вашу кузину от чумы? Настои каких трав она пила? Моя Дорота сейчас живет с мужем в Геттисе. Она и двое их малышей. У них еще никто не заразился, но она боится, что это лишь вопрос времени. – В голосе дамы, подошедшей совсем близко ко мне, слышалось искреннее беспокойство.

Но четче остальных я расслышал голос лорда Гренолтера, когда он медленно проговорил, обращаясь к моему отцу:

– Эпини Бурвиль... дочь вашего старшего брата. Она вышла замуж за сына-солдата из семьи нового аристократа, у которого нет будущего? Мне казалось, вы говорили, что ваш брат собирался выдать ее за наследника старого аристократа.

Мой отец выдал примиряющий смешок, и тогда я понял, что сказал слишком много.

– Ну, вы же знаете современную молодежь, Гренолтер, в особенности тех, кто воспитывался в городе. Они не слишком уважают намерения своих родителей. А во времена чумы дозволяются вещи, о которых при обычных обстоятельствах не могло быть и речи. Так солдаты в пылу сражения иногда поступают безрассудно, а понимают это лишь потом.

– Безрассудство. Да уж. Мне доводилось видеть подобные вещи, – мрачно подтвердил Гренолтер.

Я видел, что он отвлекся от нашего разговора и прикидывает преимущества и недостатки союза с нашей семьей, словно настоящий счетовод. Неожиданно слова Эпини о том, что ее хотят продать как невесту тому, кто предложит больше, перестали казаться мне игрой. Очевидным образом мой вес был минусом в сделке, но еще большим минусом стало то, что Бурвили из Старого Тареса не выдали свою дочь замуж за старого аристократа. Неужели связи и

браки имеют столь огромное политическое и общественное значение, спросил я себя, а в следующее мгновение понял, что это именно так.

– Ну так что? – взволнованно напомнила о себе женщина, и я вернулся к ее вопросу.

– Боюсь, основным лечением было много питья и покой. Жаль, что я не могу сказать вам что-нибудь более определенное. Доктор Амикас занимается вопросами предотвращения чумы. Он очень упорный человек. Если кто-то и может дать совет, как от нее защититься, так это он.

– А кто еще из новых аристократов умер? – повторил свой вопрос мужчина, которого я узнал, но не мог вспомнить имени.

Он не был новым аристократом, а выслужился из рядовых и вышел в отставку вслед за Гренолтером, как и те люди, что собрались вокруг моего отца. Я неожиданно понял, что люди вроде него возлагают все свои надежды на возвышение новой знати. Старые аристократы и их наследники не слишком уважительно относятся к таким, как он. А вот человек, с которым он вместе воевал, оценит его по достоинству. И если они получают власть, их поддержка может распространиться и на его собственных сыновей-солдат.

Поэтому я без особой охоты назвал имена тех сыновей новых аристократов, кто погиб от чумы, а также тех, кто серьезно пострадал. Когда я упомянул, что здоровье Триста Уиссома сильно пошатнулось, меня удивил дружный сочувственный вздох. И я был потрясен тем, что, когда начал перечислять своих товарищей, переживших чуму без последствий, и среди них прозвучали имена Рори и Горда, люди, меня окружившие, обменялись радостными взглядами. Они не знали моих друзей, но так или иначе были знакомы с их отцами. Их что-то объединяло. Старые аристократы не напрасно боялись усиления их влияния. Настоящая сила не в новых аристократах и их сыновьях, которые пойдут за королем туда, куда он укажет, а в тех военных, кто верен им.

– То, что случилось с нашей Академией, – настоящий позор! Позор! – выкрикнул лорд Блэр, неуравновешенный, маленький, лысый человечек, вечно подпрыгивающий на месте во время разговора. – Нам были так нужны эти молодые офицеры, со всеми этими слухами о беспорядках на границе около Надежного. Похоже, нам снова придется сражаться с Поющими землями! Ты ведь не хотел бы это пропустить, верно, кадет? Продвижение по службе быстрее там, где драка гуще, как ты прекрасно знаешь.

Я был удивлен, потому что не слышал о новых стычках с жителями Поющих земель.

– На деле настоящие возможности открываются в Геттисе, – сказал незнакомый мне мужчина. – Строительство Королевского тракта задерживается вот уже два года. Фарлетон отправился туда, чтобы сменить полк Брида, но, судя по тому, что я слышал, у них не особо хорошо получается. Те же трудности, что были у Брида. Болезни, дезертирство и халатность! Король больше не желает это терпеть. Я слышал, что он отправляет туда кавалерийский полк Кейтона и пехотный Дорила. Мне жаль Фарлетона. Совсем недавно они были лучшими. Кое-кто говорит, что так влияет на военных Геттис. Болезни подрывают боевой дух и нарушают порядок субординации. Сейчас там командует Гарен. Он хорош как заместитель, но я не уверен, что он способен возглавить такое серьезное дело, как строительство Королевского тракта...

– Полковник Гарен – прекрасный офицер! – резко перебил его кто-то еще. – Поосторожнее с тем, что вы о нем говорите, сударь. Я сражался под его началом у Лощины.

– Господа, господа! Сейчас не время для воспоминаний о войне, – быстро вмешался в разговор мой отец. – Невар, мы все благодарны тебе за рассказ, но давайте не будем забывать, что мы собрались здесь отпраздновать свадьбу. Без сомнения, большинство из вас предпочтут танцевать, а не слушать про болезни и смерть. Или в вашей жизни так мало трудностей, что вас привлекают подобные истории?

Все дружно рассмеялись его вопросу, слегка приправленному горечью. Жизнь здесь, на границе цивилизации, была куда тяжелее, чем в других местах.

– Давайте праздновать и радоваться жизни, пока это еще возможно! – предложил один из мужчин. – Смерть и болезни никуда от нас не денутся.

После этого мрачного воззвания гости, слушавшие меня, начали расходиться. Кто-то отправился к музыкантам, чтобы потанцевать, другие – к столам с едой. Сам Гренолтер ушел весьма поспешно. Краем глаза я проследил за ним и увидел, что он направился к своей жене и Карсине, которые стояли около стола с закусками. Жестом отослав Карсину к группке остальных девушек, он взял жену под руку и отвел в тихий уголок. Я догадывался, о чем он собирается с ней говорить. Я невольно поискал взглядом Кейза Ремвара и обнаружил, что он танцует с моей сестрой. Она выглядела совершенно счастливой. Сперва Гренолтеры хотели выдать Карсину за Ремвара, старшего сына и наследника. Не разрушил ли я только что своей болтовней собственную помолвку? А вместе с ней и мечты Ярил? Мне стало не по себе.

Мой отец ничуть меня не утешил.

– Тебе следует меньше говорить и больше слушать, Невар. Сейчас я не намерен обсуждать данную тему, но советую тебе до конца дня только слушать и кивать. И держи язык за зубами. Не понимаю, почему ты посчитал возможным поделиться подобными сведениями здесь, ничего не рассказав мне. Так что сегодня, если тебе придется открыть рот, говори лишь о счастье и удаче своего брата. Если же тебе взбредет в голову обсудить что-нибудь мрачное, сокрушайся о недавней засухе.

Отчитав меня, он отошел с таким видом, будто я его оскорбил. Возможно, в его представлении так и было. Отец никогда не любил узнавать что-то вторым. Но в этом виноват он один. Если бы он побеседовал со мной после моего возвращения домой, он узнал бы все новости и мог бы посоветовать, о чем мне стоит молчать. Он обошелся со мной несправедливо, но, что хуже, я разговорился, не подумав, стоит ли это делать. Я уже сожалел, что солгал о словах доктора Амикаса. Я был уверен в том, что это правда, но мне не следовало ссылаться на него, чтобы придать моим предположениям больший вес. Я стыдился того, что солгал.

Мрачное настроение неожиданно притупило муки голода, и я вдруг понял, что необходимость выбрать еду, отнести ее на стол и вести светскую беседу с другими гостями требует больших сил, чем у меня есть. Я оглянулся на танцевальную площадку. Музыканты продолжали играть, а Карсина танцевала с незнакомым мне молодым человеком. Он был низкорослым, веснушчатым, плохо танцевал – но он не был жирным. Я стоял не шевелясь, смотрел на них и пытался заставить себя отвернуться. Он что-то сказал, она рассмеялась. Мое упрямство требовало, чтобы я остался в комнате и пригласил ее на следующий танец. Ее несомненный отказ положит конец моим надеждам и страданиям.

Я слонялся там, на краю толпы, – набирался храбрости, отвергал эту дурацкую идею, снова уговаривал себя подойти к ней, ведь она мне обещана и я имею полное право с ней разговаривать, потом мне опять становилось страшно... казалось, никогда еще танец не длился так долго. Когда он все же закончился, партнер Карсины склонился к ее руке, а затем отошел, и все, что я смог, – это двинуться в ее сторону.

Она увидела меня и бросилась бежать.

И я сделал ужасную глупость – бросился вслед за ней, расталкивая толпу, чтобы ее догнать. Когда она поняла, что ей не скрыться, она замедлила шаг, и вскоре я оказался рядом с ней.

– Карсина, я надеялся потанцевать с тобой. А еще поговорить и объяснить, что со мной произошло.

К несчастью, музыканты заиграли веселую живую мелодию, а не медленный вальс, на который я рассчитывал. Карсина спасла себя и меня, холодно сообщив:

– Я сейчас немного устала от танцев. Возможно, позже.

– Но может быть, мы можем поговорить? Прогуляться по саду?

– Боюсь, это невозможно. Нам не пристало оставаться наедине.

Я горько улыбнулся, услышав ее слова:

– В прошлый раз тебя это не остановило.

Она отвернулась и досадливо вздохнула:

– Это было в прошлый раз, Невар. Очевидно же, что с тех пор многое изменилось.

– Но то, что мы обещаны друг другу, не изменилось, – ответил я, задетый ее словами. – По крайней мере, ты должна позволить мне рассказать, что я пережил...

– Я вам ничего не должна, сэр! – с яростью вскричала она.

Тут же появился ее партнер, с которым она только что танцевала. В руках он держал два бокала вина. Я заметил в его глазах осуждение – мне не следовало вынуждать даму столь резко мне отвечать.

Я предостерег его хмурым взглядом:

– Мы беседуем с леди.

Он был на голову ниже меня, но, видимо, решил, что лишний вес сделал меня мягкотелым.

– Мне это беседой не показалось. У меня сложилось впечатление, что она хочет, чтобы вы оставили ее.

– Мы обещаны друг другу, и я имею право...

– Не официально! – быстро вмешалась Карсина. – И я действительно хочу, чтобы ты оставил меня.

– Видите, сэр, леди устала от вашего общества. Будьте же джентльменом и позвольте ей уйти.

Он храбро встал между Карсиной и мной – длинношей, веснушчатый. Я бы мог переломить его пополам, словно пруттик.

– Возможно, это ей следует побыть леди и оказать мне любезность, выслушав меня, – ровным голосом проговорил я, взглянув поверх его головы на Карсину.

– Ты намекаешь, что я таковой не являюсь? – вспыхнула Карсина. – Невар Бурвиль, ты оскорбил меня. Я непременно расскажу об этом отцу.

Ярость пела в моей крови и звенела в ушах, переполняла меня. И вдруг с моего языка сорвались слова, пришедшие из источника, неведомого даже мне самому:

– Ты не обращала на меня внимания, ты пыталась от меня сбежать, и, таким образом, сегодня ты оскорбила меня трижды, но это будет последний раз. Прежде чем ты умрешь, Карсина, наступит день, когда ты приползешь ко мне на коленях и будешь умолять меня, чтобы я простил тебя за сегодняшнее.

Услышав мои резкие слова, она приоткрыла рот, от изумления выглядя крайне юной и несколько вульгарной. Она растеряла всю свою привлекательность, на смену которой пришел гнев. Я сказал слишком много и говорил слишком грубо. Ничего ужаснее и недостойнее на свадьбе брата я совершить не мог.

Лицо Карсины стало пунцовым, и в ужасе я увидел у нее в глазах слезы. Ее веснушчатый партнер возмущенно уставился на меня:

– Послушайте же, сэр, я настаиваю...

– Настаивай сколько влезет, – отрезал я и пошел прочь.

Однако толстому человеку трудно двигаться с достоинством. Я тщетно пытался успокоиться хотя бы внешне, покидая поле боя, и убеждал себя, что нашу стычку заметили не столь уж многие и никто из нас не повышал голоса. Я оглянулся – Карсина исчезла. На мгновение я испытал облегчение, но тут же увидел, что она бежит вверх по лестнице, закрыв лицо руками. Несколько женщин проводили ее глазами. Следом за ней торопилась моя сестра. Я проклинал себя и никак не мог понять, откуда взялась эта вспышка ослепительного гнева и резкие слова, которые я сказал Карсине.

«Мне следовало бы держать при себе и боль, и жалкие надежды», – яростно ругал я себя.

Я вышел из бальной залы на террасу, а оттуда по ступеням спустился в сад. Здесь оказалось жарче, а не прохладнее, как я ожидал. Многие цветущие кусты пожелтели от засухи; молодые деревца были хилыми и не давали тени. Воротник меня душил, куртка казалась слишком теплой. Как я мог повести себя так глупо? Почему затеял эту ссору? Мне следовало позволить ей высказать все, что она хотела. Тогда в следующий раз, когда бы мы с ней встретились, я уже стал бы прежним и все вернулось на свои места. А она ругала бы себя за то, что избегала меня. Теперь же сказанные мной слова встанут между нами. Я с тоской подумал, что она, должно быть, побежала искать утешения у матери. И моя сестра уже с ней. Я даже не знал, что для меня хуже.

Густая живая изгородь и журчание фонтана за ней обещали мне тенистое убежище. Сад был не слишком удачно спланирован, и мне пришлось довольно долго идти и свернуть, огибая изгородь, прежде чем я наткнулся на крохотные воротца. Они были прикрыты, но не заперты, и я вошел во второй сад.

На его устройство хозяева не пожалели денег, и меня удивило, что здесь не толпятся гости. Выложенная камнем дорожка по извилистой спирали вывела меня в самое сердце сада. Цветы на клумбах поражали пышностью, несмотря на стоявшую всю неделю жару. В розовых кустах и в высоких цветках лаванды жужжали пчелы, собирающие нектар. Аромат цветов и трав, словно тяжелое облако, висел в неподвижном воздухе. Я прошел мимо декоративного пруда с рыбками. Поверхность его украшали толстые желтые лепестки кубышек, а рыбки скользили в воде, точно мерцающие тени.

Чуть дальше находилась стилизованная под диковинный маленький домик голубятня, в которой ворковало множество птиц. Часть грелась на солнышке на открытой площадке, прилегающей к их жилищу. Я немного постоял на месте, прислушиваясь к их успокаивающим голосам, а затем шагнул на извилистую тропинку, ведущую к фонтану в самом центре сада и его тихому музыкальному журчанию.

До него я так и не дошел. Неожиданно мне в нос ударило такое зловоние, что я едва не задохнулся. Я прикрыл нос и рот рукой и повернул голову, не в силах поверить тому, что увидели мои глаза. Алтарь из белого мрамора, испачканный кровью и испражнениями птиц. Над ним аркой изгибался медный прут, с которого свисало нечто, вполне способное оказаться изящной люстрой, если бы вместо светильников на каждый его крюк не был насажен мертвый голубь. В центре алтаря лежала птица со вспоротым животом и разложенными для предсказания внутренностями. На белых перьях остались кровавые следы пальцев. На изгибе арки сидел черно-белый стервятник, из его клюва свисали голубиные потроха. Мухи и осы тяжело гудели вокруг мертвых птиц. Один белый голубь казался уже скорее красным, а из-под хвоста у него свисали расклеванные внутренности. Пока я ошарашенно смотрел на все это, с них медленно скатилась и упала на алтарь капля крови.

Все это было сделано сегодня.

Следом за этой ужаснувшей меня мыслью пришла другая. Алтарь и люстра с крючками не похожи на временное приспособление. Поронты постоянно поклоняются старым богам, и это – жертвоприношение по случаю свадьбы. Скорее всего, невеста моего брата, ее мать и сестры убили птиц в честь бракосочетания Сесиль.

Мне казалось, сильнее испугать меня не сможет уже ничто. Но пока я стоял, словно прикованный к месту ужасом, одна из птиц трепыхнулась на своем крюке и дернула крыльями, заставив всю карусель сдвинуться с места. В следующее мгновение она приоткрыла глаз и взглянула на меня, беззвучно открывая и закрывая клюв.

Я не мог этого вынести.

Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы достать несчастную птицу, так что куртка натянулась на моих плечах. Я схватил голубя за крыло и подтянул к себе жуткую карусель. Когда мне удалось взять птицу обеими руками, я снял ее с крюка. Я намеревался положить конец ее

мучениям, свернув ей шею, но, прежде чем я успел что-то сделать, ее тело дернулось и замерло. Я отступил от алтаря и посмотрел на свой скорбный трофей. Гнев на Карсину неожиданно превратился в ярость на несправедливость мира. Почему это маленькое существо должно было умереть, став жертвой в честь дня бракосочетания? Почему его крохотная жизнь кажется им несущественной? Другой у него не будет.

– Ты не должен был умирать.

Кровь пульсировала в моих жилах, пропитанная яростью.

– Они поступили жестоко, убив тебя. Что же это за семья, с которой связал нас мой брат?

Глаза птицы открылись, и я от удивления чуть не выронил ее. Затем голубь тряхнул головой и расправил крылья. И тогда я его выпустил, и он превратил падение во взлет. Одно из его крыльев мазнуло по моему лицу, когда он начал подниматься в воздух, а в следующее мгновение он скрылся из виду. К моим пальцам прилипли маленькие пушистые перышки. Я стряхнул их, и они медленно поплыли к земле в неподвижном воздухе. Я и сам не понимал, что произошло. Я снова посмотрел на мерзкую карусель из мертвых птиц и на следы крови на своих руках и с отвращением вытер ладони о темные брюки. Как же эта птица смогла выжить?

Я стоял и смотрел еще долго. В ветвях соседнего куста неожиданно громко закричал стервятник, потом расправил черно-белые крылья и разинул в мою сторону красный клюв. С голой шеи, точно опухоль, свисали мясистые оранжевые сережки.

Я отступил на шаг назад, но птица продолжала громко, вызывающе орать. Ее вопли тут же подхватила пара ее товарок, сидевших на соседних деревьях. Когда они подняли шум, я повернулся и поспешно зашагал прочь. В голове у меня царила полная неразбериха. Одно дело – слушать рассказы о поклонении старым богам, и совсем другое – увидеть собственными глазами возведенный для них алтарь.

Знает ли Росс о вере своей жены?

Знает ли мой отец? А мать?

Я дышал ртом, быстро шагая прочь от страшного места, и только подойдя к клумбам с лавандой и увидев кружащих над ними шмелей, остановился. Несколько раз глубоко вдохнул, наслаждаясь ароматом и стараясь успокоиться. Меня покрывал липкий пот. Я видел нечто темное, и оно наполнило меня мрачным предчувствием.

– Сэр, это сад для медитации и отдыха семьи. Свадебные торжества проходят не здесь.

Женщина была одета как садовник, в грубую темную рубаху, брюки и сандалии. Широкополая шляпа отбрасывала тень на лицо. В одной руке она держала корзинку, в которой лежала садовая лопатка.

Сначала я решил, что она должна похоронить мертвых птиц. Нет. Насколько мне было известно, в соответствии с ритуалом все должно оставаться на месте, пока стервятники и время не обглодают тела птиц до голых костей. Я встретился с ней взглядом и попытался понять, что выражают ее глаза. Она вежливо мне улыбалась.

– Боюсь, я заблудился.

– Идите по тропинке до ворот, – посоветовала она, указав мне рукой направление. – И пожалуйста, закройте их за собой, сэр.

Она знала. Знала, что я не заблудился, знала про жертвоприношение и догадалась, что я все видел. Она внимательно меня разглядывала, я прочитал в ее взгляде презрение.

– Спасибо. Я буду рад найти дорогу обратно.

– К вашим услугам, сэр.

Мы вели себя исключительно вежливо, но от нее у меня мурашки бежали по коже. Я пошел прочь, изо всех сил стараясь не ускорять шага. Подойдя к воротам, я оглянулся. Она всю дорогу тихо шла за мной, чтобы убедиться, что я ушел. Я поднял руку и с глупым видом помахал, словно прощаясь с ней. Она поспешно отвернулась, и я покинул сад, плотно закрыв за собой ворота.

Моим первым ребяческим желанием было броситься к отцу и рассказать о том, что я видел. Если бы Росс и Сесиль еще не произнесли обеты, я бы так и сделал. Но они уже стали супругами, и мои отец и мать дали клятвы родителям Сесиль. Я уже не мог помешать семье связать свое доброе имя с язычниками Поронтами. Я медленно прошел через первый сад и оказался на террасе, по дороге приняв решение подождать и рассказать все отцу, когда мы сможем побыть наедине. Как глава семьи, он решит, что делать дальше. Будет ли то, что я узнал, достаточным основанием для обращения в высший храм с просьбой расторгнуть брак? Сесиль и остальные члены семьи Поронт призывали доброго бога в свидетели своих клятв. Означает ли жертвоприношение, устроенное в тайном саду, что они не считают себя связанными обещаниями, данными ему? Не насмеялись ли они в глубине души над моими родителями, произнося слова, в которые не вкладывали никакого смысла?

На террасе гости отдыхали и вели беседы, женщины обмахивались веерами, пытаясь отогнать жару. Я изобразил на лице улыбку и постарался ни с кем не встречаться глазами. Когда я проходил мимо, никто со мной не заговорил.

В бальной зале продолжали играть музыканты, кружились пары. Я сказал себе, что нет никакого смысла размышлять о страшных вещах, увиденных мной, и я не стану этого делать, пока не представится возможность рассказать обо всем отцу. На танцующих было приятно посмотреть, и я уже почти успокоился, когда Карсина, явно успевшая оправиться после нашего разговора, скользнула мимо меня в паре с Кейзом Ремваром. Я отвернулся и направился в столовую.

Громкие разговоры почти заглушали там музыку, доносившуюся из бальной залы. Слуги метались по комнате, подавали новые блюда, наполняли бокалы, уносили грязные тарелки, заменяя их на чистые. Ароматы еды окружили меня, желудок принялся бурно протестовать, и голод с новой силой напомнил о себе. Я несколько мгновений стоял, сглатывая слюну. Скучный завтрак, который я съел сегодня утром, оказался не в силах приглушить муки трехдневного голода. Мне казалось, я мог бы в одиночку опустошить любой из столов.

Гости беседовали между собой и, переходя от одного стола к другому, брали тут фрукт, там конфету или пирог. Я знал, что не могу положиться на собственную решимость держать себя в руках. Поэтому я нашел свободный стул около чистого прибора, рядом с которым никого не было, и сел. Мне показалось, что прошло несколько лет, прежде чем меня заметил слуга.

– Могу я вам что-нибудь принести, сэр, или вы предпочитаете выбрать сами?

Я сглотнул и тяжело вздохнул. Внутри у меня все болело.

– Будь любезен, принеси маленькую порцию мяса, кусок хлеба и, пожалуй, бокал вина.

Он вскинулся, словно я окатил его холодной водой.

– И все, сэр? – заботливо спросил он. – Или остальное мне выбрать для вас самому?

Он оглядел мое грузное тело, словно не верил своим ушам.

– Мясо, хлеб и бокал вина. Этого будет достаточно, – заверил я его.

– О, если вы уверены... только мясо, хлеб и вино?

– Я уверен. Спасибо.

Он поспешно умчался, и я увидел, как он подозвал другого слугу, видимо подчиненного, махнул в мою сторону рукой и передал ему заказ. Тот покосился на меня, удивленно расширил глаза, затем ухмыльнулся, отвесил преувеличенный поклон и убежал. Я вдруг понял, что вцепился руками в край столешницы, и сложил их на коленях. Еда. Я дрожал от вожделения. Острота моего обоняния и страстность, с которой я мечтал о еде, пугали меня самого. Впервые я задумался, можно ли назвать естественным мой аппетит. Несмотря на пост, одежда на мне все равно становилась все теснее. Как я могу не есть и все равно толстеть? Неожиданно мне в голову закралось пугающее подозрение. Магия. Не последствия ли это вторжения в мою жизнь древесного стража? Я вспомнил, каким видел свое другое «я» в ее мире. У него был

огромный живот и жирные ноги. Неужели, когда я вернул его, я получил вместе с ним и эти его особенности?

Невозможно. Я не верил в магию. Я не верил в магию отчаянно, так же как раненый солдат не верит в ампутацию.

«Забери ее, забери, – молил я доброго бога. – Если это магия, забери ее, спаси меня от нее».

Танцующее Веретено вращалось для меня. Я летал на нем и видел, как оно остановилось. Разве я не верил в то, что это произошло? Я вспомнил седло, вдруг переставшее держаться на спине Гордеца. Но современный разумный человек во мне спрашивал, не обманываю ли я себя. Может быть, подпруга ослабла из-за моего огромного веса. Если остановка Веретена означала конец магии равнин, разве не перестали бы держаться седла всех всадников каваллы?

Я подумал, что стоит спросить сержанта Дюрила, не было ли у него проблем с подпругой. Затем вздохнул, осознав, что сейчас мне не хватит смелости искать его и задавать вопросы. Я разочаровал его, и в каком-то смысле рухнувшие ожидания моего старого наставника казались мне более серьезным провалом, чем неудовольствие отца. И где же моя еда? Голод снова занял все мои мысли, прогнав остальное на задний план.

Однако к моему столу приблизились мой отец и мать, а не слуга с едой. Я даже не заметил, как они вошли в комнату. Отец сел на стул рядом со мной, мать – чуть дальше. Взглянув на их лица, я понял, что до них еще не добрались слухи о моей ссоре с Карсиной. Следом появился слуга, который нес их тарелки. Когда он поставил их на стол и аромат окутал меня, я едва не потерял сознание.

– Не стоит впадать в крайности, Невар, – тихонько прошептал отец, наклонившись ко мне. – Ты должен хоть что-нибудь съесть и показать, что тебе нравится, как хозяйка подготовили празднество. Твое сидение за пустым столом во время пира выглядит так, словно ты не одобряешь этот союз. Это оскорбительно для хозяев дома. И да защитит нас добрый бог, вот они идут.

Хуже выйти не могло никак. Лорд и леди Поронт вошли в комнату не затем, чтобы перекусить, они прохаживались среди гостей, приветствовали их, принимали поздравления и комплименты по поводу чудесного праздника. Они, улыбаясь, подошли к нам и увидели меня – несчастного, в буквальном смысле, голодного на пиру. Мне отчаянно захотелось испариться.

Леди Поронт улыбнулась нам, затем удивленно взглянула на пустую тарелку, стоящую передо мной.

– Неужели ты не смог выбрать ничего подходящего, Невар? – встревоженно прошептала она, словно обращаясь к ребенку. – Может быть, попросить нашего повара приготовить для тебя что-нибудь особенное?

– О нет, благодарю вас, леди Поронт. Все выглядит и пахнет так восхитительно, что я не решился сам сделать выбор. Уверен, слуга сейчас появится.

И тут моему достоинству и гордости моего отца был нанесен завершающий удар – появился слуга с едой. В каждой руке он нес по блюду. Не тарелки, а целые подносы, причем наполненные до краев. На одном громоздились куски мяса всевозможных сортов, ломти ветчины, половинка копченого цыпленка, так тонко настриганная говядина, что она даже смялась складками, нежные котлеты из ягненка, политые мятным соусом, и горка острого паштета. На другом блюде вместо затребованного мной простого хлеба мне подали два круассана, пшеничную лепешку, две горячие булочки, темные ломти ржаного хлеба рядом со светлым пшеничным и клецки в густой коричневой подливке. Ухмыляясь, словно он совершил нечто достойное восхищения, слуга поставил передо мной оба блюда и поклонился, чрезвычайно довольный собой.

– Не беспокойтесь, сэр, я знаю, как обслуживать людей вроде вас. Как вы и попросили, только мясо и хлеб. Сейчас я принесу ваше вино.

Он быстро повернулся и оставил меня, окруженного едой.

Я смотрел на россыпи хлеба и мяса, раскинувшиеся передо мной, и понимал, что мой отец ошеломлен моим необузданным обжорством. Потрясенная хозяйка дома изо всех сил пыталась сделать вид, что она польщена. И, что хуже всего, я знал, что могу съесть это все, и с огромным удовольствием. Во рту у меня собралось столько слюны, что мне пришлось сглотнуть, прежде чем я смог заговорить:

– Здесь слишком много еды. Я попросил немного мяса и хлеба.

Но слуга уже умчался, а я не мог оторвать глаз от еды и знал, что никто за столом мне не верит.

– Но это же свадьба! – отважилась наконец вставить слово леди Поронт. – Так почему бы и не отпраздновать ее как следует?

У нее были самые лучшие намерения, – скорее всего, она хотела, чтобы я не смущался из-за того, что у меня такой ужасный аппетит, не поддающийся дисциплине, и что я повел себя с такой неприкрытой жадностью за ее столом, но ее слова поставили меня в очень непростое положение. Если я отведаю лишь маленький кусочек чего-нибудь, не покажется ли ей, что я пренебрегаю ее гостеприимством? Я не знал, что делать.

– Все выглядит просто замечательно, особенно после простой пищи, которой нас кормят в Академии, – проговорил я.

Я все еще не решался взять вилку. Мне отчаянно хотелось, чтобы они все куда-нибудь исчезли, я не мог есть у них на глазах. Однако я прекрасно понимал, что и отказаться от еды я тоже не в силах.

– Прошу тебя, Невар, – холодно произнес отец, словно прочитав мои мысли, – не обращай на нас внимания, наслаждайся свадебным пиром.

– Пожалуйста, – подтвердил лорд Поронт.

Я взглянул на него, но не смог разобрать выражение его лица.

– Ваш слуга слишком щедр, – снова рискнул заметить я. – Он принес мне гораздо больше, чем я попросил.

Затем, опасаясь, что мои слова прозвучали невежливо, я добавил:

– Но уверен, у него были самые лучшие намерения.

Я взял вилку и нож и покосился на родителей. Мать попыталась улыбнуться, словно ничего особенного или необычного не происходило, потом отрезала кусочек от своей порции мяса и съела его.

Я наколот на вилку одну клецку, плавающую в подливке, и положил в рот. Божественно. Внутри она оказалась нежной и зернистой, а сверху была пропитана великолепным бульоном. Я почувствовал вкус мелко нарезанного сельдерея, сочного лука и лаврового листа, а также густого мясного соуса. Никогда прежде я не был так увлечен своими вкусовыми ощущениями. Дело было не только в ароматах. Я наслаждался солоноватым вкусом ветчины и тем, как острый паштет контрастировал с мягким хлебом. Круассаны были прослоены маслом, и тончайшее тесто, словно снежинки, ласкало мой язык. Цыпленка выкормили зерном и по всем правилам выпустили из него кровь, прежде чем запечь на дымном огне, чтобы придать ему аромат и сохранить мясо сочным. Ржаной хлеб показался мне просто потрясающим. Я запил еду вином, и слуга принес мне еще. Я ел.

Я ел, как никогда прежде. Я забыл о людях, сидевших рядом со мной, и празднике вокруг. Мне было все равно, что подумает отец или почувствует мать. Я не беспокоился, что Карсина может случайно оказаться рядом и прийти в ужас от моего аппетита. Я просто ел, и меня не покидало сильнейшее наслаждение от изысканной пищи после долгого поста. Я был захвачен плотскими удовольствиями, чувствовал глубокое удовлетворение от того, что могу наконец восполнить свои запасы, и больше ни на что не обращал внимания. Не знаю даже, сколько времени ушло у меня на то, чтобы опустошить оба блюда, и разговаривал ли кто-нибудь за

столом. В какой-то момент лорд и леди Поронт обменялись любезностями с моими родителями и отправились к другим гостям. Я едва это заметил. Я был полностью поглощен простым и всеобъемлющим удовольствием – едой.

Только когда оба блюда опустели, я снова начал осознавать мир вокруг меня. Отец сидел молча, каменно застыв, мать улыбалась и что-то говорила в безнадежной попытке сохранить образ супругов, ведущих между собой самую обычную беседу. Ремень впивался мне в живот, но смущение боролось во мне с почти невыносимым желанием встать и отправиться на поиски стола со сладостями. Несмотря на огромное количество съеденного, я все еще остро ощущал запах теплого ванильного сахара, висящий в воздухе, и аромат пирожных с клубникой.

– Ты уже закончил, Невар? – спросил мой отец так ласково, что кто-нибудь посторонний мог бы счесть его невероятно добрым человеком.

– Я не знаю, что на меня нашло, – сокрушенно ответил я.

– Это называется обжорством, – безжалостно заключил он.

Он тщательно следил за выражением своего лица и говорил очень тихо, а его взгляд тем временем блуждал по комнате. Он кивнул кому-то из знакомых.

– Никогда прежде я не испытывал такого стыда за тебя, – добавил он с улыбкой. – Ты ненавидишь своего брата? Пытаешься унизить меня? Что движет тобой, Невар? Ты надеешься избежать военной службы? Тебе это не удастся. Так или иначе я прослежу за тем, чтобы ты подчинился собственной судьбе. – Он повернул голову и помахал рукой еще одному знакомому. – Я предупреждаю тебя. Если не будешь заботиться о своем теле и духе, если не получишь звания в Академии и не женишься на девушке из благородной семьи, то станешь рядовым пехотинцем. Можешь не сомневаться, мальчик, так и будет.

Только я и моя мать слышали язвительность в его голосе. Она побледнела, а глаза сделались огромными, и я вдруг понял, что она боится моего отца, а сейчас ее страх достиг своего предела. Он мельком глянул на нее:

– Пожалейте себя, миледи, и уйдите, если этот разговор вас огорчает. Я разрешаю вам уйти.

Так она и сделала, успев бросить в мою сторону извиняющийся взгляд. В глазах у нее застыла тревога, но она заставила себя улыбнуться, встала и слегка помахала нам рукой, словно сожалела, что вынуждена нас ненадолго покинуть. Затем быстро прошла через комнату в зал.

Я растянул губы в улыбке и проклял свой собственный раболепный страх перед отцом.

– Я сказал правду, отец. Я попросил слугу принести мне немного мяса и хлеба. А когда он подал два больших блюда, да еще в присутствии леди Поронт, что еще мне оставалось делать? Пренебречь роскошным угощением, которое они нам предложили? Заявить, что эта еда мне не подходит, и отказаться от нее? Слуга поставил меня в неловкое положение, но я постарался выйти из него с достоинством. Что мне следовало сделать?

– Если бы ты сам взял себе немного еды, а не ждал, когда тебя обслужат, словно ты сын старого аристократа, ничего этого не случилось бы.

– А если бы я родился с даром предвидения, именно так я и поступил бы, – резко ответил я и в ошеломленной тишине, последовавшей за моими словами, сам удивился, откуда взялись эти слова.

Изумление от того, что я посмел возражать отцу, стерло улыбку с его лица. Мне хотелось верить, что на одно короткое мгновение в его глазах промелькнуло уважение, но он тут же прищурился, сделал глубокий вдох, словно собирался что-то сказать, затем с презрением выдохнул:

– Сейчас не время и не место, но, обещаю тебе, мы еще выясним этот вопрос. До конца сегодняшнего дня говори поменьше и ничего не ешь. Это не просьба, Невар. Это приказ. Ты меня понял?

Я придумал дюжину возможных ответов, но уже после того, как коротко кивнул и он отодвинул стул и оставил меня одного. Два громадных пустых блюда на столе укоряли меня. В моем бокале оставался еще глоток вина, я с горечью подумал, что отец ничего не сказал про питье, и осушил его.

Когда вечером я снова взобрался на козлы рядом с кучером, я был пропитан бренди, словно фруктовый пирог, но это, разумеется, считалось подобающим поведением для сына-солдата, и никто мне ничего не сказал.

Глава 6

День писем

В течение следующих дней праздника я изо всех сил старался оставаться незамеченным. Это было непросто. Мне приходилось присутствовать на обедах, и в доме, полном гостей, я не мог совсем ни с кем не встречаться и не разговаривать. Самым неприятным для меня оказалось то, что мои родители пригласили погостить у нас Гренолтеров. Карсина и моя сестра Ярил при любой возможности давали понять, сколь дурного они обо мне мнения. Если я ненароком входил в комнату, где они сидели, они тут же с презрительным видом удалялись. Меня это бесило, и особенно потому, что мне ни разу не удалось ответить им тем же. Я убеждал себя, что с моей стороны ребячливо пытаться показать Карсине свое безразличие, но в глубине души мне отчаянно хотелось, чтобы ее гордость была так же уязвлена, как моя. Я утешался лишь беспощадно подробным описанием моих встреч с ней в дневнике сына-солдата.

Росс и Сесиль уехали в свадебное путешествие. Они собирались добраться по реке до Старого Тареса, где дядя устроит в их честь прием. У Сесиль в столице жили две тети и три дяди, так что в течение нескольких недель Росса будут выставять на всеобщее обозрение и подвергать строгой оценке, прежде чем они вернутся домой и поселятся в приготовленных для них комнатах. Я сочувствовал им из-за того, что им придется начинать совместную жизнь под кровом отца, который, вне всякого сомнения, позволит им немного уединения и еще меньше самостоятельности.

Мы с ним находились в состоянии войны. В присутствии гостей он вел себя вежливо, но, как только все разъехались, перестал скрывать свое неудовольствие. В тот вечер, когда в доме снова должны были воцариться мир и покой, он буквально высек меня тирадой о всех моих проступках, так и не дав возможности ответить на обвинения. Я собирался ему возразить, но совершенно неожиданно наткнулся в себе самом на островок ледяного спокойствия и понял, что не собираюсь с ним спорить. Когда он сердито сообщил, что я свободен, я отправился в свою комнату, лег в постель и большую часть ночи провел, глядя в потолок и пытаясь справиться с яростью. Отец вел себя со мной, как с нашкодившим щенком, и ему было все равно, что я могу сказать в свое оправдание. Отлично. В таком случае он вообще ни слова от меня не услышит.

После этого наше противостояние проходило в полной тишине. Я избегал отца. Когда мать заводила со мной разговор, я рассказывал об Академии, своих друзьях и преподавателях, а также о семье дяди. Мой вес и войну с отцом мы не обсуждали. Когда я оставался один, я вспоминал свою детскую привычку проводить время на реке, часто ходил на рыбалку и считал дни до окончания «праздника», когда я смогу вернуться в Академию.

Моя холодная война с отцом сделала его раздражительным, и он часто срывал гнев на остальных членах семьи. Элиси пряталась за книгами и занятиями музыкой. Ярил часто ходила с красными от слез глазами. Отец сурово отчитал ее за «бесстыдный флирт» с Кейзом Ремваром. Семья этого юноши не сделала нашей брачного предложения. Будучи свободным от каких бы то ни было обязательств, Кейз на свадьбе Росса танцевал, обедал и разговаривал со многими девушками на выданье. Я подозревал, что причина кроется в его характере, но Ярил во всем винила меня. Я мог бы ей отомстить, рассказав отцу о том, как она целовала Ремвара еще до моего отъезда в Академию, но, несмотря на боль и обиду, знал, что последствия для нее будут куда более суровыми, чем заслуживает ее глупость. И, храня этот секрет от отца, я поступал плохо по отношению к нему. Он считает, что знает все про свою семью и про то, как управлять жизнью своих детей. На самом деле он ничего о нас не знает.

Прежде чем вернуться в семинарию, Ванзи отправился навестить своих друзей, живущих поблизости. Мне удалось улучшить минуту и наедине пожелать ему успеха. Большую часть наших жизней мы провели вдали друг от друга, и мне больше нечего было сказать младшему брату. Мы с ним были чужими, нас объединяли лишь родственные узы.

Мать надеялась, что я проведу дома еще по меньшей мере неделю, но на третий день после отъезда гостей я уже жаждал двинуться в путь. Она нашла обрезки ткани, оставшиеся после шитья формы, и с большим трудом сумела расставить брюки и куртку. Почищенный мундир выглядел почти как новый. Мать аккуратно завернула его в плотную бумагу и перевязала бечевкой, предупредив, чтобы я не трогал его в дороге и тогда мне будет во что переодеться, когда я приступлю к занятиям. Ее забота меня тронула. Я забрал пакет и уже собирался сказать, что уеду завтра утром, когда прибыл один из людей отца из Приюта и привез необычно большой сверток с почтой. Мать тут же принялась разбирать письма. Я наблюдал за ней, дожидаясь подходящего случая, чтобы заговорить.

– Письмо твоему отцу из Академии. Наверное, очередное приглашение прочитать лекцию. О, а вот два, нет, три письма для тебя. Кто-то вычеркнул адрес Академии и переслал их сюда, вместо того чтобы придержать их для тебя там. Как странно. А это, видимо, приглашения в гости для Росса и Сесиль, когда они вернутся из путешествия. Смотри, письмо для Ярил от Карсины. В последние несколько месяцев они так много переписываются.

Я едва слушал ее после того, как забрал у нее конверты. Первый был сизого цвета, на плотной бумаге, но меня поразило не это, а обратный адрес. Мне писал Колдер Стит из Нового. Значит, он все-таки отправился жить со своим дядей-ученым. Его гордый отец не пожелал иметь ничего общего с сыном-солдатом, после того как чума иссушила его, превратила в тень и сломила дух. Мальчишка доставлял кучу неприятностей первокурсникам из семей новых аристократов, а мне в особенности. И все же меня возмутило то, что сделал полковник Стит. Он буквально отдал сына младшему брату, чтобы тот воспитал из него ученого, а не солдата. Какая безнравственность! Я покачал головой и посмотрел на два других письма.

Одно было от Эпини, а другое от Спинка, и меня удивило, что они оба написали мне. Обычно Эпини присылала длинные подробные повествования, а Спинк делал в конце коротенькие приписки. Я внимательно изучил конверты. Все три пришли на мой адрес в Академии, но их переслали мне домой. Я нахмурился. Зачем бы Рори отправлять письма следом за мной, если я скоро вернусь в Академию?

Любопытство заставило меня первым вскрыть письмо от Колдера. Его почерк ничуть не улучшился. В короткой и вежливой записке он сообщал мне, что его дядя изучает камни и очень заинтересовался моим подарком. Не мог бы я прислать им подробную карту места, где я его нашел? Он будет моим вечным должником, если я это сделаю, и навсегда останется моим другом. Я нахмурился, пытаясь понять, какую очередную пакость или розыгрыш он задумал. Хотя мы расстались не в худших отношениях, я не доверял маленькому проныре и не собирался делать ему одолжение. Я бы без лишних размышлений отложил письмо, если бы в нем не нашлась еще и записка от его дяди, написанная великолепным почерком на очень дорогой бумаге. В ней говорилось, что он занимается геологией и изучает минералы, а мой камень оказался очень интересным по своему составу. Он будет чрезвычайно мне признателен за потраченные силы и время, если я выполню просьбу Колдера. Раздраженно фыркнув, я отложил обе записки в сторону. Я ничего не был должен Колдеру и тем более его дяде. Единственная причина, по которой я не выбросил письмо сразу, заключалась в том, что отец Колдера и моя тетя Даралин были дружны и дядя Сеферт мог узнать, что я повел себя невежливо. А вот ему я многим был обязан. Я отвечаю на письмо. Позже.

Следующим я открыл послание Спинка, и первые же строки заставили меня задохнуться.

Чума спеков пришла в Горький Источник. Эпини серьезно заболела, и я опасаюсь за ее жизнь.

Листы выскользнули из моей руки и упали на пол. С отчаянно колотящимся сердцем я схватил конверт от Эпини и быстро его вскрыл. Я увидел знакомый почерк, только, может быть, чуть более неровный, чем обычно. В первой строке говорилось:

Надеюсь, письмо Спинка тебя не слишком напугало. Лечение водой из источника дало потрясающие результаты.

Мое сердце все еще колотилось. Я собрал разлетевшиеся страницы письма Спинка и отправился со всей своей почтой в гостиную. Я раскрыл шторы, чтобы впустить в комнату больше света, и сел на мягкий стул, разложив перед собой на столе письма. Я разгадал их загадку. Письмо от Спинка пришло в Академию несколькими днями раньше, чем от Эпини, но сюда их переслали вместе. Успокоив свои худшие страхи, я сел, чтобы прочитать все по порядку.

Письмо Спинка причинило мне боль, и даже послание Эпини, означавшее, что она жива, не могло совсем успокоить тревогу. Он не знал, как чума пришла в Горький Источник. Никто не докладывал ни о спеках, ни о больных чумой. Он сам медленно, но верно выздоравливал, хотя время от времени с ним по ночам случались приступы лихорадки. Спинк считал, что оставил болезнь позади, в Старом Таресе. Сначала она поразила небольшое поселение жителей равнин, неподалеку от Горького Источника, и едва не опустошила деревню, в которой из семнадцати семей осталось семь. Прежде чем они поняли, что имеют дело с чумой спеков, она начала распространяться. Заболели две сестры Спинка, и Эпини настояла на том, что будет за ними ухаживать. Она утверждала, что, поскольку уже перенесла чуму однажды, та ей, скорее всего, больше не страшна. Она ошиблась. Когда Спинк отправлял мне письмо, обе его сестры и Эпини находились в очень тяжелом состоянии, без надежды на выздоровление. Мать Спинка и он сам из последних сил их выхаживали, но он опасался, что она не выдержит и сама падет жертвой чумы. Он делал все, что мог, чтобы так же преданно ухаживать за Эпини, как она ухаживала за ним в Старом Таресе.

Какая ужасная ирония заключена в том, что болезнь, соединившая нас, может разлучить нас навсегда. Мне было так трудно написать ее отцу, что она больна. Скажу тебе честно, Невар, если она умрет, с ней умрет и лучшая часть меня. Мне кажется, у меня просто не останется сил и смелости, чтобы жить дальше. В последней надежде спасти их мы решили прибегнуть к тому, что моя мать называет «пустыми предрассудками». Я отвезу Эпини и сестер к Горькому Источнику, – говорят, он обладает целебными свойствами. Молись за нас.

Так заканчивалось письмо Спинка.

Я отложил его печальное послание в сторону и в волнении взял письмо Эпини. Оно было написано в ее обычной бессвязной манере, раздражающей всякого, кому хочется просто узнать, как обстоят у них дела. И тем не менее я заставил себя прочитать его медленно и внимательно.

Мой дорой кузен Невар!

Надеюсь, письмо Спинка тебя не слишком напугало. Лечение водой из источника дало потрясающие результаты. Поскольку я уже болела чумой, хотя и в куда более легкой форме, я, наверное, лучше других понимала, как серьезно она поразила меня сейчас. Знаешь, кузен, я не надеялась остаться в живых. Я даже не помню, как мы ехали в фургоне к источнику и как в первый раз меня погрузили в его воду. Мне сказали, Спинк сам отнес меня туда на руках, а потом, зажав мне рукой нос и рот, вместе со мной нырнул под воду,

где мы оставались настолько долго, насколько он смог задержать дыхание. Когда мы вынырнули, он повторил то же и со своими сестрами. Остальные заболевшие отправились в это путешествие вместе с нами и последовали нашему примеру.

Затем для нас разбили лагерь, расставив складные кровати под открытым, невероятно голубым небом и превратив зеленый луг около источника в полевой госпиталь. В первый же вечер, как я проснулась там, я почувствовала, что болезнь начала отступать. Однако я вела себя ужасно, капризничала и не слушалась, и бедняге Спинку пришлось засунуть меня в источник и держать там, а потом он заставил меня выпить огромное количество воды оттуда. У нее мерзкий вкус, а запах и того хуже! Моя лихорадка прошла еще не до конца, я орала на него, обзывалась и даже расцарапала ему лицо. И это все – за его беспокойство обо мне! Потом я снова уснула, но это был более глубокий, настоящий сон, и, когда я проснулась, чувствуя себя намного лучше, я первым делом потребовала сказать мне, кто его так исцарапал, чтобы с ней рассчитаться! Как же я была смущена, когда мне ответили, что я сама это сделала!

Мы стояли лагерем около источника примерно неделю и каждый день заставляли себя пить мерзкую, вонючую воду и готовили на ней почти всю еду. Когда я поняла, как быстро я поправляюсь, я потребовала, чтобы Спинк тоже пил вместе со мной целебную воду. Невар, ты представить себе не можешь, как он после этого изменился! Я не скажу, что он стал прежним, но он начал есть с аппетитом и двигается гораздо увереннее, и, что самое главное для меня, в его глазах вновь зажегся огонь, и он опять смеется. Он уже рассуждает о возвращении в Академию, к своим занятиям и карьере. О, если бы эта мечта могла сбыться!

А теперь я должна тебе рассказать...

– Что все это значит? – Исполненный ярости и муки голос отца оторвал меня от письма Эпини.

Отложив страницы, я поднял голову. Он стоял в дверях гостиной и в упор смотрел на меня, а затем бросился ко мне с таким видом, словно шел в атаку. В одной руке он держал большой конверт из Академии, в другой – несколько листов бумаги. Он принялся трясти ими перед моим носом. Его лицо покраснелось, на висках проступили жилы, и я бы не удивился, увидев на его губах пену, в такой он был ярости.

– Объясни мне это! – снова прорывал он. – Объясни, юный мерзавец!

– Если ты позволишь мне взглянуть, что это, возможно, я смогу дать тебе объяснения, – ответил я.

Я не хотел, чтобы мой голос прозвучал дерзко, но, разумеется, так и вышло.

Отец в ярости замахнулся, и я заставил себя встать, выпрямиться во весь рост и посмотреть ему в глаза в ожидании удара. Но он лишь с возмущенным рыком швырнул мне письмо. Мне удалось поймать его, прежде чем листки разлетелись по полу. Оно было написано на бланке Академии, но не полковником Ребином. Я узнал почерк доктора Амикаса. Сверху крупными буквами было написано: «Почетная отставка по медицинским показаниям». От удивления я раскрыл рот.

– Что ты наделал? Я потратил столько лет на твое обучение, я приглашал к тебе лучших наставников! Все эти годы я пытался научить тебя, что такое честь, и объяснить, что важно в этой жизни. Почему, Невар? Где я ошибся?

Мне было трудно читать, пока он кричит на меня. Я пробежал глазами страницу и выхватил несколько слов:

...состояние после выздоровления... вряд ли поддастся какому-либо лечению... может ухудшиться со временем... не сможет исполнять обязанности офицера каваллы... отчислен из Королевской Академии каваллы... вряд ли будет в состоянии удовлетворительно служить в любом подразделении армии на любом уровне...

Внизу стояла так хорошо знакомая мне подпись, приговаривающая меня к бесполезному существованию на подачки брата и под тяжестью презрения отца. Я медленно опустился на стул, все еще сжимая в руке страницу. В ушах у меня гудело, и я вдруг вспомнил о Веретене и его бесконечном танце. Во рту пересохло, я не мог издать ни звука. У отца таких затруднений не было. Он продолжал поносить меня за безответственное, самовлюбленное, глупое, бессмысленное, бездушное поведение. Неожиданно я смог сделать вдох и вспомнил, как разговаривать.

– Я не знаю, о чем это, отец. Правда не знаю.

– «Это» об окончании твоей карьеры, идиот! О том, что у тебя нет будущего, а твоя семья опозорена. Отчисление по медицинским показаниям из-за того, что ты стал слишком толстым! Вот это о чем! Будь ты проклят, парень! Будь проклят! Ты даже провалиться не смог с достоинством. Лишиться карьеры из-за того, что ты не в состоянии набивать рот едой! Что ты с нами сделал? Что подумают обо мне товарищи, узнав, что я вырастил такого сына?

Он замолчал, его руки, все еще сжимавшие остальные бумаги, дрожали. Он считал случившееся своим собственным поражением. Его позор. Его достоинство. Честь его семьи. Ему ни разу не пришлось в голову задуматься о моих чувствах. Он отошел к окну, повернулся ко мне спиной и принялся читать бумаги, подставив их к свету. Через пару мгновений я услышал, как он сдавленно выдохнул, словно получив удар в живот, потом медленно втянул в себя воздух и повернулся ко мне, продолжая держать перед собой бумаги.

– Какая грязь! – с чувством произнес он. – Из всех проступков, которые можно ожидать от собственного сына, – такое!

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – глупо повторил я.

Я никак не мог взять в толк, почему доктор не поговорил со мной перед отъездом. На мгновение я даже позволил вспыхнуть дикой надежде, что это ошибка, что приказ об отчислении был написан, когда я еще тяжело болел. Но взгляд на число, стоящее на бумаге, развеял это заблуждение. Добрый доктор подписал ее через несколько дней после моего отъезда из Академии.

– Я не понимаю, – пробормотал я, обращаясь скорее к самому себе, чем к отцу.

– Не понимаешь? Здесь все написано черным по белому. Читай сам.

Он отошел от окна, с сердитым видом пересек комнату и швырнул в меня бумаги. Впрочем, жест оказался бессмысленным, потому что ни одна из них до меня не долетела. Они рассыпались вокруг него по полу. Когда он громко захлопнул за собой дверь, порыв ветра еще больше разбросал их. Я наклонился за ними и невольно застонал. Живот мешал мне, а пояс брюк казался слишком тесным. С хмурым видом я начал собирать документы о своей отставке и записи, касающиеся моей жизни в Академии, включая медицинскую карту.

Я отнес их на стол и аккуратно разложил по пачкам. Странно. Все бумаги были обо мне, хотя ни одной из них я не видел раньше. Здесь даже имелась копия обвиняющего письма, которое полковник Стит отправил моему отцу касательно инцидента с кадет-лейтенантом Тайбером. А также сильно удивившие меня рекомендации капитана Моу, где говорилось, что я проявил выдающиеся способности и независимость мышления во время занятий инженерным делом и черчением и что, по его мнению, я принесу королевской кавалле больше пользы, служа разведчиком на границе. Не это ли так расстроило отца?

Я пролистал бумаги и обнаружил итоги контрольных работ по разным предметам. Все они были отличными. Вне всякого сомнения, тут я не обманул его ожиданий, хотя он ни за что бы в этом не признался.

Медицинская карта оказалась толстой. Я и не представлял себе, что доктор Амикас вел такие подробные записи и составил дневник течения моей болезни. Начинался он с очень подробных данных, но к четвертому дню, когда разразилась настоящая эпидемия и чума косила всех без разбора, записи стали совсем короткими. «Лихорадка продолжается. Пытался давать мятную воду, чтобы охладить организм». Ближе к концу карты я обнаружил записи о своем выздоровлении, затем подробное описание моего прибавления в весе. Он даже нарисовал график, и я увидел, что кривая неуклонно ползла вверх. Это ли рассердило отца? Теперь он знал, что я солгал, утверждая, что доктор считает это явление временным. Я смотрел на график, и внутри у меня все сжималось. Линия упрямо тянулась вверх с того самого дня, как отступила лихорадка. Неужели доктор ожидал именно такого результата? И как долго это вообще может продолжаться?

Ближе к концу я все же обнаружил то, что приговорило меня в глазах отца. Документ был написан не почерком доктора, мое имя стояло в верхней части листка, чуть ниже – число. Дальше шел ряд вопросов, показавшихся мне странно знакомыми, а под ними старательно записанные мои ответы.

В.: Ты ходил на праздник Темного Вечера в Старый Тарес?

О.: Да.

В.: Ты там ел или пил что-нибудь?

О.: Да.

В.: Что ты там ел? Что пил?

О.: Картошку, каштаны, мясо на шампурах.

Кадет отрицает, что пил что-либо.

В.: Ты встречал там спеков?

О.: Да.

Кадет отдельно упоминает женщину-спека. „Красивая“.

В.: Ты вступал в тот вечер в контакт с кем-нибудь из спеков?

Кадет уклоняется от ответа.

В.: Твой контакт включал половую связь?

Кадет отрицает. Расспросы продолжают. Кадет уклоняется от ответа. В конце концов кадет признает, что вступал в половую связь.

Я уставился на проклятые слова. Но ничего такого не было. Не было никакой близости со спеками во время праздника Темного Вечера, и я, конечно же, ничего такого не признавал. Теперь я вспомнил расспросы, смутно, темная тень на фоне слишком яркого окна. Он изводил меня вопросами, у меня пересохло во рту, а в голове стучала страшная боль.

«Да или нет, кадет. Имел ли ты физический контакт с кем-нибудь из спеков?»

Я что-то сказал ему, чтобы он наконец ушел. Но я не был близок с женщинами из племени спеков. По крайней мере наяву. Только в снах, навеванных лихорадкой, я сближался с древесным стражем. Только в снах.

Ведь правда?

Я покачал головой. Мне становилось все труднее отделять свою реальную жизнь от странных событий, пережитых мной с тех пор, как кидона Девара отдал меня магии равнин. Находясь в трансе, Эпини подтвердила, что я действительно расщепился надвое и один из нас пребывал в другом мире. Я был готов это принять. Я мог это принять, потому что думал, будто все закончилось. Я вернул утраченную часть себя и снова сделал ее своей. Я считал, что другое «я» сольется с моей истинной сущностью и противоречия перестанут меня терзать.

Однако время от времени этот чужак вмешивался в мою жизнь, и его воздействие на меня становилось все более и более разрушительным. Я узнал его, когда сблизился со служанкой на ферме, и видел, как он ликовал у Танцующего Веретена. Я чувствовал, что именно тот Невар, тот мальчик-солдат пылал гневом в адрес Карсины. Я узнавал его по вспышкам ярости, пульсировавшим в моей крови. Именно он осмелился снять голубя с жертвенного крюка. И он помогал мне противостоять отцу в дни, последовавшие за свадьбой Росса. Его влияние на меня нельзя было назвать мудрым. Но он умел заставить меня собраться с духом и толкал вперед, заставляя отстаивать свои права. Ему, в отличие от меня, нравилось само противостояние. Я тряхнул головой. В этом он был сыном моего отца куда больше, чем я сам. Однако приходилось признать, порой я ценил его взгляд на мир. Он был со мной, когда я впервые увидел настоящий лес по дороге в Старый Тарес, и его гнев охватил меня при виде мертвых птиц на свадьбе Росса. В более спокойное время его представление о мире природы вытесняло мое. Я видел качающееся дерево или слышал голоса птиц, и на долю мгновения под его влиянием все это сливалось с самой моей сутью, чего не дано было понять сыну моего отца. Я больше не отрицал, что во мне живет спек, но делал все возможное, чтобы не дать ему вмешиваться в мою повседневную жизнь.

Однако на перемены, происходившие с моим телом, я не мог не обращать внимания, не мог исключить их из собственного мира. С точки зрения «настоящей» жизни они казались бессмыслицей. Суровая дорога домой и мой добровольный пост должны были заставить меня потерять вес, но я лишь стал еще толще. Так не мог ли я заразиться чумой, потому что мне снилась связь с женщиной из племени спеков? Была ли моя полнота следствием болезни? В таком случае я больше не могу отрицать, что магия теперь пронизывает всю мою жизнь. На одно жуткое мгновение мне показалось, что она уже полностью овладела мной.

Я заставил себя отбросить эти мрачные мысли. Они слишком пугали меня. Почему это случилось со мной? Последовательно, словно выстраивая математическое доказательство, я вернулся к началу перемен в себе, к тому месту, где моя дорога свернула с широкого пути обещанного мне будущего в кошмар настоящего. Я знал, когда у меня отняли власть над моей жизнью. А в следующее мгновение понял, кого в этом винить.

Отца.

Чувство вины внезапно оставило меня. Эта мысль словно заново упорядочила все события, происшедшие после моего знакомства с Девара.

– Это не моя вина, – тихо проговорил я, и эти слова прохладным бальзамом пролились на мои ноющие раны.

Я посмотрел на дверь гостиной. Она захлопнулась, отец ушел, но я все равно сказал, обращаясь к нему, хотя это и прозвучало несколько по-детски:

– Я ни в чем не виноват. Ты это сделал. Ты вывел меня на эту дорогу, отец.

Впрочем, радость от того, что я нашел виновника своих несчастий, длилась недолго, поскольку это ничего не меняло. Удрученный, я откинулся на спинку стула. Не важно, кто стал причиной случившегося. Я взглянул на свое уродливое тело, заполнявшее весь стул. Ремень брюк впивался в живот, и с тяжелым вздохом я спустил его пониже. Я видел, как точно так же толстые старые солдаты выпускали поверх пояса свое пивное брюшко, и теперь понял зачем. Так удобнее.

Я собрал бумаги и попытался засунуть их обратно в конверт, но заметил среди них еще одно письмо.

Оно было адресовано мне и написано доктором Амикасом. В ребяческой ярости я швырнул его на пол. Что еще плохого он мог мне сообщить, хуже, чем он уже сделал?

Я несколько мгновений разглядывал письмо, затем с трудом наклонился, поднял и вскрыл его.

«Дорогой Невар», – писал доктор. Не «кадет Невар». Просто «Невар». Я сжал зубы и принялся читать.

Я совершил должное с огромным сожалением. Прошу тебя, помни, что твое отчисление из Академии почетно, ты ничем не запятнал свою репутацию. И тем не менее я думаю, что сейчас ты меня ненавидишь. Или, возможно, за прошедшие с нашей последней встречи недели ты понял, что с твоим телом что-то не так и тебе придется научиться жить дальше с этим изъяном. К несчастью, этот изъян делает тебя совершенно непригодным для службы в армии.

Ты смог понять, что те из твоих товарищей, чье здоровье пошатнулось после чумы, вынуждены отказаться от своих надежд стать офицерами каваллы. Теперь я прошу тебя взглянуть на свой недуг в том же свете. Ты так же физически непригоден к карьере военного, как Спинрек Кестер.

Сейчас ты, возможно, думаешь, что твоя жизнь кончена или что тебе нет смысла жить дальше. Я молю доброго бога, чтобы тебе хватило сил увидеть открытые перед тобой другие дороги. Я заметил, что у тебя острый ум, а для того, чтобы его использовать, далеко не всегда требуется здоровое тело. Подумай о том, как еще ты можешь приносить пользу, и направь на это свою волю.

Мне было совсем не просто принять такое решение. Надеюсь, ты ценишь то, что я откладывал его столько, сколько мог, надеясь на ошибку даже тогда, когда уже не осталось надежды. Мои исследования и чтение рукописей позволили мне выявить по меньшей мере еще три случая, которые, пусть и плохо описанные, показывают, что твоя реакция на чуму является редкой, но не уникальной.

Хотя я уверен, что сейчас ты не слишком на это настроен, я прошу тебя поддерживать со мной связь. У тебя есть возможность превратить свое несчастье в благо для медицинской науки. Если ты будешь еженедельно записывать свою прибавку в весе и размерах, а также количество съеденной тобой пищи и присылать эти сведения мне каждые два месяца, они будут мне хорошим подспорьем в изучении чумы и ее последствий. Таким образом, ты сможешь послужить своему королю и армии, поскольку я уверен, что все сведения об этом заболевании, которые нам удастся собрать, в конце концов станут оружием против нее.

Да благословит тебя добрый бог.

Доктор Джейкиб Амикас

Я аккуратно сложил письмо доктора, хотя больше всего мне хотелось разорвать его на мелкие клочки. Что за наглость – сначала разрушить все мои надежды, а затем предположить, что я стану тратить «так удачно» освободившееся время на то, чтобы подробно описывать свои несчастья и помогать ему в изысканиях! Очень медленно и тщательно я сложил и убрал все документы и письма обратно в конверт. Закончив, я взглянул на него и подумал, что внутри похоронены мои мечты.

Я не смог заставить себя дочитать письмо Эпини. Я пытался, но оно все состояло из пустой болтовни о ее новой жизни со Спинком. Ей нравилось заботиться о цыплятах и собирать еще теплые яйца. Хорошо. Рад за нее. По крайней мере хоть кто-то с надеждой смотрит в будущее, пусть даже связанное с цыплятами. Я собрал бумаги, вышел из гостиной и медленно поднялся по лестнице в свою комнату.

В последующие дни я бродил по родному дому, точно призрак. Я вошел в бесконечный тоннель черного отчаяния. Вот это ежедневное существование, наполненное бессмысленными делами, и есть мое будущее. Больше мне ждать нечего. Я прятался от отца, а сестры сами старательно помогали мне избегать их. Однажды, когда я столкнулся в коридоре с Ярил, ее лицо исказила гримаса отвращения, а в глазах вспыхнула ярость. Никогда прежде она не была так похожа на отца. В ужасе я не мог оторвать от нее взгляда, а она демонстративно пододбала юбки, чтобы не коснуться меня, и умчалась в музыкальную комнату, громко захлопнув за собой дверь.

Несколько мгновений я обдумывал, не зажать ли ее в углу, чтобы спросить, когда она успела стать такой злобной. В детстве я баловал ее и часто защищал от гнева отца. Ее предательство мучило меня больше прочих. Я сделал два шага следом за ней.

– Невар! – услышал я за спиной голос матери и, удивившись ее появлению, резко обернулся. – Позволь ей уйти, Невар, – мягко посоветовала мать.

Не в силах справиться с гневом, я бездумно обратился к матери.

– Она ведет себя так, словно мой вес стал для нее личным оскорблением, она не думает, как он повлиял на мою жизнь и чего я лишился из-за испытаний, выпавших на мою долю. Неужели она считает, что я сделал это добровольно? Неужели ты веришь, что я хочу выглядеть так?

Мой голос взлетел до крика. Однако мать ответила мне мягко и очень тихо:

– Нет, Невар, я в это не верю.

Ее серые глаза встретили мой взгляд спокойно и уверенно. Она стояла передо мной, маленькая и прямая, точно стрела, совсем как в те минуты, когда спорила с отцом. При этой мысли гнев покинул меня, словно вытек из проколотого бурдюка. Я почувствовал себя более чем опустошенным. Бессильным. И униженным собственной вспышкой гнева. Мне было так стыдно, что я понурился.

Думаю, мать все поняла.

– Пойдем, Невар. Давай найдем тихий уголок и поговорим.

Я молча кивнул и пошел за ней.

Мы прошли мимо музыкальной комнаты и гостиной, где сидела и читала стихи Элиси. Мать провела меня по коридору в маленькую каморку для молитв, примыкающую к женской части домашней часовни. Я хорошо помнил это помещение, хотя и не входил в него с детства, когда обо мне заботилась только мать.

Комнатка ничуть не изменилась. Полукруглая каменная скамья, развернутая к стене для медитаций. На одном ее конце установлена маленькая, аккуратная жаровня с бездымным огнем, на другом – чаша с водой. Стену для медитаций украшала фреска, изображавшая благословение доброго бога, а в небольшие, искусно сделанные ниши полагалось ставить жертвенные благовония. В двух уже горели подношения. Темно-зеленая, источавшая аромат мяты свеча едва теплилась в нише, раскрашенной, как корзина для сбора плодов, – ради хорошего урожая. Толстая черная пирамидка, пахнущая анисом, почти догорела в углублении чуть выше ангелоподобной детской головки – ради доброго здоровья.

Моя мать по-хозяйски ловко подхватила остатки анисового благовония черными щипцами и отнесла их в освященную чашу с водой. Угольки с шипением пошли ко дну. Мать постояла у чаши в благоговейном молчании, затем взяла чистую белую тряпицу из ровной стопки и тщательно вытерла нишу.

– Выбери следующее подношение, Невар, – предложила она мне, оглянувшись через плечо.

Она улыбнулась, и я едва не ответил ей тем же. В детстве я постоянно боролся с сестрами за право выбора и успел забыть, как это было для меня важно.

В комнате стоял специальный шкаф, украшенный изысканной резьбой, с сотней маленьких ящичков для разных благовоний. Я стоял перед ним, обдумывая, что выбрать, и вдруг спросил:

– А зачем ты приносила жертву во здравие? Кто-то болен?

– Зачем? – удивленно переспросила мать. – Ради тебя, разумеется. Чтобы ты выздоровел от своей болезни... от того, что с тобой случилось.

Я смотрел на нее, тронутый ее заботой и одновременно раздраженный тем, что она рассчитывала, будто ее молитвы и глупые ароматические подношения могут мне помочь. Лишь мгновение спустя я вдруг понял, что считаю ее жертву глупой. Это казалось игрой, чем-то вроде бессмысленного ритуала, затверженного наизусть, дар, который так мало нам стоил, что не имел никакого значения. Неожиданно мне захотелось узнать, какая доброму богу польза от горящих листьев, пропитанных маслом. Какому же бессмысленному божеству мы поклоняемся, если он готов дарить благословение в обмен на дым? Моя жизнь балансировала на шатком, источенном сомнением фундаменте. Я не знал, когда потерял веру в подобные вещи, чувствовал лишь, что ее больше нет. Когда-то добрый бог стоял между мной и мраком, и я считал его защиту крепостной стеной, а она оказалась всего лишь кружевным занавесом.

Украшенный изысканной резьбой, позолоченный и лакированный шкаф передо мной прежде казался мне блистающим прибежищем тайнства.

– Это всего лишь мебель, – вслух произнес я. – Комод с ящичками, забитыми плитками благовоний. Мама, здесь нет ничего, способного меня спасти. И я не знаю, что сможет. Если бы знал, я бы не колеблясь это сделал. Я даже охотно предложил бы старым богам кровавую жертву, если бы считал, что это сработает. Как семья Сесиль Поронт.

Я впервые упомянул об этом. Со дня свадьбы у меня не было ни малейшего желания разговаривать с отцом о чем бы то ни было.

Мать побледнела, услышав мои слова.

– Теперь Сесиль носит фамилию Бурвиль, Невар, – осторожно поправила она. – Сесиль Бурвиль.

Она подошла и открыла ящичек с полынью. Полынь – для мудрости. Достала зеленоватый кирпичик размером с кулак и отнесла к жаровне. При помощи позолоченных щипцов она поднесла его к углям, а потом наклонилась и дула на них, пока темно-красное тление не разгорелось до алого сияния. Тонкая струйка ароматного дыма поднялась в воздух, когда пламя одарило поцелуем уголок полынного кирпичика. Не глядя на меня, мать поставила его в нишу, посвященную здоровью.

Она постояла там несколько мгновений с молчаливой молитвой; привычка требовала, чтобы я присоединился к ней, и я пожалел, что не могу этого сделать. Моя душа была иссушена и утратила веру. В ней больше не находилось слов для восхвалений и просьб, только безнадежность.

– Ты знала, что Поронты поклоняются старым богам, не так ли? – спросил я, когда мать отвернулась от стены. – А отцу это известно?

Она нетерпеливо покачала головой, и я не понял, ответила она на мой вопрос или пыталась от него отмахнуться.

– Теперь Сесиль носит фамилию Бурвиль, – настойчиво повторила она. – Больше не имеет значения, что она делала в прошлом. Она будет поклоняться доброму богу, как все мы, каждый Шестой день, а ее дети будут воспитаны в его почитании.

– Ты видела мертвых птиц? – резко спросил я. – Видела эту жуткую карусель в их саду?

Она поджала губы, подошла к скамье и села, похлопала по сиденью рядом с собой, и я неохотно присоединился к ней.

– Они пригласили нас стать свидетелями, – тихо проговорила она. – Мать Сесиль прислала приглашение твоим сестрам и мне. Завуалированное, но я поняла, о чем оно. Мы при-

ехали слишком поздно. Сознательно. – Она помолчала немного, а затем искренне посоветовала: – Невар, забудь об этом. Я не думаю, что они на самом деле почитают старых богов. Это скорее традиция, некий ритуал, который нужно соблюсти, а не истинная вера. Женщины их семьи всегда совершали такие приношения. Сесиль отдала дар невесты Орандуле, старому богу равновесия. Мертвые птицы – это подношение стервятнику, воплощению Орандулы. Его собственных созданий убивают, а затем предлагают ему, чтобы накормить других птиц. Это равновесие. Надежда на то, что женщина, приносящая жертву, не потеряет детей во время родов или во младенчестве.

– Ты видишь смысл в том, чтобы предлагать мертвых птиц за живых детей? – сердито спросил я, а затем довольно резко добавил: – Неужели ты действительно видишь какой-то смысл в сжигании спрессованных листьев ради того, чтобы добрый бог дал нам то, о чем мы просим?

Она наградила меня странным взглядом.

– Это необычный вопрос для сына-солдата, Невар. Но возможно, ты его задаешь, потому что родился, чтобы стать солдатом. Ты пытаешься применить людскую логику к богу. Добрый бог не связан человеческой логикой или законами, наоборот, это нами руководят его законы и логика. Мы не боги и не можем знать, что доставляет богу радость. Нам дано Священное Писание, чтобы мы почитали доброго бога так, как это приятно ему, вместо того чтобы предлагать ему вещи, доставляющие удовольствие людям. Представь себе бога, который действовал бы, как принято у людей: что бы он потребовал у невесты в обмен на будущих детей? Что мог бы попросить такой бог за то, чтобы вернуть тебе утраченную красоту? И захотел бы ты ему это дать?

Она пыталась заставить меня думать, но ее последние слова меня укололи.

– Красоту? Утраченную красоту? Ведь дело вовсе не в тщеславии, мама! Я попался в западню этого неуклюжего тела; и что бы я ни делал, все без толку. Я не могу надеть сапоги или встать с кровати, не вспомнив о нем. Ты даже представить себе не можешь, что это значит – сделаться пленником собственного тела.

Она несколько мгновений молча смотрела на меня, затем улыбка мелькнула на ее губах.

– Ты был слишком маленьким, чтобы запомнить, как я вынашивала Ванзи и Ярил. Возможно, ты забыл, как я выглядела до рождения своих младших детей.

Она подняла руки, словно предлагая мне рассмотреть ее. Я взглянул на нее и тут же отвернулся. Время и роды изменили ее тело, сделали не таким изящным, как в молодости, но она была моей матерью. Она и должна так выглядеть. Я смутно помнил ее, когда она была моложе и стройнее и мы играли с ней в догонялки в молодом саду, едва поселившись в Широкой Долине. И я помнил ее последнюю беременность, когда она ждала Ярил, и как она с трудом передвигалась по нашему дому на болезненно распухших ногах.

– Но это совсем не то же самое, – возразил я. – Эти изменения, тогда и сейчас, они естественны. А то, что случилось со мной, – противоестественно. Мне кажется, будто я застрял в дурацком карнавальном костюме для праздника Темного Вечера и не могу его снять. Вас всех настолько занимает мое тело, что все вы – отец, Ярил и даже ты – не в состоянии разглядеть, что внутри я остался тем же Неваром! Изменилось только мое тело. Но вы со мной обращаетесь так, словно я и есть эти стены из жира, а не человек, запертый в них.

– Похоже, ты очень зол на нас, Невар, – немного помолчав, заметила мать.

– Конечно же! А кто не был бы зол в подобных обстоятельствах?

Она снова немного помолчала, а потом благоразумным тоном сказала:

– Возможно, тебе следует направить этот гнев против твоего настоящего врага и сильнее укрепить свою волю, чтобы вернуть себе прежний вид.

– Мою волю? – Я снова начал закипать. – Мама, это не имеет никакого отношения к силе воли. Я не забыл о дисциплине. Я работаю с рассвета до заката, а ем меньше, чем в детстве, но

продолжаю становиться все толще. Разве отец не рассказал тебе о письме доктора Амикаса? Доктор считает, что моя неестественная полнота вызвана чумой. А если это так, что я могу поделаться? Если бы я переболел оспой, никто не упрекнул бы меня за шрамы на лице. Если бы из-за чумы спеков я стал тощим и едва держался на ногах, все вокруг сочувствовали бы мне. Со мной случилось ровно то же самое, но меня почему-то все презирают.

Мне было невыносимо больно, что даже мать не понимает меня. Я надеялся, что отец объяснит моим родным и семье Карсины, что причиной моего состояния стала болезнь, но он никому ничего не сказал. Неудивительно, что Ярил не испытывает ко мне никакого сочувствия. Если же меня оставит мать, мой самый надежный и старый союзник, я останусь лицом к лицу со своей судьбой в полном одиночестве.

Она прибегла к последнему средству – заговорила со мной так, как будто мне семь лет и она поймала меня на очевидной лжи:

– Невар, я видела, как ты ел на свадьбе Росса. Как же ты можешь говорить, что теперь ты ешь меньше, чем в детстве? Ты съел столько, сколько хватило бы взрослому мужчине на неделю.

– Но... – Мне показалось, будто из меня вышибли дыхание.

Мать спокойно и так мягко смотрела прямо мне в глаза.

– Я не знаю, что произошло с тобой в Академии, сынок. Но ты не можешь спрятаться от этого за стеной жира. Мне ничего не известно про письмо от доктора твоему отцу. Но я знаю одно – я видела, как ты ешь, и это может изменить подобным образом любого.

– Неужели ты думаешь, что я ем так каждый раз?

Она продолжала сохранять спокойствие.

– Не кричи на меня, Невар. Я все еще твоя мать. А почему еще ты стал бы прятаться от семьи во время каждой трапезы, если не из-за стыда за свое обжорство? И это хорошо. Стыд – это добрый признак. Но вместо того чтобы скрывать свою слабость, ты должен сражаться с ней, милый.

Я резко вскочил на ноги – и впервые увидел тревогу на лице матери, когда она взглянула на меня снизу вверх. Она знала, что я могу раздавить ее.

Я заговорил медленно, обдумывая каждое свое слово:

– Я не обжора, мама, и не сделал ничего, чтобы заслужить такую судьбу. Это медицинское расстройство, и ты не права, думая обо мне так плохо. Ты меня оскорбляешь.

Со всем возможным достоинством я отвернулся и пошел прочь.

– Невар!

Прошло много лет с тех пор, как она произносила мое имя таким тоном. Он действовал на мой гнев, словно холодное железо на магию равнин. Несмотря на свою решимость, я повернулся к ней и увидел, что ее глаза блестят от слез и гнева.

– Только что ты сказал – здесь нет ничего, способного тебя спасти. Ты ошибаешься. Ты мой сын, и я тебя спасу. Что бы ни стало причиной перемены в тебе, я буду сражаться с твоим врагом. Я не отступлю, не стану бежать от трудностей и никогда от тебя не откажусь. Я твоя мать и, пока мы оба живы, останусь ею. Верь в меня, сын, потому что я верю в тебя. И я не позволю тебе разрушить свою жизнь. И сколько бы раз ты от меня ни отвернулся, я всегда буду рядом. Я тебя не подведу, верь мне, сын.

Я посмотрел на нее. Она сидела прямая, словно меч, и, несмотря на слезы, катившиеся по ее щекам, от нее исходило ощущение силы. Мне хотелось верить, что она сможет меня спасти. Сколько раз, когда я был маленьким, она становилась между мной и гневом отца. Сколько раз утешала и направляла в жизни. Но я мог ответить ей только одно...

– Я попытаюсь, мама.

Я развернулся и ушел, оставив ее наедине с благовониями, ароматным дымом и добрым богом.

Выходя из комнаты, я знал, что я по-прежнему один. Невзирая на добрые намерения матери, мне придется в одиночестве вести сражение за прежнюю жизнь. Она моя мать и очень сильна, но магия заразила мою кровь, словно болезнь. И что бы она ни делала, ей меня не излечить. Магия захватила меня, и я должен сражаться с ней сам. Я отправился в свою комнату.

Однако и там я не нашел утешения. Отброшенные письма по-прежнему лежали на столе. Мне отчаянно хотелось сесть и погрузиться в них, но у меня было неподходящее настроение, чтобы на них отвечать. Кровать жалобно застонала, когда я лег на нее, и я посмотрел на голые стены, простую мебель и одинокое окно. Моя комната всегда была суровой, лишенной уюта, комната, которая должна подготовить мальчика к жизни солдата. Сейчас же она превратилась в голую тюремную камеру, где мне суждено жить до конца дней. Каждую ночь я буду ложиться в одиночестве в постель, каждое утро вставать, чтобы выполнять приказы отца, а когда он умрет – Росса. Что еще может меня ждать? Неожиданно я задумался о побеге. Я представил, как мчусь галопом верхом на Гордеце, направляясь на восток, туда, где заканчивается Королевский тракт и начинаются горы. Эта мысль меня захватила настолько, что я едва не собрался встать с кровати и отправиться в путь этой же ночью. Сердце бешено заколотилось от этого безумного плана, но уже в следующее мгновение я пришел в себя и удивился собственному глупому порыву. Нет, я еще не готов отказаться от своей мечты. Пока вера моей матери поддерживает меня, я останусь здесь. Я буду сопротивляться магии и попытаюсь вернуть себе прежнюю жизнь. С этой мыслью я закрыл глаза и, сам того не желая, провалился в глубокий сон.

Мне ничего не снилось. Ощущения, наполнявшие меня, так же отличались от снов, как бодрствование от дремоты. Внутри меня бродила магия, как дрожжи бродят в тесте для хлеба. Я чувствовал, как она разрастается и ускоряет свой бег, распухает в моих жилах. Она набиралась сил в моем теле, пронизывала плоть, прибегая к помощи накопленных ею запасов. С растущим страхом я признался самому себе, что уже испытывал нечто подобное. Магия и раньше шевелилась во мне, и не просто шевелилась – она действовала. Что она сделала без моего понимания и согласия? Я вспомнил молодого человека с корабля и как он упал на лестнице после нашей перебранки. Это один случай, но наверняка были и другие.

Скопившаяся во мне магия что-то делала.

В языках, которые я знал, не было слов, чтобы это выразить. Могла ли моя плоть выкрикнуть слово беззвучно, не произнося его вслух? Могла ли магия, живущая где-то вне плотского мира, отдавать через меня приказы, чтобы где-то происходило нечто, чего она желала? Именно так это ощущалось. Я смутно чувствовал начало чего-то. Первое событие, которое вызовет цепь последующих, уже произошло. Закончив, магия успокоилась и затаилась во мне, а я вдруг ощутил страшную усталость и провалился в сон.

Когда я проснулся, солнце уже зашло. Получалось, что я проспал почти весь день. Я встал, тихонько спустился по лестнице и остановился внизу, прислушиваясь. Из кабинета отца до меня доносился его резкий голос. Росс уехал; я задумался, кого же он отчитывает. Вскоре я услышал тихий ответ матери. Ясно. Я быстро прошел мимо двери в кабинет, мимо музыкальной комнаты, где Элиси играла на арфе грустную мелодию. Молодой человек на свадьбе Росса не сделал ей предложения. Виновен ли в этом я? Наш дом стал средоточием печали, и все из-за меня. Я открыл входную дверь и шагнул в ночь.

Я прошел по знакомому темному саду и сел на скамейку, пытаясь осознать, что у меня больше нет будущего. Мне некуда пойти и нечем заняться. Паром ночью не ходит, и я не могу перебраться через реку в Приют Бурвиля. Я уже давным-давно прочел большую часть книг в нашей библиотеке, никаких идей в голову не приходило, друзей у меня не было. И так будет до конца моей жизни. Я буду заниматься тяжелым физическим трудом на наших землях, а потом бесцельно бродить по ночам. Я стану тенью в родном доме, бесполезным лишним сыном, и ничем более.

Я тряхнул головой, чтобы избавиться от печальных глупостей. Затем подтянул брюки и, выйдя из сада, направился к дому, где жили слуги-мужчины. Отец возвел его отдельно от особняка, и мать не уставала жаловаться, что он больше похож на военный барак, чем на жилище для слуг. Она была права, но я не сомневался, что отец добился этого сознательно. Одна дверь вела в длинную, открытую спальню для сезонных рабочих. В другом конце строения имелись комнатки для слуг. Я подошел к двери сержанта Дюрила. Как ни странно, за все годы, что он учил меня, я стучался сюда всего несколько раз.

На мгновение я замер в нерешительности, вдруг сообразив, что, несмотря на годы, проведенные вместе, я многого о нем не знаю. Например, спит ли он сейчас или, может, отправился в Приют Бурвиля. В конце концов я отругал себя за глупую трусость и решительно постучал.

Внутри царила тишина. Затем я услышал скрип стула и шаги. Дверь открылась, наружу пролился свет лампы. При виде меня брови Дюрила поползли вверх.

– Невар? Что тебя сюда привело?

Он был в нижней рубаше и брюках, босиком. Я застал его, когда он уже собирался ложиться спать. Неожиданно я понял, что стал выше сержанта Дюрила. Я привык видеть его в сапогах или верхом на лошади. Сейчас, когда он был без шляпы, я с удивлением обнаружил заметную лысину на его голове. Я пытался не глядеть на нее, а он старательно отводил взгляд от моего живота. Я пытался придумать, что же ему сказать – кроме того, что мне ужасно одиноко и я уже никогда не смогу вернуться в Академию.

– Твоя подпруга в последнее время не начала ослабевать? – спросил я.

Он, прищурившись, смотрел на меня пару мгновений, а затем у него вдруг изумленно приоткрылся рот, словно он что-то осознал.

– Заходи, Невар, – пригласил он меня и отступил от двери.

Комната сержанта многое могла бы о нем рассказать. В одном углу стояла пузатая печка, но в это время года огня он разводить не стал. Разобранное ружье занимало почти все место на столе. Я разглядел несколько полок, но вместо книг на них лежали самые разные предметы. Интересные камни валялись вперемешку с дешевыми снадобьями от более в спине и ногах, приносящая удачу резная фигурка лягушки соперничала с большой морской раковиной и чучелом совы, а свернутая рубашка дожидалась починки рядом с катушкой ниток. Сквозь открытую дверь я разглядел в соседней комнате аккуратно застеленную кровать. Пустая комната, где проходит пустая жизнь, подумал я про себя и тут же поморщился. Эта комната носила куда более заметный отпечаток личности хозяина, чем моя. Я представил себя сержантом Дюрилом, немолодым человеком, без жены и детей, обучающим чужого сына, одиноким.

Комнатка была такой крошечной, что, когда я вошел, в ней не осталось свободного места, и я почувствовал себя особенно неловко из-за своего огромного тела.

– Садись, – предложил мне Дюрил, придвигая один из стульев.

Я осторожно опустился на него, проверяя, выдержит ли он мой вес. Дюрил взял себе другой стул и тоже сел. И без всякого смущения заговорил:

– За последний месяц мне пришлось подтягивать подпругу три раза. А вчера, когда я помогал рабочим поднять особенно тяжелый камень, я обвязал его веревкой и сделал знак «Держись крепко», но узел распустился. Знаешь, я не могу припомнить, чтобы такое со мной случалось прежде. Я старею и потому решил, что забыл сделать знак или что-нибудь перепутал. Не слишком серьезная неприятность, чтобы об этом беспокоиться, сказал я себе. Но ты думаешь иначе. Почему? Твоя подпруга тоже в последнее время плохо держится?

Я кивнул.

– С тех пор, как Танцующее Веретено больше не танцует. Мне кажется, магия равнин теряет силу, сержант. А еще я думаю... – я прервался и похлопал по своему животу, – что это каким-то образом связано.

Он нахмурил брови:

– Ты стал толстым из-за магии. – Он произнес эти слова так, словно хотел убедиться, что правильно меня понял.

Должен признаться, прозвучало это довольно глупо. Как жалкое оправдание ребенка, вопль «Смотри, что ты наделал!», когда рассыпается башня из кубиков. Я смотрел на край его стола и отчаянно жалел, что пришел к нему и задал этот дурацкий вопрос.

– Ладно, не важно, – торопливо проговорил я и встал, собираясь уйти.

– Сядь. – Он произнес это не как приказ, но куда настоятельнее, чем просто приглашение. – Любое объяснение будет лучше, чем ничего, – глядя мне в глаза, проговорил он. – Чем то, что я только что услышал. И я хочу знать, что ты имел в виду, сказав про остановившееся Веретено.

Я медленно опустился обратно на стул. Эту историю можно было начинать с любого места.

– Ты видел когда-нибудь Танцующее Веретено?

Он пожал плечами и сел за стол напротив меня.

– Два раза. Впечатляет, правда?

– Когда ты на него смотрел, ты думал, что оно вращается?

– О да. Точнее, нет, в смысле, я не поверил, что оно движется, когда увидел его, но изда-лека выглядело так, как будто оно действительно вращается.

– Я подошел к нему совсем близко, но мне все равно казалось, что оно вращается. А потом один придурок с ножом в руке и стремлением вырезать на чем-нибудь свои инициалы его остановил.

Я ожидал, что он недоверчиво фыркнет или рассмеется, но сержант лишь кивнул:

– Железо. Холодное железо могло его остановить. Но какое это имеет отношение к моей подруге?

– Я не знаю наверняка. Мне показалось, что... ну, я предположил, что, если железо остано-вило Веретено, магия равнин могла исчезнуть совсем.

Дюрил с некоторой тревогой вздохнул и облизнул губы.

– Невар, что тебе известно? – осторожно спросил он.

– Все началось с Девара, – ответил я, немного помолчав.

Дюрил кивнул, словно самому себе:

– Меня это не удивляет. Продолжай.

И впервые я с начала и до конца рассказал о том, как меня захватила магия равнин, как она на меня влияла в Академии, про чуму, про то, как я решил, что смог освободиться, как Веретено подняло меня, открыв мне свою мощь, а потом злая выходка мальчишки и мое другое «я», которое я не в силах сдержать, остановили танец Веретена.

Дюрил оказался хорошим слушателем. Он не задавал вопросов, но вздыхал в нужных местах и выглядел вполне впечатленным, когда я рассказал ему про видения Эпини. А самое главное, пока я говорил, мне ни разу не показалось, что он считает мои слова ложью.

Он прервал меня только один раз, когда я говорил про танец Пыли на карнавале Темного Вечера.

– Твоя рука поднялась и подала сигнал? Ты приказал им начать?

Я опустил голову от стыда, но лгать не стал.

– Да. Точнее, та часть меня, что стала спеком. Это трудно объяснить.

– О, Невар. Ужасно, когда тебя вот так используют против собственного народа. Это очень плохо, мальчик мой, куда хуже, чем я опасался. Если ты еще способен это сделать, надо положить этому конец. Иначе ты можешь оказаться гибелью для всех нас.

Услышав от него об истинном значении того, что я сделал, я замер на месте. Я сидел, глядя сквозь него в жуткое будущее, в котором всем станет известно, что я предал Гернию. Вольно или невольно – не имеет значения, когда речь идет о таком страшном предательстве.

Дюрил наклонился вперед и слегка подтолкнул меня пальцем:

– Договаривай, Невар, а потом подумаем, что тут можно сделать.

Когда я закончил, он с мудрым видом кивнул и откинулся на спинку стула:

– По правде говоря, до меня доходили слухи о колдунах спеков, огромных и толстых.

Их называют великими мужами. И наверное, великими женщинами, хотя мне не доводилось слышать про женщин. Мне рассказывал о них один парень, который почти весь срок своей службы провел в Геттисе. Он даже утверждал, что видел одного такого, и тот, по его словам, был размером с лошадь и страшно этим гордился. Солдат говорил, что великий муж считается полным магии и поэтому он такой большой.

Я задумался над его словами:

– Толстяк в балагане уродов сказал мне, что стал таким толстым из-за чумы спеков.

А доктор в Академии, доктор Амикас, написал, что такая прибавка в весе является редким последствием болезни, но такие случаи известны. Тогда как все это связано с магией?

Сержант Дюрил пожал плечами:

– А что вообще такое магия? Ты понимаешь? Я – нет. Я видел несколько вещей, которые не могу объяснить разумно или доказать. Возможно, именно поэтому я называю их магией. Возьми заклинание «Держись крепко». Я не знаю, как оно действует и почему, мне известно только, что оно много лет меня не подводило. А в последнее время что-то пошло не так. Так что, возможно, эта магия разрушена. Возможно. Или я стал не таким сильным, как прежде, и плохо затягиваю подпругу, или ремни износились. Происходящему можно найти тысячу объяснений, Невар. А можно просто сказать: «Это была магия, и она больше не действует». Или, например, пойти к человеку, который верит в магию и считает, что понимает, как она работает, и спросить у него.

Мне его предложение показалось интересным.

– К кому пойти? – спросил я.

Дюрил сложил на столе руки.

– Все началось с Девара, так?

– Ну да. – Я откинулся на спинку стула, он протестующе заскрипел, и я поспешно выпрямился. – Пытаться его искать бесполезно. Отец потратил на это несколько месяцев, после того как он вернул меня домой еле живым. Либо никто из его соплеменников не знает, где он, либо они не говорят. Отец предлагал награду и угрожал. Никто ему ничего не сказал.

– Возможно, я знаю другой способ задавать вопросы, – проговорил Дюрил. – Иногда даже за деньги всего не купишь. И тогда приходится платить совсем другую цену...

– Чем, например? – спросил я.

Он лишь покачал головой и хитро ухмыльнулся, радуясь, что знает больше меня. Оглядываясь назад, я предположил, что старому солдату нравилось быть моим учителем. Надзирать за работниками, расчищающими от камней поле, – совсем не подходящее занятие для бывалого военного вроде него.

– Позволь мне кое-что попробовать, Невар. Я дам тебе знать, если у меня получится.

Я кивнул, прогоняя надежду прочь.

– Спасибо, что выслушал меня, сержант. Не думаю, что кто-нибудь еще поверил бы мне.

– Ну, иногда это лестно, когда кто-то хочет тебе что-то рассказать. И кстати, Невар, я не говорил, что поверил тебе. Ты должен понимать, все это звучит довольно нелепо.

– Но...

– Однако я не сказал, что я тебе не верю. – Он покачал головой, улыбаясь моему смущению. – Невар, я хочу тебе кое-что сказать. На мир можно смотреть с разных точек зрения. Именно это я имел в виду, когда говорил про магию. Для нас это магия, а для кого-то другого, возможно, так же естественно, как дождь, льющийся с неба. Но зато что-нибудь из того, что

делаем мы, представляется магией им, потому что они не могут найти этому объяснения в своем мире. Ты понимаешь, о чем я?

– Не совсем, но я попробую. – Я предпринял попытку улыбнуться. – Я готов пробовать что угодно. Я уже собирался взять Гордеца и сбежать на восток, в горы.

Сержант фыркнул:

– «Сбежать в горы»! А дальше что? Не будь дураком, Невар. Ты должен остаться здесь и продолжать сражаться. И позволь мне кое-что попробовать. А пока делай то, что говорит тебе отец. Выходи из дома, двигайся. Покажи ему, что ты прежний Невар, если сможешь. Не сердь его еще больше. Он по-своему справедлив. Выполняй его волю, а если ничего не получится, возможно, он признает, что в этом нет твоей вины.

– Наверное, ты прав.

– Ты знаешь, что я прав.

Я посмотрел на него и медленно кивнул. В его глазах снова вспыхнула искорка. В них зажглась цель. Возможно, придя к нему, я сделал для него не меньше, чем он для меня, выслушав мою историю.

Я поблагодарил его, и мы расстались.

Глава 7

Девара

Я сразу узнал, когда мой отец решил известить всех о моем провале. Когда на следующее утро я спустился по лестнице и зашел на кухню, чтобы быстро перекусить, слуги уже знали о моем позоре. Прежде они относились ко мне с почтением. Я был сыном хозяина дома, и, даже если предпочитал есть на кухне, а не с семьей, их это не касалось. Теперь же я явно занял более низкое положение, словно им официально позволили меня презирать. Я чувствовал себя бродячей собакой, пробравшейся в дом, чтобы стащить кусок мяса. Никто не предлагал подать мне еду или накрыть на стол, и мне пришлось самому брать то, что уже было готово, и постоянно уступать дорогу слугам, для которых я вдруг превратился в невидимку.

Из их разговоров я понял, что вечером должны вернуться мой брат и его молодая жена. В их честь состоится праздничный обед, а завтра, скорее всего, придут гости. Однако никому не пришлось в голову сообщить мне эти новости. То, что меня исключили из жизни семьи, особенно меня уязвило.

Я поспешил покинуть дом, взял из сарая удочку и отправился на реку, прихватив с собой приманку на речного карпа. Некоторые из них дорастали до размеров свиньи. Всякий раз, когда мне удавалось поймать такого, я с трудом вытаскивал его на берег, а затем отпускал обратно в воду. Сегодня меня не интересовала добыча, мне хотелось бросать вызов и побеждать. Однако через некоторое время мне надоело и это, солнце нещадно палило, и я понял, что проголодался. Я отправился обратно в отцовский дом.

Я попытался войти как можно незаметнее, но уверен, что отец специально меня поджидал. Как только я переступил порог дома, он появился в дверях кабинета.

– Невар, я хочу с тобой поговорить, – сурово сообщил он.

Он явно рассчитывал, что я пойду за ним в кабинет, но во мне проснулось упрямство спека, и я остался стоять, где стоял.

– Да, отец. Что ты хотел?

Он поджал губы, и в его глазах вспыхнул гнев.

– Хорошо, Невар. Я могу сказать то, что собирался, и здесь. Твоя мать поделилась со мной твоей дикой сказкой. – Он покачал головой. – Неужели ты не смог придумать ничего лучше? Высмеивать нашего бога лишь потому, что ты разрушил свое будущее? Теперь, когда впереди тебя ничто не ждет и ты не можешь вернуться в Академию, ты, видимо, думаешь, что мы должны содержать тебя до конца твоих дней. Я тебя предупреждаю: я не стану терпеть под крышей своего дома и кормить ленивую пиявку. По мнению доктора, ты не способен служить королю как военный в твоем нынешнем состоянии. Однако я намерен изменить это состояние и одновременно выжать из тебя пользу для семьи. А затем я отправлю тебя в армию простым пехотинцем. Ты никогда не станешь офицером, но я не поддерживаю тебя в этом противостоянии воле доброго бога.

Я поднял руку ладонью к нему, потом прямо посмотрел ему в глаза:

– Просто скажи, что ты хочешь, чтобы я делал. Избавь меня от повторения твоих лекций.

Он справился с изумлением довольно быстро, а затем протянул мне список заданий. Это была тяжелая физическая работа, по большей части связанная с грязью, экскрементами или кровью. Мы жили как на ферме, и дел подобного рода хватало, но до сих пор он всегда поручал их наемным работникам. Теперь же он поручил их мне, но вовсе не из-за того, что думал, будто я хорошо с ними справлюсь, просто он считал их отвратительными и потому не сомневался, что я тоже так думаю. Именно тогда я потерял остатки уважения к нему. Он потратил столько сил и времени на мое обучение, но готов был потратить их впустую, просто желая меня уяз-

вить. Впрочем, я не стал делиться с ним этими мыслями, серьезно кивнул и пообещал тут же приступить к работе.

Сегодняшнее задание включало лопату, кучу навоза и телегу. На самом деле меня это вполне устраивало, и, следуя совету сержанта Дюрила, я именно так и провел весь день. Когда я решил, что уже неплохо потрудился, я закончил работу и отправился на речную отмель. Вдоль берега росли густые кусты, сквозь которые проложили тропу олени. Медленная вода на отмели прогрелась на солнце, я разделся, вошел в нее и смыл с себя грязь и пот. Мальчишкой я часто здесь плавал, но сейчас чувствовал себя неловко, стоя обнаженным под лучами солнца, хотя и в уединении. Я стыдился своего тела и боялся, что кто-нибудь меня увидит. Мой лишний вес означал не только трудности с дурно сидящей одеждой, у меня болели ноги, таскающие эту громадную тяжесть, я сильнее потел, и после целого дня тяжелого труда от меня отвратительно воняло. Одежда постоянно натирала кожу. Тем не менее, умывшись, я с огромным удовольствием вытянулся на мелководе, наслаждаясь теплыми лучами солнца, согревавшими спину, и прохладной водой, обтекавшей тело. Когда я наконец выбрался на берег, я сел на большой камень и, прежде чем одеться, позволил солнцу высушить мне кожу. Мне удалось восстановить в своей душе некое подобие покоя.

Вечером я поел на кухне, к огромному неудовольствию прислуги. У них выдался тяжелый день, им пришлось готовить изысканный обед для моей семьи, в которой появилась еще одна дочь. Мне было интересно, как бы повел себя отец, если бы я вошел в столовую в своей грубой, тесной одежде и сел за стол. Скорее всего, для меня там места не оставили. Сидя в углу кухни, я быстро съел скромный ужин и ушел.

Таким и стал распорядок моей жизни. Я вставал, выбирал дело из списка, составленного отцом, и трудился до вечера. Он рассчитывал меня унижить, но я, как ни странно, получал от работы удовлетворение. Я понимал, что, тяжело трудясь, я либо докажу отцу, что мое состояние – результат магического воздействия чумы, либо вернусь в прежнюю форму и, возможно, смогу продолжить занятия в Академии. Я не жалел себя, изо всех сил нагружая тело и делая даже больше, чем требовал отец. Когда я чувствовал себя униженным или впадал в уныние, я решительно прогонял предательские мысли, убеждая себя в том, что другого пути нет. Я мало ел и упорно трудился, и тело ответило на мои усилия, но совсем не так, как я надеялся. Под слоем жира мои руки и ноги обросли новыми мышцами, я стал выносливее. Я мог поднимать такие тяжести, как никогда прежде.

Это оказалось нелегко. Мне, привыкшему быть стройным и подвижным, было трудно управлять своим громадным телом. Мне приходилось рассчитывать каждое движение так же, как все свои дела. Как ни странно, это тоже доставляло удовлетворение. Я использовал знания, приобретенные на занятиях инженерным делом. Когда отец послал меня возвести каменную стену вокруг загона для свиней, я представил себе, что строю военное укрепление. Сначала я выложил ровное широкое основание, затем шли сужающиеся кверху ряды. Я бы испытал от своих достижений большую радость, если бы их одобрил хоть кто-нибудь, кроме меня и вороны, наблюдавшей за мной целый день. Отец редко удосуживался посмотреть на то, что мне удалось сделать, он вычеркнул меня из своей жизни как неудачное вложение вроде персиковых деревьев, листья которых пожухли и пострадали от насекомых. Росс тоже не пытался со мной увидеться, и я отвечал ему тем же. Для своей семьи я стал невидимкой. Если я встречал мать, я с ней здоровался, но с сестрами заговорить не пробовал, и они тоже упорно хранили молчание. Я убедил себя, что меня это не волнует.

Простая жизнь, состоящая из подъемов, работы и возвращения в постель, заключала в себе своего рода покой. Ежедневный физический труд оказался не таким тяжелым, как мои занятия в Академии. Иногда я спрашивал себя, как живут другие люди. Неужели они тоже встают, работают, едят, ложатся спать и практически ни о чем не думают? Должен признаться, что такая простая жизнь меня даже привлекала.

Когда прошла неделя, а я так и не услышал никаких новостей от сержанта Дюрила, однажды ближе к вечеру я зашел к нему. Он открыл дверь на мой стук и первым делом выпалил:

– Ты не сказал, что тебя вышвырнули из Академии из-за того, что ты жирный!

Я не мог понять, что его разозлило – несправедливость по отношению ко мне или что я об этом умолчал.

– Потому что это неправда, – спокойно ответил я.

Он молча смотрел на меня.

– Меня отчислили из Академии по настоянию доктора Амикаса. Никто меня не вышвыривал. Он пришел к выводу, что в моем нынешнем состоянии я не смогу служить в королевской кавалле. Если мне удастся вернуться в прежнюю форму, я смогу продолжить занятия.

Я не был в этом уверен, но мне оставалось лишь цепляться за надежду, чтобы не утонуть в отчаянии.

Дюрил отошел от двери и поманил меня внутрь. День стоял жаркий, и в комнате было душно, несмотря на открытую дверь. Я занял место за его столом.

Сержант медленно сел напротив меня.

– Я был горд тем, что ты учишься в Академии, – проговорил он. – Для меня было очень важно, что ты стал одним из них, что ты там, что ты знаешь не меньше, чем любой из этих расфуфыренных городских мальчишек, и я приложил к этому руку.

Его слова меня удивили. Мне даже в голову не приходило, что мой успех может означать личную победу для сержанта Дюрила.

– Мне очень жаль, – тихо проговорил я. – Я справлялся, пока со мной не случилось это. Когда я вернусь в прежнее состояние и продолжу учиться, обещаю тебе, ты сможешь мной гордиться.

Словно его первое признание приоткрыло прежде запертую дверь, он вдруг добавил:

– Ты не писал мне. А я вроде как надеялся получить от тебя весточку.

Эти слова удивили меня еще сильнее.

– Мне казалось, ты не умеешь читать! – сказал я и поморщился – так резко прозвучали мои слова.

– Я мог попросить кого-нибудь прочитать мне, – раздраженно ответил он и, помолчав, добавил: – Я отправил тебе письмо. Когда узнал, что ты заболел и едва не умер.

– Я знаю. Оно пришло перед самым моим отъездом домой. Спасибо.

– Всегда пожалуйста, – сдержанно ответил он и, отвернувшись, проговорил: – Я необразованный человек, Невар. Как тебе известно, я даже не настоящий сын-солдат, рожденный для службы в армии. Я всему учился сам, и это было совсем не просто, но я постарался передать тебе свои знания. Я хотел, чтобы ты стал офицером, который, ну... понимает, что на самом деле значит быть солдатом. Не из тех, кто сидит в своей палатке и приказывает другим пойти и сделать то, что он не может или не хочет делать сам. Кем-то, кто знает, как прожить несколько дней без воды для себя и своей лошади, кто сам почувствовал, что такое солдатские пот и соль. Ты мог бы стать хорошим офицером.

Вот еще один человек, чьих ожиданий я не оправдал. У меня сжалось сердце, но я постарался не показать, как мне больно.

– Ты не зря тратил время, сержант. Я не собираюсь отказываться от военной карьеры. Даже если мне придется пойти в армию простым солдатом, я сделаю все, чтобы подняться до офицера. Я так решил.

Договорив, я вдруг с удивлением понял, насколько я серьезен.

Он искоса посмотрел на меня:

– Ну, думаю, большего я просить не могу, Невар. – Неожиданно он улыбнулся, довольный собой. – И думаю, ты не можешь просить от меня большего, чем я уже для тебя сделал. Как насчет прогулки верхом?

– Не против. а куда мы поедем? – спросил я.

Его улыбка стала еще шире.

– Увидишь.

Он прошел в другую комнату и вскоре вернулся с набитыми седельными сумками, перекинутыми через плечо. Я хотел спросить, что в них, но знал, что он наслаждается постепенными объяснениями, и промолчал.

Я уже довольно давно не садился на Гордеца. Он всегда отличался резвым нравом и с удовольствием дал себя оседлать. Дюрил взял себе серого мерина. Затянув подпруги, мы переглянулись и одновременно сделали знак «Держись крепко». Я боялся, что скоро это станет пустым ритуалом, наделенным не большей силой, чем желуди, которые некоторые солдаты носят с собой, в надежде, что те помогут им в конце дня найти тень для отдыха. Мы сели в седла, Дюрил направился вперед, я последовал за ним.

Мы выбрались на дорогу, идущую вдоль реки, и некоторое время ехали на восток, пока Дюрил не свернул на пыльную разъезженную тропу. Мы поднялись на невысокий холм, и я увидел вдалеке деревушку беджави. Скальный выступ давал ей хоть какое-то укрытие от степного ветра. Рядом с камнем росли кусты и даже несколько деревьев. Отец сам выбрал это место для деревни, его люди построили дюжину домов, стоящих двумя ровными рядами. Примерно в два раза больше обычных для беджави шатров окружало здания.

– Мы туда едем? В деревню беджави?

Дюрил, не сводя с меня глаз, молча кивнул.

– Зачем?

– Поговорить с кидона.

– В деревне беджави? Что им там делать? Кидона и беджави – исконные враги. Кроме того, кидона не живут в деревнях. Беджави поселились здесь лишь потому, что отец построил ее для них, а им было некуда идти.

– И это был потрясающий успех, верно? – не без иронии проговорил Дюрил.

Я знал, что он имел в виду, и все равно был слегка потрясен тем, что он позволил себе сказать об отце что-то неодобрительное, пусть и в очень мягкой форме.

До того как Герния начала расширять свои владения, жители равнин были кочевниками. Разные племена следовали разным обычаям. Одни выращивали коз и овец. Другие следовали за стадами оленей по равнинам и плоскогорьям, добавляя к их мясу плоды садов, которые они сажали в одно время года, а в другое собирали урожай. Некоторые строили временные землянки вдоль реки, не беспокоясь из-за того, что им не суждено простоять долго. У них почти не было городов или того, что в нашем понятии являлось бы городами. Они воздвигли несколько монументов вроде Танцующего Веретена. У них имелись постоянные места встреч, где они собирались каждый год, чтобы обменяться товарами, обсудить браки или перемирия, но по большей части они кочевали. С точки зрения гернийцев, это означало, что равнины остаются пустым пространством, никому не принадлежащим и почти не используемым племенами, кочевавшими по проложенным поколения назад маршрутам. Отличные земли, ждущие, когда придут люди, поселятся на них и возьмут у них все, что они способны дать. Подозреваю, что жители равнин относились к этому иначе.

Наши «прирученные» беджави, как называл их отец, стали экспериментом, который сокрушительно провалился. У отца были самые лучшие намерения. Когда он решил их спасти, в племени оставались в основном женщины, дети и старики. Прежде они разводили скот; чтобы их покорить, следовало лишь уничтожить их стада и поколение взрослых мужчин. Лишившись привычного образа жизни, беджави превратились в воров и попрошайек. Отец дал им кров. Далеко не все захотели отказаться от древних обычаев в обмен на то, что он им предложил. Отец же подкупил их обещанием, что он не позволит им голодать. Он приказал построить для

них деревню, два ряда простых, надежных домов. Дал две упряжки быков, плуг и зерно для посева.

За две недели они съели быков и большую часть зерна. Тогда он дал им коз, и на этот раз дела пошли лучше. Видимо, козы напомнили им косматых антилоп, которых они когда-то разводили. Сейчас они вымерли, став жертвой нашей войны с беджави. Мальчишки каждый день отводили коз на пастбище, а вечером возвращались с ними в деревню. Животные давали мясо, шкуры и молоко. Когда я в последний раз обсуждал беджави с отцом, он признался мне, что продолжает помогать им продуктами, но кое-кто из женщин учится делать сыр, и он рассчитывает, что они смогут им торговать. Но в других областях его успехи были еще сомнительнее. Люди, не привыкшие жить в постоянных селениях, перебирались в другое место, когда земля переставала плодоносить.

«Деревня» воняла, отвратительный запах висел в неподвижном летнем воздухе. Аккуратные маленькие домики, с такой гордостью построенные отцом, превратились в жалкие развалюхи. Беджави не имели представления, как поддерживать их в порядке. Попользовавшись ими вволю несколько лет, они вернулись в свои шатры и основали новое поселение вокруг старого. Отбросы и самый разный мусор, который кочевники оставляли стихиям и падальщикам, валялись между разрушающимися, покрытыми плесенью домами или были сброшены в громадные зловонные ямы. На грязных улицах играли дети со спутанными волосами, чумазыми руками и лицами в струпьях. В деревне осталось совсем мало молодежи. Почти все девочки уходили в Излучину Франнера, где начинали торговать собой сразу же, как только могли выдать себя за женщин. Они возвращались в деревню с детьми-полукровками, когда их красота увядала, уничтоженная тяготами жизни шлюхи в приграничье. Деревня, построенная моим отцом, так и не превратилась в настоящую. Здесь не было ни лавки, ни школы, ничего, что давало бы людям что-нибудь, кроме еды и крова. Место, где люди ждали, не зная, чего именно они ждут.

Однако беджави не были ни глупыми, ни даже неряшливыми, пока следовали собственным обычаям. Судьба нанесла им тяжелый удар, и они все еще не сумели от него оправиться. Я не знал, произойдет ли это когда-нибудь или же они исчезнут с лица земли, оставив после себя только легенды. Когда-то они были гордым народом, который славился своей красотой и рукоделием.

Я читал рассказы о них, написанные Дарсио, купцом, торговавшим с жителями равнин до начала гернийской экспансии. Его истории заставляли меня жалеть, что я не жил в те времена. Мужчины-беджави в развевающихся белых одеждах, верхом на быстрых лошадях ведущие за собой свой народ, и следовавшие за ними женщины, дети и старики, которые заботились о стадах или ехали в санях, запряженных могучими тяжеловозами, были героями эпических поэм. Женщины делали бусы из окаменевшего дерева, и Дарсио их покупал. А еще изящные украшения из птичьих костей и перьев, приносящие владельцу удачу. Каждая женщина брачного возраста носила настоящий плащ из бус, украшений и колокольчиков. Некоторые из таких одежд передавали из поколения в поколение. Дети, писал Дарсио, были исключительно красивы, смелы и открыты, часто смеялись – настоящее сокровище своего народа. Беджави разводили необычных приземистых антилоп, высоко ценившихся за густую шерсть, которую они отращивали зимой и теряли весной. Из этой легкой, теплой шерсти во времена, описываемые Дарсио, ткалось полотно. Когда я впервые отправился в деревню беджави с отцом, я ожидал увидеть этот романтический образ. Уезжал я оттуда разочарованный и со странным чувством стыда. Мне совсем не хотелось снова там появляться, но утверждение сержанта, что мы встретим там кидона, разожгло мое любопытство. Я знал, что вражда между беджави и кидона длится уже многие поколения.

На каждое существо охотится свой хищник. Для беджави им стали кидона. Они не выращивали урожай, не разводили скот и не охотились. Они совершали набеги. Они всегда были грабителями, нападающими на торговые караваны или летние деревни, или ворами, подкра-

дывающими к стадам или палаткам и забирающими все, что хотели. По их обычаям они имели на это право. Они постоянно кочевали на своих пузатых талди с полосатыми ногами, ни в коей мере не наделенных красотой лошадей, но и лишенных их слабостей.

Девара был из племени кидона. Я прикоснулся к двойной зарубке на своем ухе – шрамам от нанесенных им за неповиновение порезов. Он заставлял меня голодать и обходился со мной грубо, а потом, окончательно сбив меня с толку, вдруг сменил гнев на милость, стал держаться дружелюбно и даже попытался посвятить в обычаи и веру своего народа. Он чем-то опоил меня, так что я впал в шаманский транс, в котором впервые встретил древесного стража. Это странствие духа изменило всю мою жизнь и извратило представление о реальности. И все это было делом рук моего отца. Он не столько хотел, чтобы я учился у Девара, сколько надеялся, что суровое обращение Девара вынудит меня наконец начать решать за себя самому и твердо встать на ноги.

Собственно, так и вышло, но отнюдь не таким образом, на который рассчитывал отец, и, уж конечно, это не принесло мне ни уверенности, ни удовлетворения.

За время общения с Девара я успел многое понять об обычаях кидона. У них довольно странная мораль, в соответствии с которой умный вор пользуется всеобщим почтением, а неуклюжий не может рассчитывать на защиту от чьей-либо мести. Девара глубоко уважал тех людей, кто мог победить его в схватке, и презирал тех, над кем сам одерживал верх. Преуспевание для кидона равнозначно благословию их странных богов, и, таким образом, мнение богатого человека не обсуждается, в то время как бедняк, как бы опытен или добр он ни был, считается глупцом, которого не любят боги. Несмотря на вывернутые наизнанку представления или, возможно, благодаря им, кидона были выносливым, находчивым и по-варварски успешным народом. Хотя Девара, без сомнения, разрушил мне жизнь, я невольно восхищался им, как человек может восхищаться особенно ловким хищником, не испытывая к нему ни расположения, ни доверия.

Сержант Дюрил так и не ответил на мой вопрос.

– Что делают кидона в деревне беджави? – повторил я.

– Думаю, отец тебе об этом не писал, – откашлявшись, проговорил сержант. – Пока ты был в Академии, тут произошла отвратительная история. На окрестных фермах начал пропадать скот. Поначалу мы думали, что сюда вернулись волки, потом кто-то заметил, что волки оставляют скелеты, а мы не нашли ни одного. Сперва во всем обвинили беджави, потому что нечто похожее происходило некоторое время назад, но не было заметно, чтобы у них стало больше мяса, чем обычно. Так вот, когда страсти немного поутихли, выяснилось, что кидона вернулись к своим старым штучкам. Банда, разбиравшая лагерь в стороне от поселений, грабила стада и сады. Набравшись наглости, они захватили дюжину годовалых телят из стада, принадлежащего гарнизону в Излучине Франнера. Командиру это не понравилось, и он отправил людей с приказом выследить их и преподать им урок. – Тон сержанта Дюрила был небрежным, но лицо оставалось мрачным. – Солдаты в Излучине Франнера... ну, ты и сам представляешь, что это за люди, ты там бывал. Тамошние войска никогда не сражались в настоящем бою, это спокойное место. И почему-то это делает их какими-то дергаными. Когда у них появляется возможность проявить себя, они забывают обо всем на свете, словно им необходимо доказывать, что они так же хороши, как и настоящие солдаты в приграничье. Ну и с выслеженными налетчиками-кидона они тоже увлеклись. Перебили всех, а это, считай, почти каждого парня, уже отнятого от груди. Ну и это вызвало осложнения с другими их шайками в округе. В особенности когда выяснилось, что кидона, убитые нашими солдатами, не крали телят. Они купили их у воров. Итак, у нас были солдаты, устраивающие резню среди «невинных» кидона, и прочие кидона на грани бунта.

– А почему от них не откупились? Кидона не стыдятся брать деньги за кровь.

Дюрил кивнул:

– Так мы и сделали. Но остались их женщины и малыши, о которых нужно было заботиться. Ты знаешь кидона – они практичные и жестокие. У тех, кто выжил после резни, не осталось ничего. Ни талди, ни овец; палатки – и те сгорели. Другие шайки кидона видели в них лишь обузу. Они не хотели брать их к себе, но и не собирались смотреть, как те голодают. Так что в конце концов сошлись на компромиссе. Твой отец сказал, что командир Излучины Франнера может поселить их здесь, если предоставит им кров, еду и пару талди, чтобы им было с чего начать жизнь на новом месте. – Он покачал головой. – Поселить кидона в деревне! Это все равно что пытаться засунуть ногу в шляпу.

Отличить дома и палатки беджави от жилищ кидона было совсем не трудно. Теперь здесь была не одна деревня, а две, вынужденно сблизившиеся. Между территорией беджави и четырьмя военными палатками, предоставленными выжившим кидона, была проведена настоящая граница из камней и куч мусора. Когда мы приблизились, на ноги вскочил молодой беджави – лет четырнадцати, в грязном балахоне, похожем на ночную сорочку, и войлочной шляпе с обвисшими полями. Опираясь на палку, он молча, с укором следил за нашим приближением, и в его глазах я не увидел даже намека на доброжелательство. Когда Дюрил направил свою лошадь в сторону территории кидона, юноша снова уселся и сделал вид, что не замечает нас.

– У них что, всегда здесь стоял часовой? – спросил я Дюрила.

– Сомневаюсь. Думаю, он следит за кидона, а не за нами. Но я могу ошибаться. Я не езжу сюда без нужды. Тягостно.

Он был прав. Мы проехали мимо стены мусора, отделявшей кидона от поселения беджави. Оскорбление было очевидным. И так же очевидна была нищета палаточной деревни кидона. Над ней висели тонкий скулеж детей и сильная вонь отбросов. Палатки стояли по-военному ровно, значит, по крайней мере, убежища для вдов и сирот устанавливали солдаты. Виднелись два костровища – в одном горел огонь, в другом тлели угли. Между камней были воткнуты палки, и с этой импровизированной сушилки свисали два одеяла. Около десятка женщин, все средних лет, сидели на грубых скамейках перед одной из палаток. Одна раскачивалась из стороны в сторону и тихонько мурлыкала какую-то песню. Три рвали старые лохмотья на длинные полосы, четвертая заплетала их в косички. Я предположил, что они делают ковры, чтобы застелить пол. Остальные замерли в неподвижности и с пустыми руками. Несколько талди, среди них одна беременная кобыла, щипали жалкую траву на окраине лагеря.

Вокруг костров собрались детишки, двое младенцев ревели у ног своей бабушки. Она не обращала никакого внимания на их плач. Три девочки лет семи-восьми играли в какую-то игру с камешками и линиями, нарисованными на земле. Их лица были грязными, а косы напминали лохматые светлые веревки. Единственный мальчик лет тринадцати сидел в стороне от всех и сердито уставился на нас, когда мы приблизились. Я задумался, как ему удалось выжить и что с ним будет в селении, где живут одни старухи и дети.

Когда мы спешили, все вокруг замерли, бросив дела. Дюрил снял седельные сумки и перекинул через плечо.

– Иди за мной и не шуми, – велел он мне. – Ни на кого не смотри.

Я повиновался. Все вокруг пялились на мое тело, и я начал краснеть, но старательно избегал встречаться с ними взглядом. Дюрил подошел к пожилой женщине и ее плачущим внукам и заговорил на джиндобе, торговом языке равнин.

– Я принес тебе мясо.

Он опустил седельные сумки на землю и открыл их. Достал кусок грудинки, завернутый в марлю, и протянул ей. У нее дернулись губы, а вместе с ними и подбородок. Затем она подняла на него голубые глаза.

– Мне нечем его резать, – сказала она.

Не колеблясь, Дюрил расстегнул ремень, снял с него нож в ножнах и протянул ей. Она долго смотрела на предложенный дар, словно взвешивала, что выиграет и что потеряет, если его возьмет. Мальчик подошел поближе и внимательно следил за сделкой. Потом он что-то быстро сказал на кидона, в ответ она лишь махнула рукой, как будто отбросив что-то в сторону. Он явно рассердился, но промолчал, когда она взяла у сержанта нож. Повернувшись к сидевшей рядом женщине, она отдала их ей.

– нарежь мясо и приготовь для детей, – распорядилась она.

Затем с трудом поднялась на ноги, переступила через малышей, так и не переставших плакать, повернулась и зашла в палатку. Мы последовали за ней.

Это была серая холщовая военная палатка, длинная и широкая, с боковыми стенами. Внутри оказалось сумрачно и душно. С одной стороны были расстелены армейские одеяла, служащие постелями, с другой стояло несколько бочонков с сухарями, бочка с зерном и деревянный ящик с вялой и проросшей картошкой. А рядом с этой милостыней виднелись следы их прежней жизни. Оловянные и жестяные котлы для приготовления пищи, горшки и тарелки из обожженной глины и свернутые постели с обычным для кидона узором.

В боковой стенке палатки они прорезали дверцу. Женщина развязала пришитые к ней шнуры, державшие ее закрытой, и села рядом с маленьким прямоугольником света и свежего воздуха. Чуть замешкавшись, сержант Дюрил сел напротив, лицом к ней, а я – рядом с ним.

– Ты принес его? – спросила женщина.

Я посчитал было платой кусок грудинки, но, видимо, мясо потребовалось лишь для виду. Сержант засунул руку под рубашку, вытащил кошелек, раскрыл его и достал из него предмет, который я помнил с детства. Я видел его всего лишь раз, но забыть так и не смог. На ладони сержанта лежало потемневшее и сморщенное ухо. Женщина не колеблясь взяла его.

Она поднесла его к свету, потом к глазам и принялась пристально разглядывать. Я удивился, когда она его понюхала, но постарался скрыть отвращение. Я знал эту историю. Однажды в пылу юности сержант Дюрил взял в качестве трофея ухо убитого им воина. В той же стычке он получил шрам и лишился значительной части собственного уха. Однажды он сказал мне, что стыдится своего поступка и, будь это в его силах, хотел бы все исправить. Но поскольку он не мог вернуть ухо для достойных похорон тела, посчитал, что выбросить его будет неправильно. Наверное, наконец он нашел способ от него избавиться. Женщина сжала ухо в руке и задумчиво на него уставилась. Затем, приняв какое-то решение, кивнула, встала и подошла ко входу в палатку. Что-то выкрикнула – имя, как мне показалось, – и, когда подошел мальчик, быстро с ним заговорила. Он что-то возразил, но она дала ему пощечину, которая положила конец спорам. Он посмотрел на нас.

– Я сейчас вас отвезу, – только и сказал он на джиндобе.

К тому времени, как мы сели на лошадей, он уже выезжал из лагеря на своем талди. Нам пришлось прищипорить коней, чтобы его нагнать. Мальчик не оглядывался посмотреть, едем ли мы за ним, и не произнес больше ни слова. Он направился в сторону от реки и лагеря, к неровной местности, где равнина уступает место плоскогорьям. Ударив талди коленями, юный кидона пустил его галопом. Если он и следовал по какой-то тропе, я не смог этого заметить, но он ни разу не замешкался, выбирая путь, пока вел нас вперед. Когда тени стали длиннее, я засомневался в разумности нашего предприятия.

– Куда мы направляемся? – наконец спросил я сержанта Дюрила.

– Увидеться с Девара, – кратко ответил он.

Его ответ ударил меня, как один из маленьких камешков, которые сержант бросал из засады, когда я был мальчишкой.

– Это невозможно. Отец сделал все, что мог, чтобы найти Девара, после того как тот приволок меня домой. Его нигде не оказалось, и кидона не знали, куда он подевался и что с ним случилось.

Сержант Дюрил пожал плечами:

– Они ввали. Тогда Девара стал для них чем-то вроде героя из-за того, что он сделал с сыном твоего отца. Однако его слава быстро потускнела, и сейчас у Девара трудные времена. Та женщина из деревни поверила мне, когда я сказал, что верну ей ухо ее брата, если она отдаст нам Девара.

Я некоторое время ехал в потрясенном молчании.

– А как ты узнал, что это ухо ее брата? – наконец спросил я.

– Никак. Но оно может им быть. Я предоставил решать ей самой.

Мы последовали за мальчиком в узкое ущелье с крутыми стенами, отличное место для засады, и по спине у меня пробежали мурашки. Талди заметно нас опередил и начал подниматься по узкой тропе на склоне скалы. Мне пришлось натянуть поводья Гордеца и пропустить сержанта вперед. Я все больше и больше сомневался в нашем предприятии. Если мальчик ведет нас в другой лагерь кидона, ничего хорошего нас не ждет. Но сержант Дюрил был совершенно спокоен, хотя и держался настороже. Я старался подражать ему.

Тропа снова резко свернула, и нашим лошадям пришлось непросто, но затем земля неожиданно сделалась ровной. Мы добрались до длинного, узкого уступа на скале. Как только мы с Дюрилом убрались с его дороги, мальчик молча развернул талди и направился назад по тропе. Перед нами стояла залатанная палатка, рядом с которой была сложена аккуратная поленница. Почерневший чайник висел на треноге над маленьким бездымным костром. Я почувал запах варящегося кролика. Девара стоял и смотрел на нас без следа удивления на лице. Он давно нас увидел. Подобраться к его убежищу незаметно было нельзя.

Сильный, жесткий воин, которого я знал, исчез, Девара очень изменился. Его одежда была мятой, поношенной и пропыленной. Выцветшая рубаха с длинными рукавами едва прикрывала бедра, вместо ремня он использовал простой кусок кожи. Коричневые штаны выгорели почти добела на коленях и обтрепались понизу. Его «лебединая шея» висела на боку, но ножны из волос запачкались и истерлись. Сам он заметно постарел. Прошло четыре года с тех пор, как я видел его в последний раз, а по нему казалось, будто все двадцать. Его серые глаза, некогда пронзительные, начали туманиться, он сутулился. А еще отпустил волосы, свисавшие на плечи тонкими желтоватыми прядями. Он облизнул губы, позволив нам увидеть подпиленные зубы. Однако, когда он приветствовал меня, я не заметил в нем страха.

– Так-так. Сын солдата. Ты ко мне вернулся. Может, хочешь еще зарубку на ухо?

Бравада Девара меня не обманула, даже его голос постарел, а горечь в нем меня удивила.

Сержант Дюрил так и не спешил и молчал. Он явно уступил право говорить мне, но я не знал, что мне сказать или сделать. Старый воин-кидона казался маленьким и каким-то усохшим. Я запоздало вспомнил, что еще при нашем знакомстве он был ниже меня ростом, а я с тех пор еще вырос. Но такими были мои «настоящие» впечатления о нем. В куда более ярких воспоминаниях-снах он возвышался надо мной, у него была ястребиная голова и руки, покрытые перьями. Я попытался совместить этот образ с видом сморщенного старика, стоящего передо мной. Думаю, именно удивление не позволило мне испытать какие-то другие чувства.

Я спешил и подошел к нему. Сержант Дюрил последовал за мной. Он встал у меня за плечом, предоставляя мне самому вести это сражение, когда я остановился.

Девара пришлось поднять голову, чтобы взглянуть мне в лицо. Хорошо.

– Я хочу знать, что ты со мной сделал, Девара, – сурово потребовал я, глядя на него сверху вниз. – Скажи мне прямо сейчас, без загадок и зубоскальства. Что случилось со мной той ночью, когда ты сказал, что превратишь меня в кидона?

Джиндобе легко всплывал в памяти, мне казалось, будто я вернулся в прошлое, чтобы бросить вызов человеку, который оскорблял меня, потом сблизился со мной и наконец чуть не убил.

Он ухмыльнулся, и влажные от слюны зубы блеснули на солнце.

– Ты только посмотри на себя, толстяк. Такой смелый. Такой большой. И все еще ничего не знающий. И по-прежнему мечтающий стать кидона, а?

Я навис над ним, словно скала, я был выше и мощнее его, но он меня не боялся. Я призвал на помощь все презрение, которое испытывал.

– Если ты кидона, тогда я не хочу быть кидона. – Я постарался вспомнить все, что знал о его народе, чтобы мои оскорбления уязвили его. – Взгляни на себя. Ты беден! Я не вижу здесь ни женщины, ни талди, нет даже запасов копченого мяса. Боги презирают тебя.

Я видел, что мои слова ударили его, точно метко пущенные камни, на мгновение во мне зашевелился стыд из-за того, что я нападаю на человека в столь жалком положении, но я его сдержал. Он не был побежден. Если я хочу получить от него ответы, я должен сначала одержать над ним верх. Из далеких глубин своей души, где еще жила отвага, он выудил усмешку.

– Однако я все еще кидона, – возразил он. – А ты... ты по-прежнему ее игрушка. Посмотри на себя, ты распух от ее магии, как больной палец от гноя. Толстая старуха взяла тебя и сделала своей куклой.

Его слова укололи меня, и я ответил не задумываясь:

– Ее куклой? Ее игрушкой? Не думаю. Я сделал то, что не смог сделать ты. Я прошел по мосту и с помощью магии железа моего народа вспорол ей живот. Я ее победил, старик. То, чего ты не смог добиться, даже используя меня как оружие, я совершил один. – Я принял позу, которую помнил с тех времен, что мы провели вместе, – выпятил грудь и высоко поднял голову, как всегда поступал он, когда хотел показать, насколько превосходит меня. – Я всегда был сильнее тебя, Девара. Даже когда я лежал перед тобой без сознания, ты не осмелился меня убить.

Я наблюдал за ним, пытаюсь оценить его слабости в нашем поединке хвастовства. На западе в пурпурном и алом сиянии садилось солнце. В сгущающихся сумерках мне было трудно прочесть выражение его лица, казалось, в его глазах промелькнула тень сомнения, но он тут же ее прогнал.

– Я мог бы тебя убить, если бы захотел, – презрительно бросил он. – Это было не труднее, чем задавить птенца в гнезде. Я подумывал об этом. Ты был бесполезен. Ты утверждаешь, что убил ее. А где доказательства? Ты хвастаешься, как ребенок. Когда я послал тебя против нее, ты пал перед ней, как ребенок. Я видел. Слабость твоего народа виной твоему поражению, а не моя магия кидона. Ты слаб сердцем, тебе не хватило духу сделать то, что следовало. Если бы ты не заговорил со стражем, если бы бросился вперед и убил ее, как я приказал, мы все сейчас жили бы лучше. Но нет! Ты такой умный, солдатский сынок, ты думаешь, что знаешь больше воина кидона. Ты посмотрел и решил: «О, это всего лишь старуха» – и принялся говорить, говорить, говорить, а тем временем ее белые корни, словно черви, погружались в тебя. Взгляни на себя сейчас, ты похож на жирную личинку, прячущуюся под гнилым бревном. Ты никогда не станешь воином. И всегда будешь принадлежать ей. Она накачает тебя своей магией до краев, ты от нее распухнешь и будешь делать то, что тебе велит магия. Или, может быть, уже сделал. Не обратила ли тебя магия против собственного народа? – Он ликующе расхохотался и ткнул в меня кривым пальцем. – Посмотри на себя! Мне не нужно тебя убивать. Лучше оставить в живых. Подумай сам. Мог бы я придумать лучшую месть твоему отцу? Толстяк! Теперь ты будешь принадлежать пятнистому народу. Ты никогда не будешь солдатом. Твой отец вонзил в меня холодное железо и убил мою магию. Но во мне осталось достаточно магии, чтобы отдать его сына другому моему врагу. Мне хватило магии, чтобы поссорить моих врагов. И после моей смерти вы будете сражаться и убивать друг друга, а у моих ног будут выситься горы трупов в той загробной жизни, куда меня отправят.

Не могу выразить словами, как на меня подействовали его насмешки. Я ожидал, что он станет утверждать, будто ничего не знает. Я вовсе не хотел, чтобы он признался, что мы с ним каким-то неизвестным мне образом разделили один и тот же сон и что он не хуже меня самого

помнит, как обошелся со мной древесный страж. Он лишь подтвердил мои самые страшные опасения. Внутри меня все застыло, я крепко обхватил себя руками, испугавшись, что сейчас начну дрожать. Последние стены внутри меня начали рушиться, мне казалось, будто в мой живот вливается холодная кровь. Я сжал зубы, чтобы они не стучали. Сердце отчаянно колотилось в груди, но уже в следующее мгновение на меня снизошло жуткое черное спокойствие, и я проговорил тихим голосом, который с трудом узнал сам:

– И все равно ты проиграл, кидона. Ты проиграл ей и мне. Я пришел к вашему Танцующему Веретену и остановил его холодным железом. Именно я уничтожил магию равнин. Ты больше не можешь брать у нее силу. Я сделал тебя стариком. Все свершилось, кидона. Навсегда. Ты можешь цепляться за обрывки и нити, но сама ткань исчезла. И я пришел сегодня сюда, чтобы сказать тебе, что это я отнял магию у твоего народа, оставив вас дрожать от холода в темноте. Я, сын солдата. Посмотри на меня, Девара. Посмотри на смерть твоей магии и твоего народа.

На его лице одно выражение так быстро сменяло другое, что это было даже смешно. Он не сразу осознал, что я сказал. Сначала на его лице появилось недоверие, потом я увидел, как на него снизошло понимание того, что я сказал правду. Я убил его магию, и сознание этого убивало его.

Его лицо приобрело жуткий цвет, и он издал булькающий звук.

Я не успел заметить, как он выхватил «лебединую шею». Я был настолько глуп, что не ожидал удара. Да, он постарел, но ярость придала ему сил и скорости. Кривой клинок метнулся ко мне, в бронзовой поверхности отразилось алое пламя костра и заката, словно он уже испробовал крови. Я отскочил назад, мое лицо обдало ветром от пронесшегося мимо оружия. Когда я начал вытаскивать саблю, Девара, багровый от усилий, бросился вперед, вложив в удар всю свою ненависть. Я едва успел обнажить клинок, когда острие «лебединой шеи» вонзилось мне в живот. Я почувствовал острый укол, услышал, как рвется ткань рубашки, а потом – как ни странно – ничего. Я застонал, выронил саблю и схватился за живот сразу же, как только он вытащил из него свой клинок. Я стоял, зажимая рану и чувствуя, как сквозь рубашку по пальцам течет кровь. Потрясение заставило меня замереть.

«Какая глупая смерть», – подумал я, когда он снова замахнулся, чтобы отрубить мне голову.

Его губы растянулись в свирепой усмешке, обнажив заточенные зубы, глаза выпучились. А я подумал о том, как будет недоволен мой отец сыном-солдатом, столь постыдно погибшим.

Взрыв за спиной ослепил и оглушил меня. Несколько пуль, ударивших в грудь Девара, оборвали его прыжок на полпути, на мгновение он словно бы повис в воздухе, остановленный силой свинца, а затем, точно марионетка с обрезанными нитками, упал, и клинок вылетел из его разжавшейся ладони. Я понял, что он умер раньше, чем его тело рухнуло на землю.

Следующее мгновение тянулось, будто целый день. В воздухе висел сернистый запах черного пороха. Я оцепенел от множества событий, произошедших разом. Я стоял, прижимая руки к животу и понимая, что такая рана может загноиться и прикончить меня, как если бы он и впрямь отрубил мне голову. С другой стороны, я не мог до конца осознать серьезность ранения, как и то, что Девара лежит мертвый у моих ног. Я еще никогда не видел застреленного человека. Внезапная смерть уже ошеломляет, а Девара был для меня не просто человеком. Он приходил ко мне в самых страшных кошмарах, он чуть не убил меня, а еще учил, делился со мной пищей и водой. Он был важен для моей жизни, и вместе с ним умерла значимая часть моего опыта. Теперь только я один могу вспоминать все, что мы с ним пережили вместе. Но я тоже могу умереть. Кровь стучала у меня в ушах.

– Ну, сперва он мне не показался полезным, но теперь я рад, что купил его, – словно где-то вдалеке заметил сержант Дюрил. – Хозяин лавки назвал его «перечницей». Похоже, я его хорошенько поперчил, а?

Он прошел мимо меня и наклонился над телом Девара. Затем со стоном выпрямился и вернулся ко мне.

– Он мертв. Ты в порядке, Невар? Надеюсь, он до тебя не добрался?

Дюрил все еще держал в руке маленькое многоствольное ружье. Я о таких слышал, но видеть мне их не приходилось. Они были хороши только при стрельбе с близкого расстояния, но зато выпускали сразу несколько пуль. Получалось, что, даже если тебе не удавалось как следует прицелиться, ты все равно мог попасть. Мой отец отзывался о них как об оружии трусов, которое может спрятать в рукаве дорогая шлюха или карточный шулер. Меня удивило, что у сержанта Дюрила было с собой такое ружье. Удивило и обрадовало.

– Не уверен, – ответил я.

Особой боли не было, но я слышал, что иногда из-за шока раненый может ее и не чувствовать. Я отвернулся от Дюрила и сделал несколько неуверенных шагов к костру, неловко теребя свою одежду. Мне хотелось самому, без него посмотреть, насколько серьезна моя рана. Мне удалось расстегнуть пуговицы и распахнуть рубашку, когда он меня догнал.

– Добрый бог, не оставь нас! – пробормотал он, словно настоящую молитву, и, прежде чем я смог его остановить, наклонился вперед, чтобы ощупать мою рану. – О, благодарение всему святому! Маленький укол, Невар. Почти ничего. Поверхностная рана. А поверхности у тебя хватает, ты уж меня прости. Слава доброму богу! Что бы я сказал твоему папаше, прежде чем он прикончил бы меня?

У него подогнулись колени, и он тяжело опустился на землю рядом с костром Девара, а я постарался от него отвернуться, странно смущенный тем, что я не ранен серьезнее. Я вытер окровавленные руки о рубашку и, сжав зубы, потрогал порез на животе. Сержант оказался прав. Ранка уже едва кровоточила. Мне стало стыдно, что такая незначительная царапина остановила меня и заставила выронить саблю. Ничего себе сын-солдат! Я впервые встретился в бою с врагом, и старик разоружил меня легким тычком в живот. Мысль о том, что мой собственный гордый клинок лежит в пыли, заставила меня покраснеть, и я отправился на его поиски.

Свет быстро тускнел, и мне пришлось искать саблю на ощупь. Я убрал ее в ножны, а затем наклонился за «лебединой шеей» Девара. На мгновение меня охватило мальчишеское желание сохранить его клинок как трофей, но мне тут же стало стыдно за столь тщеславные мысли. Я ведь даже не убил человека, которому он принадлежал. Я чуть сдвинулся ближе к костру, и он осветил сияющий бронзовый клинок. И когда я вдруг увидел, что он покрыт кровью на полных четыре пальца, мне стало не по себе. Именно на такую глубину он проник в мое тело. Свободной рукой я ощупал рану. Нет, я почти не испытывал боли.

Бессмыслица.

Я поднес «лебединую шею» к огню костра, чтобы внимательнее ее рассмотреть. Сержант Дюрил уже приходил в себя от испуга за меня и при моем приближении встал.

– Оставь его! – резко приказал он. – Оставь все как есть. Нам нужно спуститься вниз, пока совсем не стемнело.

И он пошел прочь от меня. Я стоял в полном одиночестве в свете костра и смотрел на собственную кровь на клинке. Я попытался обмануть себя, убеждая, что она просто стекла, но знал, что это не так. «Лебединая шея» вошла глубоко в мое тело, но, когда Девара вытащил свое оружие, рана просто закрылась. Клинок выпал из моей руки прямо в огонь, а я повернулся и зашагал прочь. Проходя мимо тела Девара, я даже не взглянул на него.

– Лошадей поведем по тропе, по крайней мере до поворота, – объявил Дюрил, а я не стал с ним спорить и последовал за ним, доверяясь ему, как в детстве.

Я не думал о том, что осталось у нас за спиной, поскольку сомневался, что женщина и мальчик признаются кому-нибудь в том, что они выдали нам укрытие Девара. Но даже если они это сделают и нас обвинят в его смерти, он первым на меня напал, а Дюрил спас мне

жизнь. Казалось странным оставить его валяться там, где он упал, но забрать тело с собой и похоронить где-то еще было бы и вовсе неправильно.

Темнота наполнила узкое ущелье, точно вода ведро.

– Можешь ехать верхом? – ворчливо спросил сержант Дюрил.

– Со мной все хорошо. Небольшая царапина, и только. – Я немного замешкался и спросил: – Ты доложишь отцу об этом?

– Я никому ни о чем не собираюсь докладывать. И ты тоже.

– Есть, сэр, – сказал я, испытывая облегчение от того, что этот вопрос был решен за меня.

Мы забрались на лошадей, и сержант поехал впереди, отыскивая дорогу домой.

Мы молча ехали по тенистому ущелью, а когда выбрались на равнину, вдруг попали из ночи в вечер. Последние лучи заходящего солнца омывали плоскогорье алой краской. Дюрил пришпорил коня, и я, догнав его, поскакал рядом.

– Ну, ты добился, чего хотел? – не поворачиваясь ко мне, спросил он.

– И да и нет. Девара умер. Его смерти я не желал. Но я не думаю, что он допустил бы другой исход, когда узнал, что я сделал. Вряд ли, что сегодня мне удалось хоть что-то решить. Я по-прежнему толстый. Как сказал Девара, я все еще во власти древесного стража. – Я отчаянно потряс головой. – Все это похоже на странную древнюю сказку, какие рассказывают у костра. Как можно поверить в такую необычную историю?

Сержант ничего мне не ответил. Я смотрел прямо перед собой, раздумывая над тем, что произошло.

– Он знал, – сказал я наконец. – Девара знал, что случилось в моем сне. Значит, он в нем присутствовал. И для него это столь же реально, как наш сегодняшний приезд. Из его слов выходит, что она поработила меня своей магией и обрекла на то, чтобы я стал... стал таким! – Мне едва удавалось сдерживать отвращение. – Если я ему поверю, я останусь таким до конца дней, и, возможно, со мной произойдут еще более страшные вещи. Может быть, я действительно предам Гернию!

– Полегче, мальчик. Не стоит придавать себе такое значение, – предупредил меня Дюрил, и я услышал в его голосе горькую насмешку, которая меня уколола.

– Но если я ему не поверю, если заявлю, что магии не существует или что она не имеет надо мной власти, тогда какой во всем этом смысл? В таком случае мне нет никаких причин быть толстым, а значит, и вовсе непонятно, что с этим делать. Как я с этим справлюсь, сержант? Что мне делать? Поверить Девара и сдаться, потому что магия будет использовать меня как захочет, или принять мир отца, в котором я не знаю, почему так страшно растолстел, и все мои усилия измениться ни к чему не приводят?

– Подожди минутку, – попросил он, натягивая поводья, и я придержал рядом с ним Гордеца, пока он спешивался и подтягивал подпругу. – Ослабла, когда мы спускались по тропе, – заметил он и, шурясь в лучах заходящего солнца, посмотрел на меня. – Раньше мне этого не приходилось делать, Невар. Заклинание «Держись крепко» удерживало ее. А теперь нет – достаточное доказательство для меня. Магия равнин слабеет. Как ты думаешь, глупо с моей стороны жалеть об этом?

– Я никогда не считал тебя глупцом, сержант Дюрил. Но ты хочешь сказать, что веришь в магию? Ты веришь в то, что я где-то побывал вместе с Девара и древесный страж украла часть моей души, которую я вернул, убив ее? Ты веришь, что не я, а магия повинна в том, что мое тело так безобразно растолстело?

Дюрил снова сел в седло и молча пустил лошадь рысью. Я догнал его, и через несколько минут мы уже перешли на галоп. Прежде чем спустилась ночь, мы выбрались на дорогу вдоль реки и в наступившей темноте поехали медленнее.

– Невар, я не знаю, как сказать тебе, во что ты должен верить, – ответил он наконец. – В Шестой день я, как и ты, поклоняюсь доброму богу. Но в течение тридцати лет, седлая лошадь,

я всякий раз делал над подпругой знак «Держись крепко». Я видел чародея ветра и видел, как порох посылает в полет пулю. Я не понимаю, как работает то или другое, но, думаю, я верю в то, что полезно для меня сейчас. Как и большинство людей.

– Что мне делать, сержант?

Я не ожидал ответа и был потрясен, когда получил его.

– Думаю, – сказал он, и голос его был мрачным, – нам обоим следует молиться доброму богу, чтобы он помог тебе найти способ обернуть магию против нее самой.

Глава 8

Суд

Мы с сержантом Дюрилом добрались до дома уже после наступления темноты, поставили лошадей в конюшню и тихо попрощались у выхода.

– Промой рану, прежде чем отправишься спать, – предупредил он меня, и я пообещал непременно это сделать.

Рану. Я знал, что Девара вонзил в меня клинок, царапина болела, но гораздо меньше, чем спина и все остальное после стольких часов в седле. Я вошел через черный ход и заглянул на кухню.

Там горела одна лампа с прикрученным фитилем. Помещение, где обычно царила суеда, казалось тихим и заброшенным. Стол для замешивания теста был тщательно вымыт, еда убрана в горшки или накрыта чистыми полотенцами. Здесь еще было жарко после дневной готовки. На одном из столов громоздились буханки хлеба, испеченного на неделю. Их аромат показался мне райским.

Отец гордился тем, что в наш дом вода проведена по трубам. Огромная, стоящая на возвышении цистерна постоянно наполнялась из реки и обеспечивала нас водой, питьевой и для мытья. Толстые каменные стены цистерны сохраняли ее прохладной даже летом. Я выпил одну за другой три большие кружки, затем четвертую – медленно. Намочив кухонную тряпицу, стер с лица и шеи пот и пыль. День выдался долгим.

Затем я еще раз намочил ткань и осторожно распахнул рубашку. Открутив фитилек, чтобы лучше видеть, я заметил, что испачкал одежду кровью, пояс штанов стал от нее жестким. Я осторожно смыл кровь с живота, и вскоре моим глазам предстал тонкий шрам длиной с указательный палец. Я сжал зубы в ожидании боли и прикоснулся к нему.

И ничего не почувствовал, даже кровь больше не шла. Клинок «лебединой шеи» вонзился в мое тело, но эта царапина была не глубже, чем оставляют кошачьи когти. Может, я все придумал? Нет. Было слишком много крови. Я провел пальцем по сморщенному шраму. Царапина, словно по волшебству, исчезала от моего прикосновения. Словно по волшебству.

Неожиданно меня захлестнуло головокружение, и я цеплялся за край раковины, пока оно не прошло. Затем очень осторожно я смыл свою кровь с тряпицы, наблюдая за тем, как убегает в сток темная вода, отжал ее и повесил сушиться. Моя рана исцелилась. Словно по волшебству. Потому что это и есть волшебство. Внутри меня живет магия. Я неожиданно подумал о багровом лице и злобном оскале Девара. Что убило старика – свинцовая пуля Дюрила? Или он уже умирал, когда бросился на меня? Я снова вспомнил, как колотилось у меня в груди сердце, как вскипала кровь. Я обдумал предположение, что я убил Девара магией. Мне оно совсем не понравилось, и я сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

Вечерняя «прогулка» и тяжесть сделанных мною открытий пробудили во мне зверский аппетит. Я отнес буханку еще теплого хлеба и маленькую плошку масла на стол, затем наполнил кружку дешевым элем, который отец держал для слуг. Придвинув стул, я опустился на него с тяжелым вздохом и некоторое время сидел в сумрачной тишине, пытаясь разобраться во всем, что узнал.

В том, что сказал мне Девара, не было ничего нового. Его слова подтвердили страх, который зрел во мне последние четыре года. Прежде я не видел правды, потому что она была чужда Гернии. Для людей вроде моего отца то, что я пережил, просто не было настоящим. Если бы я попытался ему это объяснить, он бы счел меня лжецом или сумасшедшим. Чего я добился сегодня? Что дала мне смерть Девара? Дюрил слышал Девара и поверил мне. По меньшей мере это.

Я отрезал хрустящую корочку хлеба, намазал маслом и откусил кусок. Простая знакомая еда стала для меня утешением, когда мой мир искажился до неузнаваемости. Я медленно прожевал и проглотил хлеб, отпил большой глоток эля. Кружка тихонько, уютно стукнула, когда я поставил ее на стол в тускло освещенной кухне.

Магия принадлежит дикарскому миру. Это слабое и ненадежное оружие людей слишком примитивных, чтобы подчинить себе природу с помощью науки и инженерного дела. Я всегда верил, что магия годится для надувательства и бытовых мелочей, но бесполезна в серьезных делах. Заговоры и заклинания, о которых я слышал, удобны, но редко необходимы. Например, «Держись крепко» позволяло всаднику не останавливаться, чтобы подтянуть подпругу. Но это не следует путать с настоящей технологией или изобретениями. Нечто простое, вроде блоков, или сложное, как система труб, доставляющая воду в наш дом, являлись истинными нововведениями человечества. Они помогали людям выбраться из грязи и облегчали каждодневный тяжелый труд.

Я задумчиво отрезал еще кусок хлеба и медленно намазал его маслом. Я снова и снова видел, как технология побеждает магию. Железо может ее уничтожить одним своим присутствием. Железная дробинка убила чародея ветра. Девара винил в слабости своей магии то обстоятельство, что мой отец ранил его железной пулей. Я сам видел, как маленький железный нож остановил Танцующее Веретено.

Тогда как может магия делать со мной такое?

Я прикасаюсь к железу каждый день. Магия не может иметь надо мной власти. Я герниец, почитающий доброго бога, и отличный инженер. Магия – для невежественных кочевников, живущих в шатрах. Я взял в руки хлебный нож и принялся разглядывать лезвие. Затем приложил плоской частью к руке – и ничего не почувствовал. Ни жжения, ни ледящего холода, никаких неприятных ощущений. Раздраженный самой попыткой, я использовал нож по назначению и отрезал еще ломоть хлеба. Моя кружка опустела, и я снова ее наполнил.

Впервые в жизни мне захотелось поговорить со священником. Я знал, что большинство из них совершенно не приемлет магии. Она не является одним из даров доброго бога его последователям, а следовательно, не должна занимать праведных людей. Они не отрицают ее существования, просто она для нас не предназначена. Я знал это из Священного Писания. Но в таком случае что со мной происходит? Я не стремился к магии, тогда как же ей удалось добраться и захватить меня?

Но уже в следующее мгновение я признался себе, что, возможно, стремился к магии. Иначе зачем бы я последовал за Девара с края обрыва в ту далекую ночь? Он заставил меня пожелать стать кидона настолько, что я готов был слепо рисковать жизнью. Может быть, этим я оскорбил доброго бога? И именно тогда попал во власть магии? Неожиданно у меня перед глазами возникли принесенные в жертву птицы. Старые боги дарили магию тем, кто делал им подобные подношения, – точнее, так говорилось в старых легендах. Я вздрогнул, и теплая уютная кухня вдруг показалась мне темной и злобной. В детстве меня учили, что последователи доброго бога защищены от злобы старых богов. Может быть, я лишился его заступничества, шагнув с утеса в пропасть? Перед глазами у меня возник стервятник, который с возмущенным карканьем расправил крылья и потянулся ко мне. Я вмешался в жертвоприношение Орандуле, старому богу равновесия. Он повелевает жизнью и смертью, счастьем и несчастьем. Оскорбил ли я его? Стал ли я теперь уязвим для него? От этих мыслей волосы мои встали дыбом, и я едва не подпрыгнул от неожиданности, услышав у себя за спиной резкий голос:

– Что ты делаешь?

Я с виноватым видом повернулся:

– Зашел наскоро перекусить, сэр. Я поздно вернулся и не хотел никого будить.

Отец пересек кухню большими шагами, и я неожиданно увидел себя его глазами: толстый боров, скорчившийся в темноте над едой, пожирающий ее, пока его никто не видит. Половина

буханки хлеба, грязный нож, тарелка с маслом и кружка с элем – все указывало на тайное обжорство.

– Ты свинья. Лживая свинья. Ты избегаешь родных и отказываешься есть вместе с нами, и все ради чего? Чтобы по ночам потихоньку пробираться на кухню и набивать брюхо едой?

– Я съел совсем немного, сэр. – Я встал перед усыпанным крошками столом, словно нашкодивший ребенок, прячущий разбитую вазу. – Я съел всего несколько ломтей хлеба с маслом. Мы с сержантом Дюрилом ездили покататься и вернулись куда позже, чем собирались. Я проголодался.

– Ты и должен голодать, жирный болван! Именно ради этого я поручаю тебе тяжелую работу, чтобы соскоблить с твоей ленивой спины жир. Я не верю своим глазам, Невар. Не понимаю, когда и почему ты превратился в это... в жадного, прожорливого лжеца! О, в последние несколько дней тебе удавалось меня дурачить. Ты так напоказ избегал семейного стола. Я разговаривал с поварами. Они сказали, ты съедаешь тарелку чего-нибудь, а потом уходишь. Я подумал: «Ну, мальчик старается, он вспомнил о самодисциплине и хочет избавить нас от зрелища того, как он ест. Он много трудится и мало ест и скоро приведет себя в порядок». Я не мог понять, почему ты не худеешь, но думал, что, возможно, слишком нетерпелив. Я даже подумывал, да простит меня добрый бог, не следует ли мне воспользоваться своим влиянием и вернуть тебя в Академию, раз уж ты доказал, что у тебя хватит силы воли измениться. И что же я обнаружил сегодня? Правду! Ты устроил для нас настоящее представление, делая вид, что выполняешь тяжелую работу и почти ничего не ешь. А на деле по ночам потихоньку пробирался сюда и набивал брюхо! Почему? Ты полагал, я ничего не узнаю? Ты считаешь меня дураком, Невар?

Я стоял по стойке смирно, стараясь не выдать своего гнева.

– Нет, сэр. Никогда, сэр.

– В таком случае в чем дело, Невар? В чем? Ты слышал о новых стычках с жителями Поющих земель и возобновившихся восстаниях кочевников? Они винят нас во вспышках проклятой чумы спеков и бунтуют. Во времена, подобные этим, хороший офицер может быстро сделать карьеру. Но ты, похоже, пытаешься сбежать от подвернувшихся тебе возможностей. Ты трус? Ты боишься служить своему королю? Ты не ленив. Мне докладывают, что ты справляешься с работой за день. В таком случае что происходит? Что? – Неспособность понять приводила его в ярость. – Почему ты решил всех нас опозорить?

Пристально глядя мне в глаза, отец начал наступать на меня. Он был похож на собаку, выбирающую позицию для нападения. Мои мысли метались по кругу. Он мой отец. Но он ко мне несправедлив. Это в большей степени его вина, чем моя. Меня завораживал вопрос, на который я не мог ответить: если он меня ударит, стерплю ли я или дам ему сдачи?

Возможно, он увидел в моих глазах эту неуверенность или почувствовал, что я едва сдерживаю ярость. Так или иначе, он замер, где стоял, и я услышал, как закрипели его зубы.

– Тебе уже давно следовало понять, – проговорил он, – что дисциплина должна идти изнутри человека, но, поскольку ты этого не понимаешь, я навязу ее тебе, как испорченному ребенку. Сейчас ты отправишься в свою комнату, Невар, и останешься там. Ты не покинешь ее, пока я тебе не позволю. Я буду следить за тем, что ты ешь. И, клянусь добрым богом, я добьюсь того, что ты похудеешь.

– Мы можем попробовать, отец, – ровным голосом ответил я, – но не думаю, что из этого выйдет толк.

Он презрительно фыркнул:

– Можешь не сомневаться, выйдет. Ты не видел заключенных, которых пару месяцев держали на хлебе и воде. Ты будешь удивлен тем, как быстро истощается человек.

– Возможно, так бы и было, отец. Если бы мой жир был вызван моей жадностью или обжорством, такое лекарство могло бы помочь. Но это не так. – Я не мог предложить ему

ничего, кроме правды, и, не задумываясь, продолжил: – Я объяснил это маме. Я знаю, она тебе передала. Я знаю, ты считаешь, что я ей солгал. Но это не так. Я растолстел из-за проклятия спекской ведьмы. Или богини. Я не знаю точно, кто она. Но именно она сотворила со мной это, отдав меня своей магии. А смогла она это сделать, потому что ты передал меня для обучения кидона Девара, когда мне было пятнадцать. Он «обучил» меня, верно. Заставлял голодать и оскорблял, а потом убедил в том, что единственный способ быть настоящим воином – это стать кидона, как он.

В моем голосе звенели обвиняющие нотки, а отец смотрел на меня, слегка приоткрыв рот.

– Однажды вечером он одурманил меня, высыпав что-то в огонь костра, дым был сладким и очень густым. Затем он велел мне следовать за ним, и я прыгнул с обрыва и оказался в совершенно другом мире. Мы путешествовали по нему несколько дней, а то и недель, потом подошли к опасному мосту, и он велел мне сразиться с его стражем. Именно тогда я и встретился с древесной женщиной. Но я не смог заставить себя ударить ее, я недооценил того, каким страшным врагом она оказалась. Она одержала надо мной победу, и я оказался в ее власти. Мое тело, такое жирное, – дело ее рук. Внутри я прежний, тот, кем я всегда был, с теми же мечтами и стремлениями. Я всегда хотел стать солдатом. Я пытаюсь исправить то, что со мной произошло. Сегодня я ездил в лагерь кидона, искал способ освободиться. Но это невозможно, по крайней мере это...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.